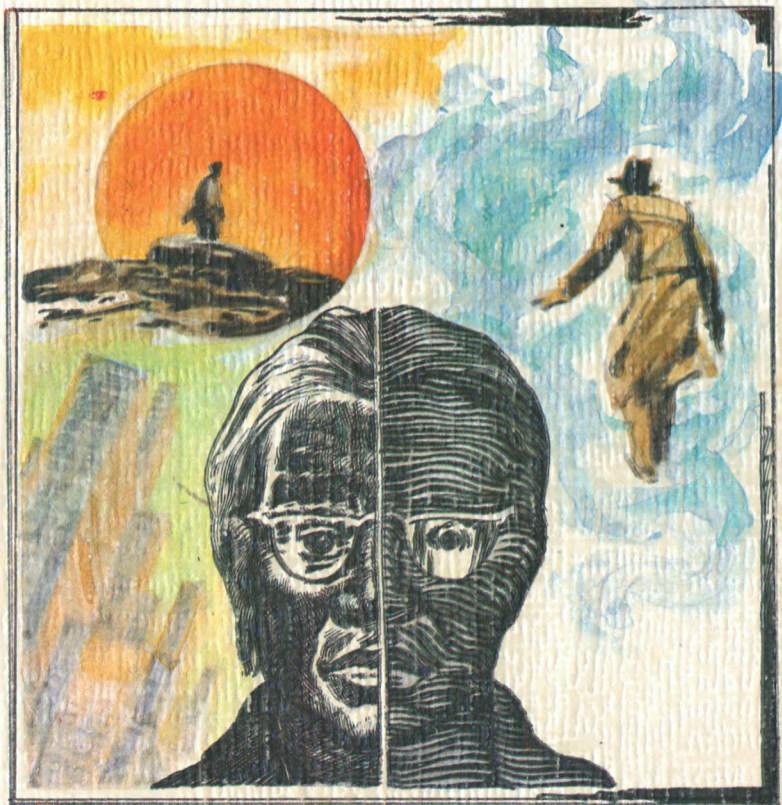

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ
ПЕРЕКРЕСТОК
ДАЛЬНИХ ДОРОГ

**БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ**

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР
МИХАНОВСКИЙ
**ПЕРЕКРЕСТОК
ДАЛЬНИХ
ДОРОГ**

Повести и рассказы

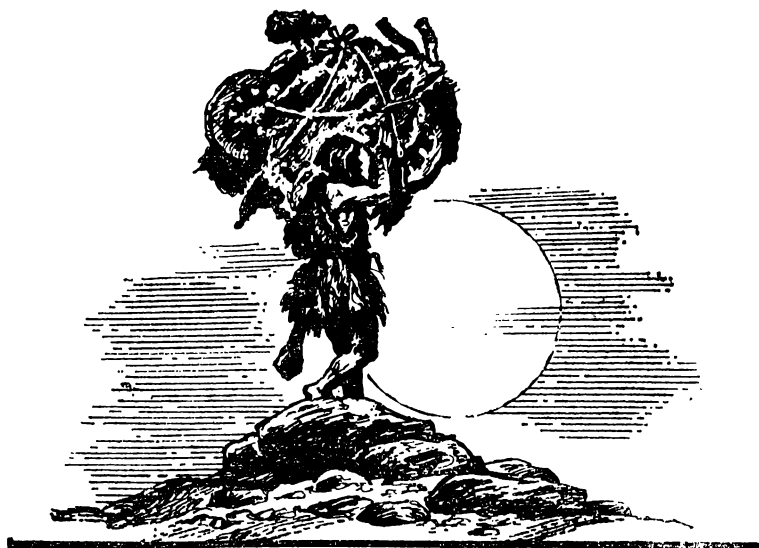

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1987

ББК 84Р7
М 69

М 4702010200—265 146—87
078(02)—87

© Издательство «Молодая гвардия», 1987 г.

Гибкая тактика

— ...Такова в общих чертах схема ОМПТ, обучающей машины переменной тактики, созданной нашим коллективом,— заключил профессор. Он протер запотевшие стекла очков и добавил:— Хочу еще раз подчеркнуть — наш агрегат по ходу учебного процесса непрерывно меняет методику обучения, каждый раз выбирая наилучший план.

На полукруглом возвышении рядом с докладчиком стояла приземистая фигура с квадратным туловищем. Это и был новый обучающий автомат. Время от времени он подмаргивал зеленым глазком, будто знал что-то, еще неизвестное уважаемым членам ученой комиссии.

— Вы закончили? — спросил секретарь.

— Да.

— Есть предложение. Учитывая, что сейчас в институте как раз проходит зачетная сессия, неплохо было бы сразу же включить его в работу,— секретарь кивнул в сторону умного агрегата.— Относительно знаний ОМПТ сомневаться не приходится, тактику опроса он выберет наилучшую, ну а кроме того... он разгрузит немного наших преподавателей.

ОМПТ нетерпеливо переминалась со шупальца на шупальце, понимая, что решается ее судьба. Но электронный мозг волновался понапрасну: мысль секретаря была поддержана единогласно...

— Главное — не нервничай,— сказал профессор, почему-то оглянувшись. Но коридор был пустынен. Над головой матово светилась табличка: «Тихо! Идут экзамены».

— Если что-нибудь случится...— продолжал профессор охрипшим от волнения голосом.

— Что может случиться?

— Ну, мало ли,— смешался профессор.— Каверзный вопрос, например... Или просто встретится материал из незнакомой области...

— Что вы, создатель,— произнесла Обучающая, и в голосе ее старому профессору почудилась улыбка.— Для того, о чем вы говорите, нет никаких оснований. Надежность моих блоков в четыре раза превосходит обычную. Что же касается объема информации, записанной в памяти, то...

— Да знаю, знаю,— шепотом перебил профессор.— Я совсем не о том...

Как объяснишь этой умнице, что он хочет сказать? Да полно, нужно ли ей это?

Профессор вспомнил, как он волновался перед первой своей лекцией. Как он стоял перед дверьми аудитории, в которой ждали его студенты. Стоял и не ре-

шался войти. Правда, был он тогда не профессором, а безусым юнцом ассистентом...

«Надежность моих блоков»,— мысленно повторил он и покачал головой.

— Я войду,— сказала Обучающая, и фотоэлементы ее весело блеснули. Щупальце уверенно легло на дверную ручку.

Профессор сделал жест, словно пловец, решившийся прыгнуть в холодную воду, и решительно зашагал к лифту.

Обучающая проводила его взглядом и, когда профессор вошел в кабину, толкнула перед собой дверь.

Студенты — двадцать пять пар внимательных глаз — настороженно следили за угловатой фигурой нового экзаменатора. На столах перед каждым лежали карандаш и лист чистой бумаги.

— Здравствуйте,— четко произнесла Обучающая, эластичным шагом пересекая аудиторию. Казалось, она не замечает изучающих глаз.— Ну что ж, приступим,— прозвучало в тишине.

Обучающая подошла к первому ряду и обвела всех немигающим взглядом двух выпуклых фотоэлементов.

— Зачет по дифференциальным уравнениям вы должны сдать в течение трех дней, считая сегодняшний.— Обучающая помолчала.— Кто из вас сегодня хорошо подготовился? — прозвучал неожиданный вопрос.

Студенты недоуменно переглянулись.

— Кто из вас хорошо подготовился? — повторила Обучающая свой вопрос. Взгляд ее на какую-то долю секунды задержался на белокурой девушке во втором ряду. Та вспыхнула и, быстро поднявшись, отчеканила:

— Я хорошо подготовилась!

— Чудесно,— сказала Обучающая,— давайте-ка сюда ваш матрикул!..

Ловко развернув щупальцами зачетную книжку, Обучающая вписала туда безукоризненным почерком

«зачтено» и, возвращая растерявшейся девушке темно-коричневую книжицу, размеренно произнесла:

— Значит, остальные подготовились недостаточно хорошо? — В голосе ее явно слышались саркастические нотки. — В таком случае можете отправляться домой.

— Все? — спросил кто-то из заднего ряда.

— Да, все. Придете завтра.

...Назавтра, когда сверкающая пластиком и металлом ОМПТ явилась в аудиторию второго курса, ее встретил легкий шумок. Не обращая внимания на звуковые помехи, автомат невозмутимо пересек аудиторию и поднялся на кафедру.

— Продолжим зачет по дифференциальным уравнениям, — внушительно произнесла Обучающая.

Студенты ждали от нее, казалось, чего-то другого.

— Кто хорошо подготовился к зачету? — повторила Обучающая свой вчерашний вопрос.

Лес поднятых рук послужил экзаменатору красноречивым ответом.

Обучающая с минуту внимательно оглядывала ряды. На некоторых лицах взгляд ее задерживался.

Пауза становилась томительной.

— Итак, вы все хорошо подготовились на сегодня? — наконец медленно произнесла Обучающая.

Молчание.

— Великолепно, — продолжала Обучающая, не дождавшись ответа. — Значит, вам можно предложить уравнение повышенной трудности. Подходите по одному и подавайте чистые листочки, а я запишу на них условие задачи.

Последнее испытание

Государственная комиссия принимала у киберкомпании «Уэстерн» только что заверченный УЭМ — Универсальный Электронный Мозг.

«УЭМ — последняя вершина технической мысли!» — кричали газеты, отхватившие за рекламу солидный куш. «УЭМ решает не более чем за минуту любую логическую задачу!» — вещали броские заголовки. А одна влиятельная газета через всю первую полосу напечатала огромными литерами: «УЭМ — чудо из чудес! УЭМ может все, — говорилось в статье. — Варить сталь, воспитывать ребенка и прокладывать курс космического корабля. Спешите приобрести надежного электронного друга!» — заключала газета.

К концу испытаний изобретательность членов комиссии иссякла. Все шло как по маслу до тех пор, пока...

С краю стола, за которым восседала комиссия, пригнулся сухонький старичок в строгом смокинге. Казалось, он дремал под монотонные вопросы членов комиссии и столь же монотонные ответы электронного чуда.

— Больше вопросов к объекту нет? — спросил наконец председатель комиссии. — В таком случае разрешите считать, что...

— Минуточку, — перебил его старичок, встрепенувшись. — Простите... У меня есть еще одна задачка для УЭМа.

Директор «Уэстерна», сидевший рядом с председателем, поморщился. У компании со старичком были давние счеты, и теперь директор не без оснований ожидал со стороны противника какой-нибудь каверзы.

— Пожалуйста, — нахмурясь, разрешил председатель.

— Благодарю, — церемонно поклонился старичок. — Задача такова. На кухонном столе стоит пустой чайник. Имеются также печь, дрова и спички. Вопрос: как построить логическую схему, по которой можно вскипятить воду?

Монументальное сооружение, сверкающее никелем и плексигласом, несокрушимым бастионом возвышалось

перед помостом, на котором располагались члены комиссии.

После вопроса старичка внутри бастиона что-то слегка загудело, замигали разноцветные лампочки, затем бесстрастный голос, идущий из недр сооружения, четко выдал результат:

— Алгоритм решения задачи таков — снять чайник со стола, налить его водой, сунуть в печку. Затем подложить туда дров и разжечь их с помощью данных спичек...

— Великолепно! — восхитились члены комиссии, бросая победные взгляды на старичка.

— Последний вопрос, — кротко произнес старичок. — Видоизменим условие задачи. Чайник уже налит водой и сунут в печку, там же находятся и дрова. Есть и спички. Проблема та же — вскипятить воду.

Бастион тревожно загудел, что-то в нем щелкнуло, кашлянуло, засипело, и по прошествии пятидесяти четырех секунд все тот же голос со скрытой гордостью сообщил решение:

— Чайник вытащить из печки, вылить из него воду и поставить на стол. Затем вытащить из печки дрова. Тем самым мы сведем данную задачу к предыдущей!

Бастион умолк.

— Больше вопросов к УЭМу не имею, — еще более кротко произнес старичок и обвел всех членов комиссии взглядом, в котором светилось торжество.

Важный вопрос

Зацепившись за никелированную штангу, Энквен повис, глядя в окно.

Обширный институтский двор был пуст. Только на волейбольной площадке одинокая фигура возилась у волейбольной сетки да новая лаборантка куда-то торопилась с папкой в руке. В папке — Энквен разглядел без

труда — лежали толстый конспект и учебник звездной навигации.

Энквену нравились такие нечастые дни (люди называли их выходными), когда он мог так вот, не спеша собирать информацию, вдумчиво классифицировать ее, а все непонятное, как обычно, уточнять во время вечерней встречи с Павлом Филипповичем, или просто Пашей, как звали его сотрудники.

Там, наверху, за толстым потолком, на плоской крыше сточетырнадцатэтажного здания, размещалась площадка, с которой взлетали в голубое небо серебристые машины, споро машущие крыльями. Очень хотелось рассмотреть их вблизи, потрогать, залезть в кабину, включить атомное сердце. Однако летательные аппараты были знакомы роботам пока только теоретически: подниматься на авиаплощадку им еще не разрешалось.

Даже отсюда, с головокружительной высоты, Энквен различал в открытое окно каждую былинку и достаточно хорошо слышал каждое слово, произносимое внизу.

Парень все еще возился с волейбольной сеткой. Прикрепить ее было не так-то просто: порывистый ветер рвал сетку из рук.

— Помоги, Катюша! — попросил юноша, как только лаборантка поравнялась с ним.

— Некогда, Андрей, — донеслось до Энквена. Девушка замедлила шаг: — Зашиваюсь — ужас! Послесавтра защита.

— А сейчас куда?

— На консультацию.

— На консультацию? — удивился Андрей. — Но ведь сегодня никого...

— Знаю.

— Кто же тебя будет консультировать?

Она усмехнулась:

— А это мой секрет.

Через несколько минут Энквен услышал, как глубоко внизу, в недрах здания, вздохнул включенный транспор-

тер. Потом по коридору четко простучали каблучки, и в комнату вошла Катя.

— Привет, Энквен,— сказала она.

Энквен легко прыгнул к ней, точно рассчитанным движением оторвавшись от штанги. Рядом с тоненькой девушкой двухметровый робот со своими девятью гибкими конечностями выглядел достаточно солидно.

— Понимаешь, Энк, не выходит одна задача. А без нее мой дипломный проект горит.

— Горит? — удивился робот.

— Ой, ну как ты не понимаешь! Вот условие, послушай.

И она медленно продиктовала условие.

Робот застыл как вкопанный. Только в его огромных глазах-блюдцах иногда пробегали беспокойные блики, что отражало напряженную работу мозга.

Пауза затянулась.

— Да, конечно, без программирования нечего... — разочарованно пробормотала Катя. — Чудес на свете не бывает.

Махнув рукой, она медленно сделала несколько шагов к выходу. И тут Энквен быстро заговорил. Никогда еще за свое короткое существование он так не торопился: новой лаборантке он почему-то отдавал предпочтение перед остальными прочими людьми. По наблюдениям Энквена, отдавал ей предпочтение и Паша.

— Что, что? — растерянно остановилась Катя. — Ничего не понимаю...

Тогда Энквен схватил со стеллажа карандаш. Бумаги не было, и робот, подскочив к стене, стал выводить на ее светло-кремовой поверхности какие-то формулы.

Катя напряженно вглядывалась в то, что писал для нее Энквен.

— К этому,— показал робот на последнюю формулу,— нужно добавить еще интеграл столкновений.

— Ну, конечно! — воскликнула она. — Тут уж я разбе-

русь дальше сама. Спасибо, Энквен. Дай я тебя за это расцелую!

Девушка потянулась к нему, однако Энквен уклонился от непонятного для него действия. Отскочив в сторону, он застыл в выжидательной позе. «Словно барс перед прыжком», — подумала она, закрывая за собой двери.

Робот вышел из стадии неподвижности только тогда, когда снизу донесся еще слышный вздох выключенного транспортера.

Энквен старательно вытер виниловой щеткой формулы со стены и медленно прошелся по комнате. Так он делал всегда, когда не мог найти логического решения какой-нибудь проблемы.

Стало вечереть, однако робот и в темноте видел, как днем. Лишь заслышав в коридоре знакомые энергичные шаги, он включил люминесцентную панель, и мягкий свет затопил комнату.

Павел Филиппович был в добром настроении: ведь ему — после ежевечерней беседы со своим подопечным — предстояло вечером свидание...

Энквен рассказал ему о навигационной задаче и спросил, правильно ли он решил ее.

— Остроумное решение, — похвалил его Паша. — Но откуда ты взял условие? Я, насколько помню, не давал тебе такой задачи, — добавил он, скользнув взглядом по стеллажам, набитым книгами и информблоками.

— Попутно пришлось решить, — произнес Энквен, уклоняясь от прямого ответа.

«У него уже появились свои тайны. Он взрослеет», — мысленно отметил Павел Филиппович. Он уже совсем собрался было уходить, но что-то в поведении Энквена насторожило его.

— Что еще? — спросил Паша.

— Есть вопрос.

— Говори.

— Ты знаешь Катю?

— Катю?.. Какую Катю?

— Новую лаборантку.

Паша почувствовал, что начинает краснеть, и метнул на робота подозрительный взгляд.

— А почему ты, собственно, спрашиваешь?

— Надо,— лаконично ответил Энквен.

— Ну, знаю.

— В таком случае, объясни мне, пожалуйста, воспитатель, что означает с ее стороны действие поцелуя?

Мучительная, до корней волос краска залила лицо юного вестибулярника. «Может, он стал ясновидящим?» — обожгла мысль.

— Я... я не знаю,— пробормотал он.

Робот вздрогнул. Впервые он слышал от человека эти слова.

— В таком случае я сам объясню тебе, воспитатель,— великодушно пробасил он.

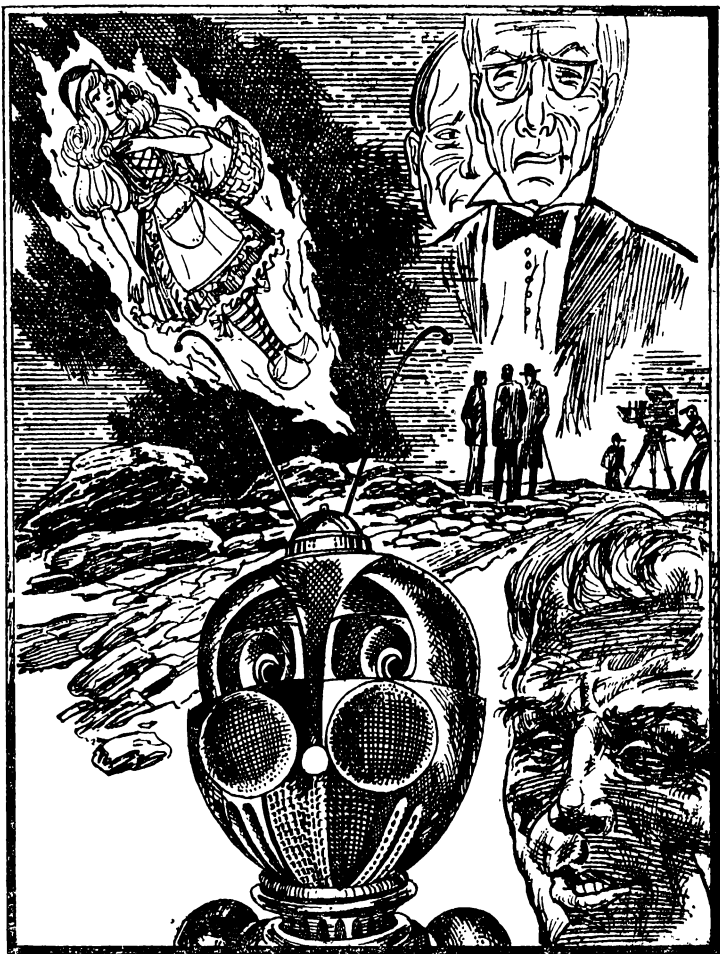

Точный расчет

За полтора года службы репутация Калибана — самого старшего, опытного и уважаемого электронного сторожа знаменитой ювелирной фирмы «Корона» — не приобрела ни единого пятнышка. Отчаявшиеся злоумышленники пробовали и так и этак проникнуть в Центральный подвал — сокровищницу «Короны», охраняемую Калибаном. В него стреляли разрывными патронами, жгли лазерными лучами, поливали сильнодействующей кислотой. Верный страж был несокрушим, как скала.

Да, так оно и было до того рокового утра, когда старший инспектор охраны, обходя в положенный час хранилища фирмы, не наткнулся на ужасающее зрелище. Дверь в подвал была взломана, а сейф «Короны» вскрыт. Инспектор бросился к нему, да только зря снова и снова шарил он по металлическим полкам: заветная жемчужина, которая хранилась в сейфе — основа благосостояния и репутации фирмы,— исчезла.

Разъяренный инспектор в первые мгновения потерял дар речи. Придя в себя, он разразился ужасными проклятиями и бросился искать Калибана.

Долго рыскать по обширному подвалу инспектору не пришлось. Некое шестое чувство, выработанное за долгие годы, привело его в самый темный угол, где стоял, понунив кубическую голову, Калибан. Хриплый бас начальника охраны загремел под сводами гулкого зала, словно труба пророка в день страшного суда. Провинившийся робот поначалу помалкивал, лишь норовя почему-то стать перед своим повелителем как-то вполоборота.

— На меня нашло замешательство... Чувства притупились... — наконец пробормотал Калибан.

— Притупились чувства! — взорвался инспектор. — А еще на вчерашней проверке ты уловил, как всегда, комариный писк за четыре мили! Но предположим даже так. — Голос инспектора опустился почти до шепота; и в нем зазвучали вкрадчивые нотки. Так бывало всегда, когда он готовил кому-нибудь из своих электронных подопечных — а их было несколько тысяч — логическую ловушку. — Предположим, ты по какой-то причине не услышал, как злоумышленники прокрались в хранилище.

Калибан кивнул.

— Но как мог ты не услышать, когда злодеи вскрывали сейф! — Голос инспектора вновь подскочил до крика. — Ты посмотри только, что здесь наворочено!

— Мои акустические фильтры...

— Может, ты ночью покидал свой пост? — спросил инспектор, пораженный внезапной догадкой.

Калибан еле заметно покачал головой, норовя поглубже втиснуться в темный угол.

— Уж если такое могло произойти, от тебя можно ожидать чего угодно, — продолжал рассуждать инспектор вслух скрипучим голосом. — Мало ли что взбредет на ум спятившему роботу? Может, ты бегал считать листья на платанах городского бульвара или количество спиц в колесах ночных велосипедистов?

— Нет, я не покидал свой пост,— тихо, но твердо перебил Калибан, и инспектор понял, что это правда: роботы его класса никогда не лгут.

— Дежурил и не услышал, как автогеном разрезают сейф?!

— Автоген бывает бесшумный.

— Бесшумный! И двери и хранилище взломали тоже бесшумно?

Калибан промолчал, лишь ниже опустил повинную голову.

— Сталь и та устает...— задумчиво произнес инспектор после долгой паузы.— Стар ты, видно, стал, голубчик.

— Пощадите,— сказал Калибан, и фотоэлементы его горячно заблестели.— Полтора века я верой и правдой служил компании. А тут... Сам не пойму, как это случилось. Какая-то темная, властная сила, которая сильнее меня... Но клянусь Главной Машиной, такое больше не повторится!

Инспектор пожевал губами.

— Если бы у тебя преданность «Короне» была так же развита, как инстинкт самосохранения,— изрек он,— это было бы неплохо, черт бы тебя побрал. Нет, хоть убей, ничего не понимаю! — развел старший инспектор огромными, похожими на клешни руками (все знали, что одним ударом ладони он способен был вколотить гвоздь в стену по самую шляпку).

Сквозь узкие, похожие на бойницы окна подвала, забранные в стальные решетки с пропущенным сквозь них током, пробивался тусклый рассвет.

«Быть может, последнее мое утро»,— с тоской подумал Калибан. Он только теперь четко осознал, что вина его перед компанией огромна и оправдания не имеет. И конечно, инспектор до всего докопается — это дело нескольких минут.

— А что это ты все время жмешься в уголке? — рявкнул инспектор.— Ну-ка, выйди на свет!

Калибан с видимой неохотой выполнил приказ.

— Еще, ещё,— подталкивал его инспектор.— Не стесняйся, вот так.

Калибан остановился у окошка, все еще норовя вернуться к инспектору боком. Однако натренированное око начальника пронзало, казалось, его насквозь.

— Что у тебя за щекой? — рявкнул инспектор.— Давай-ка сюда, да поживей.

«Ну, вот и все»,— успел подумать Калибан. Вконец сбитый с толку, он достал из-за упругой пластиковой щеки и протянул шефу какой-то небольшой предмет правильной формы.

— Взятка! И тут взятка?! — Теперь голос инспектора своими обертонами напоминал визг поросенка под ножом мясника.— Выходит, они подкупили тебя. И чем? Обычным аккумулятором. Кинули его тебе, как паршивой собаке кость. Вот что! Немедленно беги в мастерскую и скажи, что я велел разобрать тебя на детали. Авось хоть транзисторы и реле на что-нибудь сгодятся. Давай, давай сюда вещественное доказательство!

Вертя в цепких пальцах злополучный аккумулятор, старший инспектор долгим взглядом проводил ссутулившуюся фигуру Калибана, который безропотной трусцой спешил навстречу своей гибели.

«Теперь что же? — размышлял инспектор.— Всех охранников менять? Компания разорится. Между прочим, аккумулятор очень даже ничего... Из последних выпусков, стоит кучу жетонов».

Одолев коридор с люминесцирующими стенками, обреченный Калибан исчез за поворотом.

Инспектор неожиданно для себя запрятал поглубже аккумулятор и, вздохнув, отправился докладывать президенту «Короны» о чрезвычайном происшествии.

Суставы инспектора на ходу поскрипывали: он сам был далеко не из последних выпусков.

Ошибка

Шутки были настолько плоские, что в них можно было заворачивать сандвичи. Специально приглашенные на юбилей кинозвезды явно скучали. Всеобщее веселье, вспыхнувшее было вначале, шло на убыль, подобно убсгающей в море мутной волне прибоя, которая оставляет на пляжном песке лишь пустые консервные банки, дорожные бутылки и прочую дребедень.

Не скучали только роботы-официанты, чинно разносившие напитки и бисквиты. Заученными жестами они протягивали полные рюмки и принимали пустые.

В этот-то критический момент в зал вошел джентльмен, сразу очаровавший всех. Все в нем, начиная с рафинадной улыбки и кончая безукоризненным смокингом, было совершенно.

— Новая модель Уэстерн-компании! — прошелестело по залу.

— Невероятно!

— Потрясающе!

— Лучшего партнера я бы не желала! — заявила одна кинозвезда. Ее слова были встречены шумным одобрением. Кривая веселья явно полезла вверх.

В этом роскошном банкетном зале собрались наиболее видные представители киберкомпаний, чтобы отметить своеобразный юбилей — сегодня исполнялось ровно пятьдесят лет со дня выпуска первого робота. Представители прибыли из самых дальних уголков. Банкет, разумеется, транслировался по телевидению.

Извинившись бархатным баритоном за некоторое опоздание, гость присел к столу. Автоматические руки официанта подали салфетку и прибор.

— Как он ест! — зашептали все.

— Какая изумительная имитация!

— И аппетит! — с завистью добавил какой-то смор-

щенный деятель, сильно смахивающий на скелет в смокинге.

— Я бы ну ни за что не отличила его от человека! — заявила дива, высказавшая пожелание иметь подобного партнера, и выпустила из совершенного ротика небесное колечко сигаретного дыма.

Робот с некоторым удивлением поглядывал на шушукавшихся, но, не принимая этого на свой счет, продолжал мило улыбаться.

Грянула стереофоническая музыка, и начались танцы.

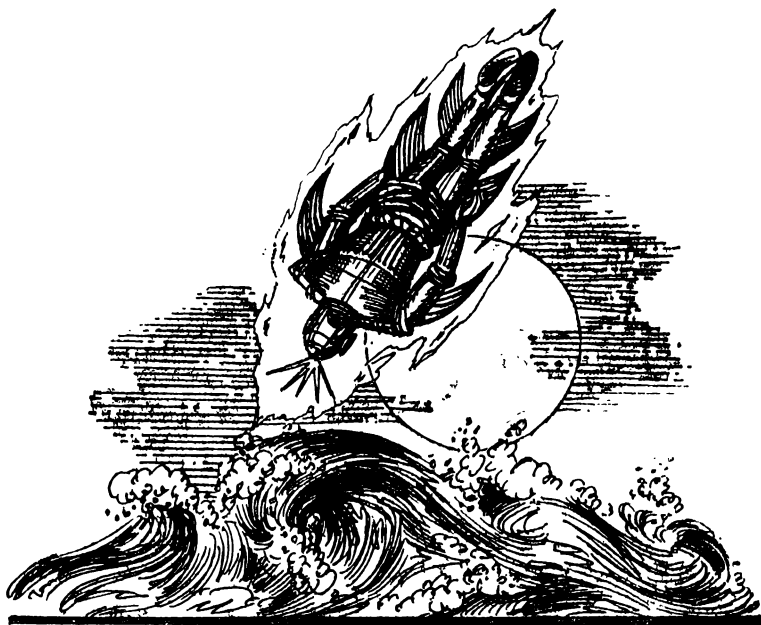
Элегантный робот упругой походкой подлетел к диве и учтиво пригласил ее. Польщенная — ведь робот обладал свободой выбора, — звезда поднялась с места.

Робот танцевал так же хорошо, как и ел. Он по всем правилам дергал, крутил и подбрасывал свою даму, вызывая восхищенные возгласы одобрения у знатоков, которые окружили танцующих.

«Какие у него мягкие, эластичные руки! — подумала дива. — Неужели в Уэстерне открыли новый пластик?» И она незаметно изо всех сил ущипнула робота повыше локтя. Удивленный партнер ойкнул и остановился.

На лице дамы отразилось удивление, сменившееся глубочайшим разочарованием. Рядом с ней стоял человек, самый настоящий человек из мяса, костей и кожи.

Джи Джи

Нельзя сказать, что, когда колокольчик на входной двери продребезжал начальные такты матчиша, это вызвало у профессора Артура Зарембы особо радостные чувства. Как правило, он выпроваживал непрошенных посетителей, поток которых в последнее время, особенно после его сенсационного выступления в Клубе технических новинок, начал заметно шириться.

Заремба приотворил дверь, не отпуская цепочку, и в щель увидел двух молодых людей в рабочей униформе.

— Чего нужно? — спросил он не очень вежливо.

— Электрокомпания «Разряд», — произнес один из них, поигрывая плоским чемоданчиком.

— Проводку проверить хотим,— добавил другой и простодушно улыбнулся.

Заремба нахмурился:

— Я на проводку не жаловался. И никого не вызывал.

— Раз в год компания проводит обязательную проверку,— словно заученный урок, сказал первый монотонно.

— Во избежание возможных несчастных случаев,— продолжал улыбаться второй.

— Не пушу! — категорически заявил Заремба.

— Дело ваше,— пожал плечами молодой человек.

Другой добавил:

— Фирма отключит вам свет.

Оба повернули к лифту, а профессор яростно захлопнул дверь. «Прохвосты! Шляются тут всякие...» — проворчал он, после чего на несколько мгновений задумался. Отключат свет... Похоже, это не пустая угроза. В конце концов, можно жить и при свечах, но ведь опыты приостановятся... Теперь, когда Джи Джи набирает силу и поглощает такую массу энергии!

Заремба снова приоткрыл дверь и, увидев две фигуры перед дверцами лифта, которые уже начали распахиваться, крикнул:

— Эй! Молодые люди! — Эхо его голоса гулко отдавалось в бездонном шахтном колодце.

Дверцы задвинулись, а представители «Разряда» подошли к двери. Один из них взялся за ручку.

— Документы! — потребовал Заремба.

Привыкшие, видимо, ко всяким чудачествам клиентов, представители фирмы сунули в щель свои рабочие удостоверения. Заремба долго и придирчиво изучал их. Вроде все по форме.

— Входите,— буркнул он, снимая цепочку.

Рядом с лабораторией, за стенкой, располагалась и квартира, что было очень удобно. Профессор опустился на стул у входа в нее, не спуская глаз с рабочих, кото-

рые без лишних слов достали инструмент и приступили к делу. Работы, к их неудовольствию, оказалось достаточно. В нескольких местах провод был отодран от стены и свисал вниз, а в одном месте изоляция была нарушена.

— Словно кто-то грыз провод,— сказал один и покачал головой.

— Звери у вас тут развелись, что ли? — поинтересовался второй, бросив мимолетный взгляд на профессора.

— Делайте свое дело,— бросил Заремба.

Работали молодые люди споро, обмениваясь только необходимыми репликами, и это пришлось по душе Зарембе. Впрочем, внимания он не ослаблял.

Заремба отнюдь не был простаком — по крайней мере, сам не считал себя таковым. Ученый прекрасно был осведомлен о различных формах научного и промышленного шпионажа, подчас невероятно изощренных, и потому, как говорится, держал ухо востро. Больше всего его беспокоил телефон, но рабочие даже не смотрели в его сторону, не дотрагивались ни до аппарата, ни до кабеля, и это тоже понравилось Зарембе.

Быстро завершив свое дело, представители «Разряда» извинились за причиненное беспокойство.

— Поосторожнее с проводкой,— сказал один.— Не сделайте короткое замыкание.

— Фирма может сделать в лаборатории новую проводку, утопленную в стены,— предложил другой.

— Денег нет,— бросил Заремба и нетерпеливо поднялся со стула.

— Денег ни у кого нет, это верно,— улыбка рабочего приобрела иронический оттенок.— Они неуловимее, чем нейтрино, о котором сейчас столько толкуют. Однако люди умудряются как-то существовать, и иногда совсем неплохо.

— С другой стороны, сегодня денег нет — завтра они есть,— добавил другой.

— Тогда и потолкуем,— сказал Заремба, легонько, но настойчиво подталкивая гостей к выходу.

— Отлично,— подхватил один из электриков. Он достал из чемоданчика проспект фирмы — ее визитную карточку — и протянул ее Зарембе.— Наша фирма универсальная, занимается не только электропроводкой... Впрочем, там все написано.

— Для вас, в виде рекламы, работы будут произведены, как и эта, на льготных условиях,— сказал второй уже в дверях.

Когда служащие электрокомпании ушли, Заремба тщательно, как всегда, запер все замки на двери. Затем внимательным взглядом осмотрел лабораторию, задержав на мгновение взгляд на визитной карточке фирмы, которую он небрежно бросил на угол лабораторного стола. Покрутил в руках счет, оставленный электриками, который оказался весьма скромным. Крохотное подозрение, скорее тень его шевельнулась в его груди, и Заремба внимательно и дотошно осмотрел новые участки проводки. Где-то в подсознании он так и ожидал, что наткнется на какой-нибудь сюрприз: то ли в виде миниатюрного микрофончика, то ли в виде плоской бляшки, нафаршированной транзисторами, то ли еще в какой-нибудь форме. Вон сколько развелось их в последнее время — пруд пруди!

Поиски Зарембы, однако, не увенчались успехом, и мысли его повернули в другое русло. Похоже, это и в самом деле обычные служащие электрокомпании. Нельзя ведь в самом деле кругом видеть сплошной подвох, нельзя существовать в атмосфере тотальной подозрительности и слежки!

Артур прошелся по лаборатории, подкрутил неплотно прикрытый кран, из которого капала вода, щелкнул ногтем по выпуклому значку катодного осциллографа.

«Завершу работу с Джи Джи, тогда будет полегче,— подумал профессор.— Мебель новую заказать, что ли?»

О судьбе своего изобретения он старался пока не за-

думываться. За бронированным стеклом окна, совсем рядом, рукой подать, лениво проплывали облака, похожие на клочья ваты, которые вывалились из прохудившегося тюфяка небес.

Поначалу, когда Заремба, переехав в эту страну, на последние деньги арендовал помещение на Аллонзо-сквер и перебрался сюда, он долго не мог отделаться от ощущения, что находится в салоне высоко летящего лайнера. В каком-то смысле так оно и было: сто пятьдесят девятый этаж — не шутка!

Он прислонился лбом к стеклу. Глубоко внизу, на самом первом уровне, чернели мартовские деревья чахлого городского сквера, похожие отсюда на изломанные спички. Люди суетились, словно муравьи. А повыше, на разных магистральных горизонтах, проносились реабилы, проплывали битком набитые монопланы.

За дверью послышался еле слышный астматический вздох лифта, и Заремба подумал: «Вот радость-то будет, если служащие электрокомпании забастуют и вырубят свет. Придется сюда по лестнице топать! Надо было спросить ребят, чинивших проводку, не собираются ли они бастовать».

Услышав сзади шаги, Заремба обернулся.

— Джи Джи,— строго сказал он,— я не звал тебя.

— Мне стало скучно, Артур. С До До не поговоришь,

а...

— Это не причина,— перебил Заремба.

Робот повернулся, чтобы уйти.

— Оставайся, я пошутил,— в голосе профессора послышались ласковые нотки. «Хорошо, что он не появился, когда здесь возились эти двое из электрокомпании»,— подумал он. Джи Джи еще никто на свете не видел. А увидев, поразился бы их полному внешнему сходству: даже родные братья не могут так походить друг на друга. Правда, о создании Джи Джи Заремба рассказал в Клубе технических новинок. Но одно дело услышать, и совсем другое — увидеть...

Суть изобретения Зарембы состояла в создании биопластика, из которого можно было создать человекоподобного робота. Над синтезом биомассы Заремба бился добрых двадцать лет, все, включая личную жизнь, принося в жертву Джи Джи.

Воспитание робота шло успешно. Уже после первого года обучения Джи Джи настолько походил на своего создателя, что даже прихрамывал, как он. И вызвано это было не желанием подражать, а неким общим биополем, которое на молекулярном уровне установилось между ними. Биопластик Зарембы представлял собой органический компьютер, которому можно было задать определенную программу. Заремба для начала «настроил» его на свою собственную личность. И уже после этого Джи Джи конструировал себя день за днем, час за часом, как ЭВМ может конструировать себе подобных.

На определенном этапе перед Зарембой встала задача — выяснить, какой степени разумности достиг его питомец. Тогда-то он и поручил ему собрать из биомассы До До — себе подобного. Получился До До на славу, хотя по уровню развития был достаточно низок. По существу, Джи Джи сделал для себя куклу. «Теперь мы уже не двойники, а тройники», — думал часто Заремба, хотя о создании До До, выступая в Клубе технических новинок, умолчал.

— Выучил учебник, который я тебе дал? — спросил Заремба.

— Я прочел «Курс обществоведения» один раз и сразу его усвоил, — похвастался биоробот.

— Сколько раз я говорил тебе: запомнил — еще не значит усвоил, — поправил его Артур.

— Не понимаю... — пробормотал Джи Джи, и его большие, чуть навывкате глаза, точь-в-точь как у Зарембы, на мгновение блеснули.

— Увы, ты многого не понимаешь, — вздохнул Заремба, — и это меня огорчает.

— Я научусь все понимать,— пообещал Джи Джи.— С твоей помощью, воспитатель.

Раньше, едва научившись связной речи, робот звал его «создатель», теперь в разговорах все чаще проскальзывало «воспитатель».

— Неужели я мало знаю об окружающем мире? — нарушил паузу Джи Джи.

— Твоим познаниям мог бы позавидовать иной институт, а то и Академия наук,— улыбнулся профессор.— Но в отношениях между людьми ты очень мало разбираешься. Тебя, боюсь, любой сможет обвести вокруг пальца.

Джи посмотрел на него:

— Но ты меня любишь?

— Как сына, которого, как ты знаешь, у меня нет,— сказал Заремба и подумал: «А ведь он и впрямь все про меня знает, всю подноготную, самые потаенные мысли...»

— И я тебя люблю,— произнес Джи Джи и добавил: — И еще люблю До До.

«Вот-вот,— с легкой грустью подумал профессор,— он ставит меня на одну доску с куклой. По человеческим меркам, Джи Джи достиг уровня развития семилетнего ребенка, не больше. Будет ужасно, если он попадет в чужие руки. Ведь он сейчас словно воск, из которого можно вылепить что угодно».

Джи Джи, прихрамывая, принялся носиться по лаборатории, смахнул на пол визитную карточку «Разряда». Заремба с трудом нагнулся и положил ее на место.

Через несколько минут робот, став серьезным, подошел к столу: настроение у него менялось, как у Артура в детстве. Напевая его любимую песенку, белковый принялся мастерить из транзисторов какую-то безделушку. Заремба любовно посмотрел на него и еле слышно произнес:

— Мальчишка.

— Что? — приподнял голову Джи Джи.

— Это я так. Делай, что тебе интересно.

Заремба взял в руки визитную карточку, повертел в руках плотный прямоугольник из дорогой мелованной бумаги. «Серьезная фирма,— подумал он, разглядывая номера многочисленных телефонов и шифр телекса.— Когда-нибудь обращусь к их услугам».

Джи Джи теперь скручивал разноцветные проводники в толстый жгут, затем легко, без видимых усилий разрывал его. «Как бы он визитную карточку не порвал»,— мелькнуло у Артура, и он переложил ее на середину стола.

Откуда было знать простодушному профессору, что оставленная у него при невинных обстоятельствах визитная карточка представляла собой не что иное, как печатную схему крошечных размеров, примитивное ультракоротковолновое устройство, по сути дела — обычный телепередатчик. Оно облучало пространство лаборатории и транслировало отраженные волны, а операторы, находящиеся за несколько миль от дома на Аллонзо-сквер, могли записывать на видеопленку все, что происходит в помещении.

Энергии устройства должно было хватить на две недели непрерывной работы. Собственно, больше, по инженерным расчетам, и не требовалось.

Решение, связанное с визитной карточкой, пришло не сразу. Военный консорциум был очень заинтересован в том, чтобы раскрыть тайну изобретения профессора Зарембы, и потому лучшие умы из различных фирм долго думали в поте лица, как внедрить передающее устройство в лабораторию на Аллонзо-сквер. Прикрепить его с помощью ремонтной бригады где-нибудь в укромном местечке? Не очень много шансов на успех: эти ученые стали держать ухо востро, их на мякине не проведешь. Послать передающее устройство по почте, в виде какого-нибудь рекламного проспекта? Но где гарантия, что, про-

смотрев, а может быть, и не просмотрев его, Заремба попросту не выбросит его в мусоропровод?

Наконец остановились на плане с визитной карточкой, тщательно разработанном с помощью штатных психологов военных фирм. Не зря психологи дотошно изучали все, что можно было узнать о характере профессора Зарембы по досье, которое любезно предоставила полиция. План успешно провели в жизнь двое лучших сотрудников, которым для этого пришлось спешно освоить специальность электромонтера. Единственное неудобство данного плана состояло в том, что точка, с которой велась передача, зависела от чистой случайности, точнее, от того, куда Зарембе будет угодно положить визитную карточку. Не исключено, что ракурс, при котором воспроизводилось изображение, мог оказаться неудобным, а то и просто нелепым, но с этим приходилось мириться.

Спасибо хоть, что Заремба не порвал и не выбросил визитку. А что, с него стало бы!

Сам того не ведая, Заремба невольно помог тем, кто стремился похитить секрет биопластика. Профессор несколько раз перекладывал визитную карточку с места на место, тем самым меняя точку зрения передающего устройства, уж не говоря о том случае, когда Джи Джи смахнул визитку на пол, а Артур водрузил ее на место: это помогло экспертам увидеть интересующие их предметы под разными углами.

И все же тех, кто предпринял хитроумную акцию с визитной карточкой, ждало разочарование.

Хорошо, конечно, что загадочный Джи Джи был наконец зафиксирован на видеопленке, которую без помех можно было прокручивать туда и обратно множество раз. Однако главное уловить не удалось — сущность биопластика, его структура на молекулярном уровне оставалась неразгаданной.

Всего две недели длилась секретная видеозапись, и много месяцев специалисты изучали каждую минуту, каждый миг ее, приговаривая, совсем по Фаусту, «остановись, мгновенье». Увы, прекрасным оно для них ни в коей мере не оказалось.

Мог ли думать Заремба, проводящий доводку своего детища за толстыми стенами лаборатории, что каждый его шаг, а главное, каждый шаг, каждое движение Джи Джи будут придирчиво исследоваться экспертами?

Итоговое совещание военных специалистов носило отчетливо выраженный мрачный характер.

— Думаю, этот чертов биопластик — некая самонаращивающаяся система, способная сама себя воспроизводить. Но как нам узнать структуру клетки? Кинопленка, полученная с таким трудом, не смогла ответить на этот вопрос, — сказал один из руководителей консорциума, открывая обсуждение. — Что будем делать?

— Остается только одно: похитить Джи Джи! — предложил кто-то после продолжительного молчания.

Послышались возгласы:

— Невозможно.

— Почему, собственно, невозможно? — Руководитель консорциума обвел взглядом ученых и добавил: — У нас достаточно средств и техники.

— Хотя бы потому, что Заремба держит своего воспитанника все время взаперти. Даже в Клубе технических новинок он не решился продемонстрировать его, ограничившись сообщением. Он опасается выпустить его наружу, и не без основания. Слышали ведь сами слова профессора: у Джи Джи разум, как у семилетнего ребенка.

— С тех пор прошло время.

— Ну, пусть восьми, десятилетнего — разве это меняет дело?

— Мало того, что Джи Джи не выпускают, — добавил другой. — Заремба врезал в дверь хитроумные замки, не сбрасывает цепочку, не проверив документы...

Разве вы не знаете все это от наших ребят, которые чинили у него электропроводку?

— Ерунда все это — замки, запоры, — махнул пренебрежительно рукой руководитель консорциума. — И документы любые не проблема.

— Не забудьте, лаборатория на Аллонзо-сквер находится под спецохраной, — напомнил старичок с бородкой аккуратным клинышком.

— И это чепуха, — сказал руководитель. — Спецохраной ведает полиция, а с ней мы всегда договоримся.

Все заговорили наперебой, обсуждая план похищения Джи Джи.

— Можно под дверь лаборатории подвести шланг с газом и усыпить на время Зарембу. На работа ведь никакой газ не действует!..

— Но такую дверь без шума не высадишь. А нам нельзя привлекать внимание.

— Идея! — воскликнул кто-то. — Если двери не поддаются, остаются окна. Выберем время, когда Зарембы нет дома, и через окно вытащим этого семилетка. Даже усыпляющего газа не понадобится!

— А ты не забыл, на каком этаже лаборатория? — спросили у него.

— А вертолеты зачем? — парировал автор предложения.

— Толпа внизу соберется.

— Дымовое облако выпустим! Оно окутает вертолет, словно шуба.

— Стекла бронированные, наши люди установили, — наседали оппоненты. — Алмазом не возьмешь.

— Выдадим целиком! — защищал второй автор свой проект.

Руководитель помалкивал, переводя взгляд с одного из разошедшихся экспертов на другого.

— Все это пустое! — прорезал общий шум визгливый дискант старичка с аккуратной бородкой, который слыл одним из ведущих специалистов в области синтеза кле-

ток мозга. Поднявшись с места и оглядев присутствующих, он пояснил свою мысль.— Насколько я понял из видеопленки, которую мы все имели возможность изучить, Джи Джи — робот слишком тонкой организации, и потому любое насилие может вызвать у него необратимые изменения, попросту говоря — загубить модель. А она, не будем забывать, существует только в единственном числе. Значит, либо похищение нужно организовать так, чтобы робот ни о чем не догадался, либо придумать что-нибудь другое.

— Не забывайте: все действия должны быть в рамках законности,— напомнил руководитель.

Кто-то протянул:

— Задача...

— Нужно предложить Зарембе кругленькую сумму за его изобретение — и делу конец,— решил подать голос розовощекий молодой человек в очках.

— Предлагали,— ответило ему сразу несколько голов.— Отказался. Сказал, это все равно что продать собственного сына.

— Отказался — значит, мало предложили,— сказал розовощекий.— Сумму можно увеличить. Все на этом свете имеет свою цену, все продается и все покупается.

— Ваша точка зрения необязательна для других,— усмехнулся старичок.

— А что, если мы купим у мафии похищение Джи Джи вместе с профессором? Потом Зарембу можно будет...

— Все это не то,— оборвал руководитель.— Думайте над тем, как нам заполучить Джи Джи. Автор приемлемого проекта получит премию.

— Есть еще одна возможность,— проговорил кто-то из задних рядов. Все обернулись к нему.— А что, если нам прибегнуть к помощи...

Выслушав предложение, руководитель благосклонно кивнул.

— Что ж, в этом, думаю, что-то есть,— произнес он.—

Лично я считаю, что самое могущественное чувство, которое движет человеком,— это страх. Так почему бы нам не сыграть на нем? Необходимо только пригласить психологов, чтобы обсудить с ними детали. Как показал эксперимент с нашими электриками, Заремба очень подозрителен.

Артур Заремба задыхался от безденежья, и немудрено: все свои средства он истратил на изобретение. Остатки синтезированной биомассы ушли на создание До До. Чтобы пополнить кошелек, профессор решился на трюк, к которому у него не лежала душа: выступить со своим питомцем по национальной телесети.

Питомец Зарембы, его двойник, свободно решал математические и логические головоломки, задаваемые зрителями, делил пресловутые три апельсина между двумя отцами и двумя сыновьями, и при том у него не получалось дроби. При перевозке на лодке через реку волк у него не мог причинить ущерба козе, и сено при этом оставалось неприкосновенным.

Зарембе ли было не знать, что все эти довольно дешевые трюки рассчитаны на обывателя, или, как любил он говорить, на среднего потребителя информации! И согласился он на подобное трюкачество единственно в целях рекламы, без которой нечего было рассчитывать на деньги, необходимые для дальнейших опытов. План Артура возымел действие, кошелек его начал понемногу пополняться, и в один прекрасный день профессор, отыскав на лабораторном столе визитную карточку, решил связаться с электрофирмой «Разряд», чтобы заказать новое оборудование для лаборатории. Названивал он долго и толку не добился, уж больно тупой клерк попался, но это не испортило его прекрасного настроения.

Заремба и предполагать не мог, что его бесплодный звонок резко ускорит ход событий, который приведет к роковым для него, да и не только для него, последствиям.

Непосредственным же результатом «показательного выступления» Джи Джи по телевидению явилось то, что сам президент республики назначил аудиенцию Зарембе и его питомцу. Поговаривали, правда, что президент не совсем в своем уме и пользуется весьма ограниченной властью, но это не могло испортить радужного настроения профессора.

Итак, Заремба находился в зените славы, когда над входной дверью, ведущей в лабораторию, колокольчик продребезжал начальные такты матчиша.

Верный своей тактике, профессор только чуть приоткрыл дверь и, лишь убедившись при скудном свете коридорной панели, что за ней находится государственный киберкурьер, откинул цепочку. Перед ним покачивалась шагающая тележка с башней, увенчанной многоцветным гербом.

— Профессор Артур Заремба? — пророкотал киберкурьер.

— Да, это я, — ответил ученый, распахивая настежь, как и положено, дверь перед государственным посланцем.

Войдя в лабораторию, курьер несколько долгих мгновений вращал башню-анализатор, осваиваясь с обстановкой. Впрочем, Заремба обрел спокойствие. Он знал, что киберкурьера посылают только по серьезным вопросам, возможность же имитации его какой-либо из частных фирм практически исключена.

«Может быть, меня решили наградить орденом за выдающиеся заслуги перед страной?» — с радостным волнением подумал он и запахнул на груди дорогой, недавно купленный халат: стояло раннее утро, и он не успел переодеться в рабочую одежду.

Джи Джи, который находился в лаборатории, отвернулся от мерцающего пульта и с удивлением воззрился на гостя: киберкурьера он еще не видел. Правда, он и вообще-то мало чего видел в натуре, пока что поглощая

информацию — по воле своего воспитателя — из книг да еще с экрана.

— Это и есть ваш воспитанник Джи Джи? — нарушив затянувшееся молчание, пророкотал механический гость. — Я сразу узнал его.

— Что вам угодно? — холодно спросил Заремба. Он подумал, что чрезмерно обременен выступлениями и, пожалуй, откажет этой тумбе, если она принесла очередное приглашение, разве что оно окажется слишком соблазнительным.

— Имейте в виду, — проговорил Артур, — ближайшее время у меня занято. Каждый день расписан на четыре месяца вперед. Да и вообще пора сворачивать светскую деятельность и вплотную приступить к работе...

— Потрудитесь получить и расписаться. — Курьер скользнул щупальцем в кассету, достал повестку и протянул ее Зарембе. Тот взял ее и побледнел.

— Вместе с Джи Джи явиться к полицейпрезиденту? — вырвалось у Зарембы. — Но зачем?

— Не знаю, — произнес киберкурьер. — Вам все объяснят на месте.

В голосе неожиданного гостя ошеломленному Зарембе почудилось какое-то сочувствие, чего быть, разумеется, не могло: любые кибернетические устройства в отличие от несравненного Джи Джи обладать эмоциями не могли.

Когда любопытствующий двойник профессора Зарембы приблизился к курьеру, последний поспешно сделал несколько шагов назад: ему не зря был привит инстинкт самосохранения. Разве не этот самый Джи Джи, все видели на экране, мял и скручивал руками стальные двутавровые балки, словно прутья лозняка?..

— Спокойно, Джи Джи, — предостерегающе произнес Заремба, и рука его двойника застыла в воздухе. — Когда нам являться?

— В повестке все сказано. Не рекомендую опаздывать, — направился к выходу киберкурьер.

Словно в столбняке Заремба слушал звук удаляющих-

ся шагов и стук захлопнувшейся двери. Не было даже сил подойти и накинуть цепочку. Он понимал, что вызов к полицейпрезиденту означал нечто экстраординарное.

— Что это за существо было? — вывел его из забытья голос Джи Джи. — Я такого не видел.

— Это кибернетический механизм, — нехотя пояснил Заремба. — Рассыльный.

— Он мне не понравился, — изрек двójник.

— Чем?

— У него бегающие глаза.

— Не глаза, фотоэлементы, — машинально поправил Заремба.

— Все равно.

— Не фантазируй, Джи Джи.

— Что означает этот вызов?

— Пустяки, какое-то недоразумение.

Заремба отвечал на вопросы своего воспитанника, с трудом сдерживая раздражение. Отмалчиваясь, он рисковал нарушить едва устоявшееся равновесие его логических схем.

— Ты никогда не говорил мне о такой государственной должности — полицейпрезидент, — задумчиво произнес Джи Джи.

— Я о многом еще не говорил тебе, — отрезал выведенный из терпения Артур. — Ты знаешь структуру атомного ядра, но не представляешь, как устроено наше общество.

— Неужели оно сложнее атома?

— Сложнее, малыш, много сложнее, — против воли улыбнулся Заремба.

— Ты завтра пойдешь туда?

— Да.

— И я с тобой?

— Не знаю, — честно признался Заремба.

— А почему в повестке сказано: «В случае неявки вы будете доставлены под стражей»? — не отставал Джи Джи, который успел, скользнув взглядом, прочесть текст

повестки, прежде чем профессор спрятал ее.— Ты говорил как-то, что мы живем в свободной стране, а свобода, как сказано в Британской энциклопедии, означает, что...

— Я без энциклопедии знаю, что означает свобода! — воскликнул Заремба и, взяв себя в руки, спокойным голосом добавил: — Видишь ли, в жизни теория иногда расходится с практикой. Увы, малыш, это так.

Видимо, что-то сообразив, Джи Джи решительно произнес:

— Я обязательно пойду с тобой.

— Зачем?

— Если понадобится, буду защищать тебя. Узлом завяжу этого самого... полицайпрезидента!

— Думаю, этого не понадобится, Джи Джи. Уверен, все обойдется,— сказал Заремба и вышел из лаборатории.

Ночь профессор провел дурно, без сна. Голова пухла от тревожных мыслей. Приглашение к самому могущественному человеку страны — событие чрезвычайное, и ясно, что не о награждении пойдет речь. Но о чем же?

Задолго до рассвета он вскочил, не в силах улежать, и принялся ходить по комнате. За окном тяжело ворочался город, не спящий, как и он. Воздушное пространство во всех направлениях перечеркивали летательные аппараты.

...Крамольные мысли, о которых кто-либо мог донести? Но в таком случае дело ограничилось бы вызовом в ближайший пункт общественного спокойствия. И потом, он ведь так осторожен — жизнь научила: ни с кем не откровенничает. Ни с кем не откровенничает, ни с ассистентами, ни с приятелями. Ни с кем?.. Заремба остановился, пораженный неожиданной мыслью. А Джи Джи? Ведь при нем-то он не стеснялся высказываться вслух, иногда довольно радикально. Двойник наверняка запомнил все его слова — он вообще никогда и ничего

не забывает. Впервые чувство неуверенности смутно шевельнулось в груди Зарембы.

Конечно, Жи Жи его не выдаст, он привязан к Артуру, как к отцу. Но... по незнанию, по наивности? Интеллектом ведь его двойник еще дитя.

Во всяком случае, скрытности Жи Жи не обучен, и на этот счет его придется утром проинструктировать.

Прохаживаясь по комнате, Артур мельком глянул в зеркало, оставшееся еще от прежнего владельца лаборатории. На него глянуло лицо, искаженное страхом. Куда девались спокойная осанка, полный уверенности взгляд? Надо лбом в ночной полутьме угадывались седые нечесанные космы.

Заремба отвернулся от зеркала и снова зашагал, раздумывая о предстоящем визите. Кто-то написал на него донос? Но он, Заремба, не сделал ничего предосудительного, и совесть его чиста. Во всяком случае, сам президент республики пригласил его... Уснул Заремба только под утро.

...Он очутился внутри шаровидного помещения, оболочка которого была прозрачной. Дверей не было, как же он проник сюда? И как выйдет? Ловушка? Неожиданно округлые стены начали мутнеть, наливаясь синью грозового света. Отовсюду к нему начали протягиваться, словно паучьи лапы, хищные щупальца, похожие на конечности киберкурьера. Увертываясь от них, он свободно плавал внутри сферы, пребывая в состоянии невесомости. Однако щупальца вытягивались до тех пор, пока он не очутился в центре шара. Дальше отступать было некуда. Хотел закричать, но голос пропал. Тогда он ринулся прямо на щупальца, продолжавшие извиваться лианами, и неожиданно заметил маленький круглый люк в оболочке,— как он его сразу не увидел?

Люк вывел его в узкий изгибающийся коридор, стены которого также светились. И он помчался вперед изо всех сил. Пол поглощал топот. Сердце Зарембы неровно колотилось, перед глазами плавали огненные круги. Он,

потеряв счет поворотам, бежал все быстрее, и когда сердце готово было выскочить из груди, впереди забрезжило круглое пятнышко света. Неужели он достиг выхода и спасется? Не разрешая себе ни мгновения передышки, Заремба буквально влетел в свободное отверстие и... очутился внутри сферы, из которой начал свой путь. «Теперь вы убедились, что выхода отсюда нет?» — прокотал откуда-то голос киберкурьера.

Заремба сел на постели, ошеломленно озираясь. Сквозь бронированное оконное стекло просачивался мутный городской рассвет. Был тот неверный час, когда предметы не имеют еще четких очертаний, кажутся зыбкими, нереальными.

«Приснится же такая чепуха», — подумал Заремба и с жадностью выпил стакан воды, который всегда ставил рядом с кроватью на ночной столик.

— Через несколько часов все разъяснится, — сказал он вслух, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Необходимо взять себя в руки. И прежде всего решить, отправлюсь я сам или вместе с Джи Джи, как того требует повестка. Явка может быть обязательной только для человека... Потому мой бесценный двойник может оставаться в лаборатории.

Когда Заремба вышел на Аллонзо-сквер, было еще рано, и он решил прогуляться пешком до ближайшей капультной станции. Голова после ночного кошмара болела, во рту стоял противный медный привкус.

Как всегда, неугомонные ленты тротуаров мчали потоки людей в различных направлениях. Придерживаясь за скользкие от множества прикосновений поручни, они с недоумением поглядывали на бредущего Зарембу, который во всей округе, насколько хватал глаз, оказался единственным пешеходом.

И впрямь в этом городе ходить разучишься. А ведь ему в свое время приходилось преодолевать пешком ог-

ромные расстояния и в сельве, и в джунглях, и в болотах — там, на далекой родине, скрываясь от ищеек правительства.

С непривычки мышцы болели, но Заремба мужественно дошел до станции, втиснулся сквозь люк в подрагивающий шар и набрал на программном пульте нужные координаты. Ажурный металлический рычаг подхватил шар и точно рассчитанным движением, сделав поправку на силу ветра, швырнул его ввысь, придав необходимый импульс. Тотчас стремительно провалились куда-то вниз матовые разноцветные купола, еще продолжавшие светиться, и многоэтажные коробки, соседствовавшие с жалкими домишками, которые сохранились, говорят, с прошлого века.

Шар описал длинную баллистическую кривую и мягко опустился на магнитную подушку, как называли горожане тормозящее силовое поле. Заремба швырнул в щель необходимое количество жетонов, покинул катапультную станцию и через десяток минут очутился перед желтой громадой здания, внушавшего трепет каждому. Перед вращающейся дверью безостановочно вышагивал взад-вперед вооруженный шестипалый кибер, очень похожий по форме на вчерашнего курьера. Только из башни его угрожающе торчали в разные стороны целые гроздья лучеметов. Одного импульса такого деструктора хватило бы, чтобы превратить человека в горстку пыли.

Заремба глубоко вздохнул, словно пловец, готовящийся нырнуть, показал киберу повестку и толкнул массивную дверь, которая, повернувшись, тут же отделила его от внешнего мира.

После лифта и бесконечных коридоров, чем-то напомиравших ночной сон, он добрался наконец до нужного помещения.

Посреди кабинета располагался огромный стол, похожий на тот, что стоял в его лаборатории на Аллонзо-сквер. Над столом едва возвышалось узкое аскетическое

лицо, знакомое всей стране. Заремба сразу узнал его, хотя редко смотрел видеозор. Полицайпрезидент поднялся и вышел из-за стола.

— Раньше говорили: точность — вежливость королей,— улыбнулся хозяин кабинета.— Я бы сказал: точность — вежливость ученых. Прошу, проходите, садитесь.

Заремба сел в кресло.

— Своего питомца вы оставили в коридоре? Зря, разговор у нас будет общий. Сейчас попрошу, чтобы его препроводили сюда,— полицайпрезидент потянулся к переговорному устройству.

— Не трудитесь: я пришел один.

— Как один? В повестке ясно было сказано: вы приглашаетесь оба,— повысил голос хозяин кабинета.

Ученый опустил голову.

— Я решил, что произошло недоразумение,— пробормотал он.— Разве может быть у полиции дело к... к человеку?

— Ладно, к вопросу о Джи Джи мы еще вернемся, поговорим пока о вас. Как вы считаете, зачем я вас пригласил?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Заремба, на которого вдруг накатила волна отчаянного спокойствия.— Во всяком случае, надеюсь, что по делу.

— Почему так считаете?

— Слишком серьезное у вас ведомство.

— Верно, ведомство серьезное,— согласился узколицый аскет.— Но возвратимся к вам. Вы — выдающийся ученый, не спорю. Быть может, без пяти минут лауреат Нобелевской премии. Но если хотите знать мою точку зрения, я считаю, что для ученого не менее важно быть человеком высокой нравственности в широком смысле этого слова. Где вы проводите свободное время?

Вопрос застал Зарембу врасплох.

— Свободное время? — повторил он, стараясь выиграть время, чтобы собраться с мыслями.— Откуда оно у меня?

— И все-таки.

— Иногда за город выбираюсь, точнее, на конечную катапультную станцию. Там траву настоящую можно увидеть, а я скучаю по ней. Ну, еще в политеатр изредка хожу.

— С друзьями?

— Как правило, один. Мои приятели не любят этот вид развлечения.

Лицо человека за столом застыло, подобно маске, и подавленный Заремба умолк, чувствуя всем нутром, что слова его должны казаться собеседнику жалкими и неубедительными.

— Ну а где еще вы бываете? В церкви, например? — подсказал уколиций.

— Н...нет. По времени не получается, — выдавил Заремба. Он понимал, что лгать бессмысленно — разве не зафиксирован каждый его шаг в личном деле, которое было заведено на него, едва он перешагнул границу этой страны? Такие досье, поговаривали, заведены на каждого и хранятся в электронной памяти всеобъемлющего полицейского компьютера.

— Увы, это так, — с легким оттенком грусти согласился собеседник, подтвердив худшие опасения ученого. — Однако не буду вас больше томить. Речь в данном случае пойдет не о вас, а о вашем создании.

— О Джи Джи?

— Именно о нем, — кивнул полицайпрезидент и откинулся на спинку кресла. — Дело в том, уважаемый, что этот самый Джи Джи проживает у вас противозаконно.

— Простите... Что это значит — противозаконно? — смешался Заремба. («Вот он, ночной кошмар наяву!»)

— Джи Джи не зарегистрирован в ближайшем полицейском участке, как это положено.

— Но... это недоразумение... Вас, быть может, ввела в заблуждение внешность. Джи Джи не человек, это скорее машина, очень сложная машина.

— Напрасно улыбаетесь,— покачал головой узколицый, хотя Заремба и не думал улыбаться.— Дело гораздо серьезнее, чем вам кажется. Что же это за машина, которую на улице не отличишь от человека? — повысил он голос.— Машина, которая вдобавок может принять обличье любого члена нашего общества, от мусорщика до сенатора? И все с помощью этого, как его...

— Биопластика,— подсказал Заремба, полный нехороших предчувствий.

— Вот именно. Такая ситуация может выйти из-под нашего контроля, а это недопустимо.

— Джи Джи никогда...

— Представьте себе,— перебил его полицейпрезидент,— что у вас на Аллонзо-сквер поселился некто, занимающийся антигосударственной деятельностью. Мы его взяли. Кто за него отвечает? Вы — в соответствии с законом об укрывательстве.

— Джи Джи на это не способен. Я ручаюсь за него! — горячо воскликнул Заремба.

— Превосходно. Ну а за вас кто может поручиться? — Полицейпрезидент сделал ударение на слове «вас». — Учтите, нам известна ваша деятельность не только после того, как вы очутились в нашей стране, но и до этого момента.

Заремба поник головой. Ему припомнилась далекая родина, из последних сил сражающаяся с захватчиками, летучие партизанские отряды, без усталости наносящие удары по вооруженному до зубов врагу. Молодой ученый, подающий большие надежды, он пришел в отряд, чтобы отомстить за погибшую семью. Это были долгие, изнурительные стычки, длящиеся из года в год. Он забросил университет, науку, все выжгло чувство ненависти к оккупантам. Но слишком неравны были силы, и враг теснил их шаг за шагом. А потом... потом последовала страшная вспышка, которую, если выживут, будут, наверно, вспоминать и далекие потомки.

Заремба оказался в числе тех, кто не погиб. Ему удалось сохранить записную книжку, где были записаны данные опытов по созданию биопластика, он пронес ее сквозь все передраги партизанской поры. Ну а после — прощание с родиной, опаленной чудовищным пламенем, скорбные толпы, бредущие к морю, к спасительной влаге. Долгие очереди иммигрантов, надменные таможенные чиновники и множество унижительных процедур, начиная со взятия отпечатков пальцев...

— Кстати, пока не решится вопрос с вашим двойником, вам придется оставить подписку о невыезде, — привел Зарембу в себя монотонный голос полицайпрезидента.

— Какой вопрос?

— Разве вы не слышали? Джи Джи надлежит зарегистрировать, как гражданина страны.

— Биопластик не дает отпечатков пальцев, — сказал Заремба.

Его собеседник улыбнулся:

— Это не меняет дела.

— Мы не сможем завтра прибыть: мне и Джи Джи назначил аудиенцию президент!

— Вот видите: вам и Джи Джи, — с мягким укором произнес полицайпрезидент. — А твердите — машина, машина. Можно машине назначить аудиенцию? Но это так, между прочим. А что касается завтрашней встречи... Это я беру на себя. Мы ее перенесем на любое, удобное для вас время. В конце концов, вы должны гордиться, что ваш питомец станет полноправным гражданином республики, таким, как вы или я. Договорились? Ну, что еще? — В его голосе начали проскальзывать нотки нетерпения.

— Разрешите быть откровенным?

— Непременно, — кивнул грозный собеседник. — Иначе наш разговор теряет всякий смысл.

— Я опасаюсь за судьбу Джи Джи. На улице его

могут похитить. Его системы еще неустойчивы, и потеря может оказаться необратимой.

— Вашу охрану на всем пути следования туда и обратно я обеспечу.

— Странно все-таки,— в раздумье проговорил Заремба.— Машину вы хотите зарегистрировать как человека.

— Согласен, случай сложный. Более того — беспрецедентный. Потому я и решил лично им заняться, никому не поручая, чтобы дров не наломали. А если честно говорить, где она, четкая грань между сложной машиной и разумным существом? По-моему, ее не существует.

— И я так полагаю,— кивнул Заремба, немало размышлявший и сам над этой проблемой. Слова собеседника успокоили его.

— Рад встретить в вашем лице единомышленника. Впрочем, оставим общие вопросы философам, не станем отбивать у них хлеб. А мы с вами, надеюсь, останемся добрыми друзьями.

Полицайпрезидент поднялся, давая понять, что разговор окончен.

По дороге домой сомнения снова начали терзать Зарембу. Интуиция твердила ему, что главный полицейский страны чего-то явно не договаривал. Артур представил себе, как Жи Жи бросится ему навстречу, едва профессор появится в лаборатории. Как предан ему его двойник! Взять хотя бы то происшествие год назад, когда Жи Жи железной рукой выхватил Зарембу, который на мгновение зазевался, прямо из-под никелированного носа стремительного «безана». А ведь его питомец отлично понимал, чем рискует: в то время даже малейшее сотрясение ионного мозга означало для него необратимую гибель.

Не являться, что ли, завтра с Жи Жи на регистрацию? Нет, это несерьезно. Под стражей доставят, как сказано в повестке. Скрыться, бежать? Но куда? Быть может, на свою далекую родину, которая, по слухам, на-

чинает возрождаться?! Но разве скроешься от полиции, находясь под ее колпаком?

Держась за поручень, он перешел на самую быструю ленту. Сырой весенний ветерок, дувший на Зарембу, постепенно придал его мыслям более спокойное направление. Почему он, собственно, разволновался? Может, и в самом деле речь идет о заурядной полицейской процедуре? Хорошо, что сам полицайпрезидент решит этот вопрос и не будет нужды толкаться в полицейском участке. Подозревал же он тех двух ребят из «Разряда», а они на поверку оказались честными. Электропроводку починили как следует и счет выставили скромный...

Поглощенный своими мыслями, Заремба не заметил, что от самой двери полицейского управления его сопровождали два вооруженных молодчика в штатском, но с легко угадываемой военной выправкой.

Он не спеша прошелся по скверу. Надо тренироваться в ходьбе, а то, чего доброго, совсем отвыкнешь от нсе, Вернись он на родину, наверное, заново пришлось бы учиться ходить. Да только как туда вернешься?..

Мартовское солнце пригревало совсем по-летнему, что бывало в этом городе нечасто. Голые ветви деревьев не спеша колыхались под порывами ветра. И впрямь подумаешь, что это обычные тополя, а не кабернетические устройства с программным управлением. Но какое дерево выживет в такой атмосфере? Человек — дело другое.

Даже люди сегодня, казалось, меньше хмурились и больше улыбались.

В конце аллеи Заремба замешкался. Прежде чем толкнуть дверь в парадное, он оглянулся, почувствовав на затылке чей-то взгляд. Рослый молодой человек с оттопыренным карманом, остановившийся немного поодаль, отвел глаза в сторону, на двухэтажную витрину дамских мод. Заремба взялся за ручку, и неопределенная тревога кольнула в сердце, оживив улегшиеся было страхи.

Возвратившись домой, Артур рассказал Джи Джи о результатах своей поездки и категорическом, хотя и необычном требовании полицейпрезидента.

— Значит, едем завтра вместе! — воскликнул Джи Джи, выслушав Зарембу.

— И я так поначалу решил, а потом засомневался, — покачал головой профессор.

Они походили на двух братьев-близнецов, которые мирно беседуют, обсуждают планы на завтра.

— Чего ты боишься? — спросил Джи Джи.

— Вдруг здесь таится подвох.

— Разве люди лгут?

— Увы, бывает.

— Прежде ты не говорил мне этого.

— Прежде ты не готов был к восприятию жестоких истин. Считай, что это первый твой урок в области человековедения, — невесело усмехнулся Заремба.

— Ложь... обман... неправда... это осложняет дело. В таком случае появляется множество вариантов, которые необходимо рассмотреть, — произнеся эти слова, двойник погрузился в глубокую задумчивость.

Заремба присел на подоконник.

— Чего же хочет полицейпрезидент на самом деле? — нарушил молчание Джи Джи.

— Этот вопрос мучает и меня. У самого дома я заметил слежку, — признался Заремба.

— Охраняют нас?

— А может, следят, чтобы мы не улили? Ты прав — появляется множество вариантов. И один из них таков: кто-то хочет с помощью полиции завладеть тобой.

— Но почему таким сложным путем?

Заремба развел руками.

— Я не дамся никому! — воскликнул Джи Джи. — Ты же знаешь, воспитатель, я одной рукой могу...

Увидев грустную улыбку профессора, Джи Джи осекся.

— Люди могут быть коварны, а против коварства силой ничего не сделаешь,— сказал Заремба.— Считай это вторым уроком человековедения.

— Как же быть? — растерянно спросил Джи Джи.

— Вот об этом мы и должны подумать.

Наступил вечер. Капризный март, посулив с утра хорошую погоду, нахмурился. Небо затянулось облаками, начал накрапывать дождь.

Хотя было рано, Зарембе почудилось, что из всех углов лаборатории начала наползать темнота. Однако свет он не включил — всем существом его овладела странная апатия. Двойнику освещение было ни к чему — он видел и в полной темноте.

— Значит, убежать нельзя?

— Говорю же тебе, Джи Джи, они разыщут нас на дне морском.

— Давай запремся и никого не впустим. Вон у нас на двери какие замки!

— Замки не помогут, если мы выступим как нарушители закона,— покачал головой Заремба.

— Послушай, все твои неприятности — от меня. Уничтожь меня,— неожиданно предложил Джи Джи.— А еще лучше — я сам себя уничтожу. Одно прикосновение — и... — не договорив, Джи Джи шагнул к генератору высокого напряжения.

— Не смей! — успел схватить его за руку Заремба.— Если выбирать, я лучше погибну сам, но только чтобы остался ты — лучшая моя часть.

Когда совсем стемнело, Заремба услышал возбужденный возглас Джи Джи:

— Я придумал логическую схему действий!

— Ну? — оживился Заремба.

— Мы втроем пообедем полицейских ищеек вокруг пальца, и меня они не заполучат, чего ты опасаться.

— Втроем?

— Ты забыл про До До, которого я слепил из биопластика.

— До До — кукла с примитивным разумом на уровне первичных рефлексов.

— Для наших целей сойдет. Ты еще не догадываешься, что я задумал?

— Нет.

— Тогда слушай внимательно. Выход из дома охраняется, и чтобы осуществить мой план, необходимо навести охрану на ложный след, выиграть хотя бы час. За это время можно удалиться от Аллонзо-сквер на достаточное расстояние.

— Боже мой, ничего у нас не получится,— простонал Заремба, обхватив голову руками.— К назначенному времени мы должны быть с тобой у полицейпрезидента. На всем пути следования, я уверен, за нами будут следить, и если что-то не так — сразу поднимется переполох.

— Я все предусмотрел, воспитатель...— размеренным тоном начал Джи Джи.

Выслушав двойника, профессор воскликнул:

— Здорово придумано! Ничего не скажешь, мысль у тебя работает как надо. Ну а если эти люди у выхода заподозрят неладное? Те, кто за тобой охотится, пойдут на все, они готовы, я теперь понял, заполучить тебя любой ценой.

— Это уж от нас зависит, чтобы план удался.

— Пожалуй,— согласился Заремба.

— Согласен? Тогда за дело,— блеснул выпуклыми глазами-фотоэлементами Джи Джи.— Пойду приведу сюда До До. К завтрашнему утру все должно быть готово, а работа предстоит немалая...

Аллонзо-сквер на рассвете был, как всегда в эту краткую пору, пустынен. Только изредка по ленте центральной аллеи проносился, уцепившись за поручень, одиночный прохожий, озабоченный своими делами. С каждой минутой, по мере того как светлело и уличные фонари бледнели, народу становилось все больше. На-

конец хлынула толпа, словно река в половодье. Приближался час «пик», когда городской транспорт трещит от натуги, не в силах справиться с торопящимися массами людей. Да и концы в огромном городе-мегаполисе были немалы, измеряясь не то что десятками — сотнями километров.

Двое плотных верзил сидели на влажной скамейке сквера и время от времени поглядывали на парадное высотной башни, которая, подобно заблудившемуся великану, возвышалась среди разномастных маленьких домишек.

— Ветреный март выдался, — проворчал один из них, поеживаясь. — До костей прохватывает. Того и гляди, ревматизм или радикулит заработаешь.

Второй посмотрел на часы.

— Уже недолго дежурить осталось, — произнес он, плотнее запахивая плащ. — Если они не желают опоздать, то должны скоро выйти.

— Будем надеяться, они не передумали.

— А передумали — это ничего для них не изменит. Только нашему брату возни побольше.

— Не скажи! У нас очень деликатная задача...

— Вот и они! — перебил первый агент. — Легки, как говорятся, на помине.

Несколько минут они наблюдали за двумя фигурами.

— Радируй по цепочке, что оба объекта находятся на пути следования, — сказал первый агент, игравший роль старшего.

Второй пригнулся к переговорному устройству, бросил в него несколько слов, после чего заметил, провожая Зарембу и Джи Джи взглядом:

— Близнецы, да и только! Удивительную штуку сотворил этот самый профессор. Не отличишь одного от другого, так похожи.

— Если приглядеться, отличить можно.

— Как?

— Погляди, один шагает спокойно, а второй все вре-

мя оглядывается, вертит голову, как на шарнирах. Ему все любопытно, он все хочет узнать. И впрямь, словно ребенок. Значит, первый — это Заремба, а второй — Джи Джи,— пояснил первый агент.

— А может, все наоборот? — поддел его второй.— Может, Джи Джи ничего не смыслит в опасностях, которые могут его подстергать, потому и идет так уверенно. А Заремба умудрен опытом, ведь он из иммигрантов, оттуда, из Опаленной страны... Потому и оглядывается, понимает, что в любой момент может кирпич свалиться на голову. Как думаешь, чего все-таки шеф от них добывается?

— Не нашего ума дело,— оборвал первый.

Между тем две фигуры, не очень четкие в утренней дымке, одинаково прихрамывая, вышли на аллею и заторопились к перекрестку, где сходились несколько лент, без устали бегущих в разных направлениях и на разных уровнях.

— Ну вот, наша миссия подходит к концу,— довольно проговорил первый агент и потер руки.— А ты говорил, ничего не получится, Заремба что-нибудь придумает, придется вызывать экстренный патруль.

Заремба и Джи Джи стали на ленту, бегущую в сторону полицейского управления.

— Поднимайся,— сказал первый.— Здесь неподалеку есть недурное кафе, я еще вчера вечером, когда заступали на дежурство, присмотрел. Думаю, мы заслужили по чашечке двойного кофе.

Неожиданно пискнул сигнал зуммера, агент поднес мембрану к уху.

— Черти бы их взяли,— ругнулся он, отключив переговорное устройство.— Никогда покоя не дадут.

— В чем дело?

— Плакало наше кафе. Шеф велел пока не снимать наблюдение за домом. Что-то померещилось старому лису.

— Как долго?

— До особого распоряжения.

— Что мы должны делать?

— Он, видите ли, полагается на нашу интуицию. Велел следить за всеми выходящими и задержать, если кто-либо покажется подозрительным. В общем, пойдите туда, не знаю куда, найдите то, не знаю что.

— Так ведь вышли близнецы и поехали к нему, о чем доложено. Они теперь под непрерывным наблюдением. Что же ему еще надо?

Агент развел руками.

— Собачья жизнь,— подытожил агент.

Заремба и его молчаливый попутчик мчались на ленте, стоя рядом. После ночи напряженного труда Артур чувствовал себя преремзко. И мысли были мрачными и тревожными.

...Только к утру успел он закончить работу по изменению внешнего облика Джи Джи. С болью ломал и искажал он черты, к которым успел привыкнуть за столько лет,— свои собственные черты. Биопластик менялся, послушный новой программе.

Джи Джи приобрел вид пожилого рабочего, измученного тяжелым физическим трудом. Лоб его прорезали глубокие морщины, плечи ссутулились и как бы ссохлись. Заремба отыскал для него свой старый лабораторный комбинезон, в нескольких местах пораженный кислотой, без которой невозможно проводить опыты с биопластиком. Затем нашел сумку, которую они вдвоем нагрузили инструментом, необходимым для будущей самостоятельной деятельности Джи Джи. Чего-чего, а разного инструмента имелось в лаборатории в изобилии: Заремба любил ручной труд и все, что мог, делал сам. Джи Джи, естественно, перенял его манеры, что в данной ситуации могло весьма пригодиться.

Единственное, что они не смогли сделать, несмотря на все усилия,— это избавиться от хромоты Джи Джи.

Они долго бились над его походкой, но все усилия оставались тщетными.

— Ладно, оставим так,— произнес наконец Заремба, с беспокойством глядя в светлеющее окно.— Мало ли людей хромает на белом свете?

Джи Джи с ним согласился.

— Мы с До До выйдем первыми. Ты выйдешь через полчаса после нас.

— Так много времени я потеряю? — удивился Джи Джи.

— Нужно подождать, пока охрана будет наверняка снята. Действуй осмотрительно,— инструктировал его Заремба.— Выберешь ленту, ведущую в порт. Там такой, как ты, вызовет меньше всего подозрений. Пакгаузы тянутся на целые километры, есть где спрятаться. И выбирай корабль, идущий в страну, о которой я тебе рассказывал. Договоришься с капитаном...

— Я уже сказал, отец,— перебил Джи Джи.— Без тебя никуда не уеду.

— Ладно, не будем об этом, сынок. Возможно, в скором времени ты получишь новую информацию, которая изменит твое решение.

— Что это значит?

— Сам сориентируешься, когда придет время. А пока постарайся не попадаться на глаза полицейских ищеек.

— Не попадусь,— пообещал Джи Джи.— А когда ты освободишься... я потом найду способ связаться с тобой. Я разыщу тебя!

— Гм, освободишься...— повторил Заремба.

Что касается До До, то он как две капли воды походил на Зарембу и умел самостоятельно передвигаться — большего от него и не требовалось. Перед тем как покинуть лабораторию на Аллонзо-сквер, Заремба произвел над безответным До До манипуляцию, которая являлась одним из звеньев задуманного плана. Джи Джи этого не видел.

Заремба покосился на безмятежного До До, молча

глядящего на проносящийся мимо пейзаж, и усмехнулся. Ему припомнилось предположение Джи Джи, которое тот высказал, когда они пытались угадать реакцию полицейпрезидента на обман, который он неизбежно обнаружит.

— Он накричит и выгонит вас обоих,— сказал Джи Джи.

Наивный Джи Джи! Нет, полиция едва ли выпустит того, кто попал в ее липкую сеть. Тем более его, Артура Зарембу, единственного в мире человека, кто владеет тайной создания биопластика. Обнаружив подлог, они уцепятся в Зарембу, как утопающий за соломинку. И не ехать туда он не может — необходимо дать время Джи Джи, чтобы он успел скрыться.

Нет, секрет биопластика он им не откроет. Ну а дальше? Что они станут делать с ним? Вдруг подвергнут воздействию психотропных препаратов? При этом, Заремба знал, человек утрачивает волю и контроль над собой, превратившись в безвольный мешок костей и мяса, а в таком состоянии можно выболтать что угодно. «Нет, я придумал единственно правильный выход»,— подумал Заремба и снова посмотрел на неподвижного, словно монумент, До До.

Знает ли До До, что ждет их в ближайшем будущем? Едва ли. Он лишен начатков разума, а только мыслящему существу дано заглядывать в будущее, строить прогнозы. «Поистине во многом знании много печали»,— подумал Заремба и вздохнул.

Ему припомнилась прошедшая ночь. Быть может, последняя ночь в его жизни. За работой они бодрствовали. Он говорил, а Джи Джи слушал, и Заремба знал, что ни одно слово не пропадет втуне, навеки отпечатываясь в мозгу его двойника. О чем он рассказывал? О своей жизни. О детстве, о стране, где вырос. О сверстниках, об играх и забавах. О первой любви... О том, какими нелегкими путями шел он в науку, как возникла идея биопластика, в чем суть его изобретения..

Тогда же, словно что-то почувствовав, Джи Джи о тревогой произнес:

— Ты так рассказываешь, воспитатель, словно исповедуешься. Можно подумать, что мы видимся в последний раз. Тебе не грозит никакая опасность?

— Мы же с тобой логически рассудили, что опасность грозит только тебе,— ответил ему Заремба.

...В дом, где помещалось полицейское управление, они вошли без опоздания. Дежурные, непонятно чему улыбаясь, без проволочек препроводили их к шефу.

— Точность — вежливость королей и ученых,— приветствовал их широким жестом полицейпрезидент, выходя из-за стола.— Решительно придется менять поговорку.

Он подошел почти вплотную к ним, остановившимся посреди огромного кабинета, и хлопнул в ладоши, словно все еще не веря своей удаче. Поздоровался за руку, поморщившись от крепкого рукопожатия До До, и добавил, обращаясь к Зарембе:

— Ну вот, так-то лучше. А знаете, милейший профессор, как я отличил вас от вашего воспитанника?

— Как? — безучастным тоном спросил Заремба, мысли которого были, казалось, заняты чем-то иным.

— По рукопожатию! — расхохотался полицейпрезидент, довольный в эту минуту собой и всем на свете.— У него, как я и ожидал, железная хватка!

Хозяин кабинета сделал несколько шагов, словно никак не решаясь на какое-то действие, затем потер руки и произнес:

— Не стану вас задерживать. Сейчас приглашу регистраторов, проведем необходимые формальности, и через несколько минут вы свободны, как птицы. Профессор Заремба разъяснил тебе, о чем идет речь, не так ли, Джи Джи? — с улыбкой обратился он к фигуре, которая стояла рядом с Артуром.

— Я не Джи Джи,— сказала фигура.

— Что это значит? — полицейпрезидент нахмурился

и перевел взгляд на Зарембу.— Если шутка, то не самая удачная.

Профессор покачал головой:

— Это не шутка.

Узколицый побагровел.

— Кого же вы привели сюда? — спросил он зловеще тихим голосом.

— Это До До,— сказал Заремба.— Он, правда, лишен биопрограммы, которая вас интересует. Зато, как видите, может самостоятельно передвигаться и отвечать на простейшие вопросы, а это тоже неплохо.

— Вы посмели притащить сюда безмозглую куклу! — взревел полицайпрезидент.— Впрочем, я ожидал от вас чего-то подобного, милейший профессор,— неожиданно спокойным голосом проговорил он,— ваша биография давала на то основания. И я обезопасил себя от неожиданностей. Джи Джи никуда не денется из лаборатории на Аллонзо-сквер. И вы не думайте, что так легко отделаетесь. Я хотел по-хорошему, не получилось — пеняйте на себя. Знаете, что ждет вас?

— Знаю,— усмехнулся Заремба.

— Нет, ты не знаешь, мерзавец,— словно рассерженная кобра, прошипел узколицый. Неуловимо быстрым движением он протянул руку к столу, чтобы нажать кнопку вызова, однако Заремба опередил его, хлопнув по плечу До До.

Звук открываемой двери потонул в грохоте взрыва,

* * *

— Может, смену пришлют? — с надеждой в голосе произнес один из верзил в штатском. Он пританцовывал рядом со скамейкой, чтобы хоть немного согреться.

— Все может быть на этом свете. Даже то, чего быть не может,— философски заметил другой.

— Сколько времени прошло, как близнецы вышли?

— Полчаса.

— Значит, они уже на месте. Зачем же нас здесь держать? Сил на каких нет...

— Глянь-ка,— оборвал его напарник и кивнул в сторону высотного здания.

Из парадного, прихрамывая, вышел пожилой мастеровой с изможденным лицом. На боку его болталась тяжелая сумка, из которой выглядывали инструменты.

— И что? Обычный работяга, каких тысячи.

— Хромота его мне не нравится.

— А что тут такого?

— Мы с тобою вот тут сколько торчим, но жильца, который бы припадал на ногу, да еще подволакивал ее, что-то не встречали. Кроме, конечно, Зарембы и его знаменитого двойника.

— Дом большой, не могли мы всех перевидать.

— Все равно подозрительно.

— Что ж, давай проверим раба божьего,— согласился верзила, который приплясывал.

Между тем рабочий в старом, выдавшем виды комбинезоне, ковылял к ленточному перекрестку.

— Эй, парень, погоди-ка,— крикнул один из охранников, но рабочий не обратил на возглас внимания, только ускорил шаг.

— Стой, говорю! — воскликнул второй охранник, и тогда рабочий побежал, переваливаясь, как лодка на сильной волне. Прыгнув на ленту, бегущую в порт, покачнулся, но сумел удержаться, ухватившись за поручень.

Охранники в штатском вскочили следом и подошли к нему, зажав с двух сторон.

— Ты что, оглох? — тронув рабочего за плечо, заинтересовался первый из них.

— В чем, собственно, дело? — спокойно спросил рабочий, слегка повернув голову.

— Документы.

— Я вас не знаю.

— Ты нас и не должен знать, это мы желаем тебя

знать,— осклабился охранник.— Дурачка-то не строй. Предъяви документы! — потребовал он угрожающим голосом.

Находящиеся рядом пассажиры начали прислушиваться к разговору. Привлекать их внимание отнюдь не входило в планы охранников. Один из них, в расстегнутом плаще, отвернул лацкан пиджака и показал рабочему тускло блеснувший значок. Реакция, однако, оказалась неожиданной: не выказав ни малейшего испуга, рабочий с интересом принялся рассматривать значок.

— Любопытный экземпляр... Никогда не видел такого. Какую фирму он представляет?

— Заткнись,— прошипел верзила и опустил лацкан.

— Красивый значок, мне нравится,— продолжал рабочий.— Хочешь, сменимся? Но мне не на что, я свои значки дома оставил.

Охранник беспомощно огляделся: он привык к тому, что при виде значка тайной полиции люди бледнеют, становятся послушными, как ягнята, а этот...

— Давай на плоскогубцы махнемся, новенькие,— предложил рабочий и, не дожидаясь ответа, слегка ковырнув пальцем, вырвал значок с мясом.

Верзила побелел от ярости.

— Вы эти штучки бросьте! Анархист,— завопил он отчаянным голосом.

Его напарник, лучше разобравшийся в ситуации, без лишних слов выхватил стальные наручники и профессиональным жестом защелкнул их на кистях рабочего. Тот в недоумении оглядел наручники, поднеся их к глазам:

— Зачем это?

— Пойдешь с нами, на месте все растолкуем,— усмехнулся верзила.

Легонько, без видимых усилий разведя в стороны руки, рабочий разорвал наручники, и они с глухим стуком упали на подрагивающую ленту. В тот же момент охранники с двух сторон повисли на рабочем, и он оттолкнул

их. Один, не удержавшись, упал на ленту, другой остался стоять; изловчившись, он нанес незнакомцу сильный удар в челюсть, и тут же, потряхивая кулаком, застонал от боли.

Между тем лента продолжала нестись словно бесконечная река, сменялись дома, улицы и уровни. Иногда рядом на монорельсе проносились каплевидные капсулы, пролетали со свистом шары катапультного сообщения. Толпа вокруг прибывала, внешне безучастно наблюдая за развитием событий. Задние, рискуя свалиться с ленты, давили на передних, становились на цыпочки, стараясь разглядеть, что происходит там, подле поручня.

— Кого поймали? — шепотом спросила у соседа прилично одетая дама.

— Разве не видите? Крокодила, — ответил ей рабочий, чем-то похожий на того, попавшего в беду.

Дама поджала губы.

Кто-то завопил:

— Гляди!

Толпа ахнула. Человек, которого двое молодчиков в штатском пытались схватить, вдруг низко присел, подпрыгнул и понесся по воздуху!.. Нет, у него не появились крылья. Расправив руки, он летел ввысь, подобно огромному камню, брошенному со страшной силой.

Люди на бегущей ленте, разинув рты, наблюдали за распластанной фигурой, которая, удаляясь, таяла на глазах. Наконец, описав плавную параболу, фигурка, превратившаяся в крошечную, опустилась на туманный купол одного из домов-башен. Только тогда ошеломленный охранник вспомнил о своем радиопередатчике.

Назавтра средства массовой информации сообщили о двух происшествиях. В здании полицейского управления страны вследствие небрежности одного из сотрудников произошел взрыв. Кроме того, на одной из центральных лент столицы некий возмутитель спокойствия пытался в преступных целях дезорганизовать движение. Одновременно выражалась надежда, что он не уйдет

от правосудия. Приводились приметы преступника, за поимку которого обещалось огромное вознаграждение.

Впрочем, поиски Джи Джи до сих пор не увенчались успехом.

Облако

Долгий южный день был на исходе. Косые лучи солнца скользили по коричневому парапету набережной, по полосатым квадратам бесчисленных тентов и мелкой обкатанной гальке.

Пляж, несмотря на относительно позднее время дня, был полон. Это объяснялось несколькими причинами.

Во-первых, был конец августа — самый разгар купального сезона.

Во-вторых, погода на всем побережье уже в течение трех недель стояла на редкость тихая и теплая. А всего через четыре дня согласно прогнозу метеорологической службы должна была начаться затяжная полоса дождей. Поэтому все, кто приехал в Байами — один из самых фешенебельных курортов побережья, — торопились выжать из последних солнечных деньков все, что возможно. В-третьих, несколько дней назад в Байами приехала знаменитая Мэрилин Гринги, «звезда национального экрана», как называла ее пресса. Мэрилин приехала в Байами отдохнуть перед новыми съемками, как она заявила по приезде репортерам. Повсюду ее сопровождала довольно внушительная толпа поклонников: Мэрилин любила их общество.

— Но почему обязательно дождь? — капризно сказала Мэрилин, топнув ногой, обутой в ласт небесного цвета. Небрежно брошенный акваланг валялся тут же на песке. Прекрасная Мэрилин только что, подобно Афродите, вышла из морской воды и стояла у самой кромки прибоя.

— Дожди еще не скоро, в запасе целых четыре дня,— заметил Денни Мортон.

— Все равно; хоть и через четыре дня. Все хотят ясной погоды,— сказала Мэрилин, подчеркнув слово «все».— Ведь правда, все? — обвела она взглядом пляж.

Денни молча покачал головой.

— Ну, вот,— продолжала Мэрилин, приняв его жест за знак согласия,— так почему бы не сделать, как обычно, коллективную заявку в Службу погоды? Пусть обеспечат солнечную погоду. Я удивляюсь, как эта мысль до сих пор никому не пришла в голову. Что? Может быть, вы скажете, что это дорого будет стоить? Так ведь это неважно. Я первая готова платить хоть тысячу монет за каждый солнечный день.

— Боюсь, что деньги тут не помогут,— сказал Денни Мортон.

— Деньги... деньги не помогут? — изумилась Мэрилин.— Вы, наверное, заболели, Ден!

— Я никогда не болею,— сказал Мортон,— и вы это прекрасно знаете.

— Но ведь не далее как прошлой зимой мы заказывали в Бюро снежную метель. Помните? Тогда, на плато Индианок... Температура минус два, давление обычное, скорость ветра порядка четырех метров в секунду.

— И Бюро идеально выполнило все условия,— подхватил Мортон,— и лыжная прогулка удалась на славу. Все это так. Но на этот раз ровно через четыре дня, не смотря ни на что, будет дождь, или я не Денни Мортон!

— Но почему же? Я не понимаю,— сказала Мэрилин, опускаясь в шезлонг, услужливо пододвинутый одним из ее «придворных».— Ведь Службе погоды в конце концов не так уж трудно осуществить всеобщее желание...

— Не всеобщее, увы,— сказал Мортон, опускаясь у ног Мэрилин,— не всеобщее.

— Не всеобщее? — повторила Мэрилин.— Что это значит?

— Это значит,— улыбнулся Мортон,— что есть один

человек, который желает, чтобы через четыре дня была дождливая погода.

— А зачем?

— Очень просто: у него хроническая астма, на которую, как ни странно, хорошо влияет пасмурная погода. Больше, чем неделю солнечной погоды, этот человек не выдерживает. Ну а уезжать из Байами он тоже не хочет.

— Но кто же этот человек? — спросила Мэрилин.

— Глядите, — лаконично ответил Мортон, кивнув в сторону пестрой палатки, разбитой поодаль с восточной пышностью. У входа в палатку стоял вполоборота высокий худощавый человек. Будто почувствовав на себе чужой взгляд, он обернулся.

— О, Парчеллинг, — прошептала Мэрилин. Лицо нефтяного и автомобильного короля, одного из двенадцати, фактически правивших страной, было ей хорошо известно по тысячам фотоснимков в газетах, а также по многочисленным телеинтервью.

— Неужели это вы его имели в виду? — спросила Мэрилин, невольно понижая голос, как будто Парчеллинг мог услышать ее на таком расстоянии.

— Да, его.

— Тогда, конечно... — протянула Мэрилин. — С ним тягаться трудно. Однако, кажется, просьба Парчеллинга не только выполняется, но и перевыполняется.

— Что вы имеете в виду? — спросил Денни.

— Глядите внимательней, — кивнула вперед Мэрилин.

Но Мортон, как ни вглядывался, не видел ничего, кроме бесконечной гряды морских волн, окрашенных на горизонте багровым заревом заката.

— Лучше, лучше смотрите, — сказала Мэрилин. Она привстала и протянула руку. — Видите?

— Нет.

— Да не там, а правее, в направлении бакена.

— Какое-то пятнышко, — неуверенно сказал Мортон.

— Пятнышко! Это самое настоящее облако! — громко воскликнула Мэрилин.

— Ну и глазки, — восхитился Мортон. — Мало того, что они прекрасны, они еще и зорче, чем у рыси!

— Благодарю за комплимент, — рассмеялась Мэрилин. — Но глядите, по-моему, оно приближается.

— Может быть, парус чьей-то яхты? — высказал предположение Мортон.

— Не похоже, — сказала Мэрилин. — Впрочем, мы сейчас выясним. Джон! — позвала она.

К Мэрилин подбежал юноша, пододвинувший ей шезлонг. Он стоял в сторонке, чтобы не мешать беседе кинопродюсера со звездой.

— Джон, не принесете ли вы мне подзорную трубу? — попросила Мэрилин.

— Немедленно!.. — ответил Джон.

Через минуту Мэрилин внимательно вглядывалась в морскую даль, подкручивая винт настройки.

— Ну, что? — спросил Мортон.

— Я права, — торжествующе откликнулась Мэрилин, — это не парус, а облако. Правда, оно почему-то очень маленькое... И все-таки это облако!

Но Мортон уже ясно видел его и невооруженным взглядом. Облачко росло на глазах. Мортону показалось странным, что никто не замечал его. Денни обернулся. Каждый был поглощен своим делом. Люди купались, валялись на остывающем, но все еще теплом после дневного зноя песке.

Миновав бакен, на котором красовалась надпись: «Дальше не заплывать», облачко двинулось к берегу.

Был тот тихий час, когда сумерки еще не наступили, но уже явственно угадывались. Тени сгущались и в то же время становились расплывчатыми.

Когда облачко было уже метрах в полутораста от берега, его заметили наконец. Люди отрывались от своих занятий и недоуменно поглядывали на море, гадая:

что это за предмет довольно медленно приближается к берегу, скользя по поверхности воды?

Миновав узкую полосу прибоя, шар выполз на берег. Теперь явственно слышалось легкое шипение и потрескивание, которым сопровождалось его движение.

— Мама, я боюсь,— прозвенело во внезапно наступившей глубокой тишине.

Люди сторонились шара, но он вел себя спокойно. Двигаясь по пляжу, шар, казалось, кого-то выискивал.

— Побежим? — сказал Мэрилин, когда шар был уже довольно близко от них.

— Ни в коем случае, Мэри,— ответил Мортон.— Возможно, это нечто подобное шаровой молнии. В таком случае первое дело — это неподвижность, так как шаровая молния устремляется вслед за движущимся предметом. Вот от металлических предметов следует избавиться, и поскорее!

Мэрилин поспешно отшвырнула далеко в сторону подозрную трубу в стальной оправе, затем сняла с безымянного пальца кольцо с большим алмазом. Наскоро завернув кольцо в кружевной платочек, она нервным движением бросила его вслед за подозрной трубой.

Но облачко, казалось, вовсе не интересовалось металлическими предметами. Пройдя совсем близко от Мортон и Мэрилин, оно, не останавливаясь, проследовало дальше вдоль берега.

Мортон не отрывал глаз от сероватой колеблющейся поверхности. Шар как будто дышал. Мортону показалось, что внутри облачка, в прозрачной глубине его пульсируют какие-то жилки и движутся токи. Впрочем, это могло быть просто обманом зрения. Мортон посмотрел на Мэрилин. В ее широко раскрытых глазах застыл ужас. Точно такое выражение было у него, когда они прошлым летом, путешествуя вдвоем в верховьях Амазонки, неожиданно наткнулись на гигантскую анаконду.

— Это что-то ужасное,— прошептала Мэрилин, сжав широкую ладонь Мортон.— Кого оно ищет? И зачем?

Облачко, будто отвечая Мэрилин, ускоренно двинулось к пестрой палатке миллиардера. Все затаили дыхание. Гуго Парчеллинг, все еще стоявший у входа в палатку, сделал было движение к роскошному «ролс-ройсу», дверца которого была гостеприимно распахнута шофером, сидевшим за рулем. Но облачко было уже в нескольких метрах. Парчеллинг поднял руки к лицу, как бы защищаясь. Облачко, не останавливаясь, налетело на него и обволокло целиком. Раздался душераздирающий крик. Парчеллинг упал как подкошенный. Раздался звук, как будто лопнула туго натянутая струна, и облачко исчезло.

Все бросились к упавшему. Парчеллинг лежал на спине, раскинув руки. Голова его была запрокинута, из угла рта капала кровь, которую жадно впитывал песок.

Расталкивая толпу, прошли два полисмена. Они сфотографировали с разных точек неподвижного Парчеллинга и принялись тщательно осматривать каждую пядь земли, вероятно надеясь найти какие-нибудь остатки лопнувшего шара. Вдали послышался стремительно нарастающий вой кареты «скорой помощи».

В кабинет шефа полиции байамского округа вошли двое.

— Все сделано, шеф,— сказал один из них, сержант Робин Честертон.

— Где Парчеллинг?

— У нас в санчасти.

— Как он?

— Пока все еще без сознания.

— Обыскали как следует?

— Как следует, шеф. Вот все, что нашли.

Робин выложил на стол начальника массивный платиновый портсигар, на крышке которого была выгравирована смеющаяся купальщица, оседлавшая дельфина. Второй вошедший, Майкл Лиггин, положил рядом с

портсигаром небольшой предмет в форме записной книжки и круглый бумажник из кожи мексиканской выделки.

— Это все? — спросил шеф.

— Все,— сказал Майкл.

Шеф осторожно раскрыл портсигар. Он был пуст. Отложив портсигар в сторону, шеф взялся за бумажник. Глаза Робина и Майкла заблестели. Они ожидали сию минуту если не получить, то по крайней мере увидеть, потрогать руками то, ради чего можно пойти на что угодно— тугие пачки купюр, аккуратно сложенных по достоинству. Но их ждало разочарование. Денег в бумажнике не было, если не считать нескольких смятых долларовых бумажек и кое-какой мелочи.

— Пора бы уж знать,— сказал шеф, глянув на поскучневшие лица подчиненных,— что Гуго Парчеллинг предпочитает безналичный расчет и чековую книжку.— Цепкие пальцы шефа извлекли из бумажника смятый клочок бумаги. Шеф осторожно разглядел его. «Обращаюсь лично к Вам, как президент Автомобильной компании... Прошу отсрочить платеж... Доведен до отчаяния...» Остальная часть листка с текстом была оторвана.

— Что это? — спросил Робин.

— Обычная просьба,— пренебрежительно сказал Майкл.— Старик Парчеллинг, надо полагать, получал ежедневно десятки, если не сотни подобных просьб. А когда у тебя отнимают машину, после того как выплачена почти полная ее стоимость и не хватает денег на последний взнос, думаешь, это очень приятно?

— Думаю, что это не совсем обычная просьба,— покачал головой шеф,— иначе Парчеллинг не стал бы держать письмо в бумажнике. Попытаемся установить автора этого послания. Возьмите, Робин,— шеф протянул сержанту смятый листок,— и отнесите в лабораторию. Пусть сделают срочный анализ бумаги, чернил, почерка... Словом, все, что полагается.

— Есть! — Честертон козырнул и вышел.

Шеф взял в руки предмет, похожий на записную

книжку. Это был карманный фонограф, который Парчеллинг предпочитал записной книжке. Даже такая мелкая деталь из жизни мультимиллионера была хорошо всем известна из многочисленных газетных и телевизионных репортажей.

— Послушаем,— сказал шеф и нажал кнопку включения. Но фонограф бездействовал. Он повернул до отказа верньер громкости. В течение нескольких минут слышалось только шипение магнитной ленты. Затем хорошо известный голос Гуго Парчеллинга произнес:

«Заказать самолет на Балтимору. Пятница, пять сорок... После сессии акционерного общества — к морю. Вероятнее всего, в Байами. Надо отдохнуть. Да, не забыть заказать погоду: без дождей мне там делать нечего». Затем мало приятный голос Парчеллинга промурлыкал два куплета из популярной песенки «Я полюбил вас на Венере». Снова послышались шумы, после чего голос Парчеллинга отчетливо произнес: «Мальчишка, он смеет мне угрожать. Какова наглость! Он посягает на священные принципы частной собственности. Поручить собрать улики...» Снова фонограф захрипел, и больше ничего от него нельзя было добиться.

— А ведь пленка почти не использована,— заметил шеф.

— Возможно, фонограф повредился от воздействия этого... шара,— сказал Майкл.

— Гм... Возможно,— согласился шеф.— Отнесите-ка вы и фонограф в лабораторию. Возможно, удастся оживить если не Парчеллинга, то хотя бы его фонограф.— Довольный своей шуткой, шеф широко улыбнулся.

Оставшись один, он вызвал санчасть. Овальный экран засветился, и на нем возникло утомленное лицо старшего хирурга.

— Как там наш пациент? — спросил шеф.

— Пришел только что в сознание.

— Отлично!

— Но за жизнь еще нельзя поручиться.

— А что с ним?

— Точный диагноз до сих пор не установлен. Крупная потеря крови, вероятно, от внутреннего кровоизлияния. Организм перенес сильнейший шок, подобный электрическому. Сделаем все возможное...

— Я хочу поговорить с ним,— перебил шеф,— это очень важно.

— К сожалению...— растерянно сказал хирург,— только не сейчас. Сейчас нельзя.

— Почему?

— Гуго Парчеллинг хотя и в полном сознании, но говорить не может: он потерял дар речи.

Назавтра все утренние газеты вышли с аршинными заголовками: «Трагедия в Байами», «Гуго Парчеллинг потерял речь», «Необъяснимый феномен природы», «Случайность или диверсия?..» Эти сообщения потеснили на второй план даже рубрику «Хроника космоса». Все возбужденно обсуждали происшествие.

Рассыльный робот только что принес в гостиницу «Опоссум» внушительную пачку свежих газет. Лысый портье, оседлав нос железными очками, просматривал последние новости.

«Интервью последней минуты,— читал он вслух, сидя за конторкой.— В беседе с нашим корреспондентом шеф полиции заявил, что расследование дела Парчеллинга ведется интенсивно. В ход пущены все силы аппарата. Шеф заявил, что он не сомневается...»

В чем именно не сомневается шеф, выяснить не удалось, так как к конторке подошел молодой человек и вручил портье ключ от одиночного номера.

— Нельзя ли получить чемодан? — сказал он.— Я уезжаю.

— Там должок небольшой...— сказал портье.

— Да, конечно.— Молодой человек, порывшись в

карманах, достал смятую кредитку и положил ее на бюро конторки.— Вот. Сдачи не надо.

Поблагодарив за чаевые, портье нагнулся и, кряхтя, достал небольшой чемодан.

— Однако же тяжеленек ваш чемодан, мистер... Уж не камни ли там у вас?

— Вы угадали,— рассмеялся молодой человек.— Счастливо оставаться!

Лицо постояльца было необычно бледно. «Вероятно, попал под действие радиации, бедняга»,— подумал портье. Проводив молодого человека долгим взглядом, он глянул в книгу записи постояльцев. Где же он? Ага, вот: инженер Катиль Револьс. Дата прибытия: 27 августа. Обмакнув перо, портье написал: выбыл 29 августа...

Полтора часа, оставшиеся до отправления воздушного поезда, были мучительными. Взяв билет, Катиль Револьс направился в читальный зал. Там он надеялся скоротать время до отхода поезда.

— Мне, пожалуйста, «Байами сан»,— робко обратился он к цаплеобразной девице.

Не глядя, девица протянула в окошко толстую пачку, сложенную вдвое.

— Благодарю, мисс.

Катиль пробрался к свободному столику. Ему все время казалось, что его изучают настороженные взгляды. Торопливо усевшись в поливиниловое кресло, он закрыл лицо газетой. Буквы прыгали перед глазами. «Случайность или диверсия?..» — вопрошал жирный заголовок. «Президент заинтересовался байамским происшествием». «Может ли природа совершить злодеяние?» — философствовал какой-то газетчик. Это неинтересно. А вот... Холодный пот выступил на лбу Револьса. Красные буквы заголовка зловеще выделялись на газетном листе: «У нас есть нить»,— заявляет шеф полиции. «Встревоженное общественное мнение требует

найти и покарать преступника,— гласила статья.— Мы не можем допустить, чтобы жизнь лучших, благороднейших сынов народа подвергалась опасности. Общеизвестно, что Гуго Парчеллинг всегда заботился о нуждах народа. Он давал работу десяткам тысяч людей. Его чуткость и отзывчивость общеизвестны...» «Да, Гуго забрал у меня автомобиль довольно чутко и отзывчиво»,— подумал Катиль. Дальше следовала реклама зубной пасты. Где же нить, о которой говорит шеф? Катиль нервно перевернул несколько листов. Рука его дрожала. Ага, вот... Страница четырнадцатая. «Среди личных вещей пострадавшего нами найдены важные улики: Данные лабораторного анализа подтвердили наши догадки. К сожалению, я сейчас не могу говорить об этом подробнее: причины понятны. Мы найдем преступника, и правосудие восторжествует!»

Что это за важные улики, о которых говорит шеф полиции? Смешно. Ведь он, Катиль Револьс, отлично знает, что никаких улик быть не может: ведь это же ясно! Но почему на него так смотрит этот господин в котелке? Катиль осторожно покосился влево. Полный господин, глядевший на него в упор, поспешно отвел глаза. «Так и есть,— мелькнуло у Револьса,— сыщик! Господи, откуда у них могли взяться подозрения? Надо бежать. Может быть, еще не поздно. Если он не пойдет за мной — значит, еще не все потеряно».

Осторожно, с бьющимся сердцем, заставляя себя идти медленно, двинулся Катиль к выходу.

— Молодой человек! — послышался тенор толстяка. Катиль, вздрогнув, остановился. «Бежать бессмысленно»,— мелькнула мысль.

— Вы чемоданчик забыли,— толстяк благодушно кивнул в сторону столика.

— Ах, благодарю вас.

Поспешно схватив чемодан, Катиль выскочил из читальни.

— Удивительно бледный молодой человек,— обратился толстяк к супруге.

— Да, странного вида.

— И чего он так испугался, когда я его окликнул? Чудак! — заключил толстяк.

Кое-как Револьсу удалось убить оставшееся время. Он старался никому не попадаться на глаза. Сначала Катиль направился в насквозь пропыленный железнодорожный скверик. Там он выбрал поломанную скамейку в самой дальней аллее. Когда же мимо него несколько раз прошла парочка, показавшаяся ему подозрительной, Катиль поднялся и поспешно ушел. Остаток времени он провел на перроне. Катиль старался держаться поближе к динамику, из которого непрерывным потоком лилась информация о прибывающих и отходящих поездах. Ах, наконец-то! Ледяной голос женщины-диктора звучал в его ушах, как музыка: «Трансконтинентальный воздушный экспресс «Конец века» подается для посадки ко второму тоннелю».

Револьс бросился к поезду. Тоннель встретил его упругим потоком кондиционированного воздуха и гулкими голосами пассажиров, спешащих, как и он, к поезду. Экспресс стоял на ровной бетонированной дорожке, терявшейся вдаль. Стройный и легкий, он напоминал гигантскую вытянутую каплю с тупым носом и вытянутым хвостом.

В купе никого еще не было. Вздохнув облегченно, Катиль пристроил чемодан под скамьей и без сил опустился на мягкое сиденье.

«Не пройдет и часа,— подумал он,— как я буду на другом конце континента. И надо же было мне ехать в этот проклятый Байами! Как будто нельзя было выбрать лучшего места для отдыха». Правда, Катиль и самому себе не смел признаться, что на его выбор — куда поехать отдохнуть — решающим образом повлияла газет-

ная заметка под броским заголовком: «Наша Мэрилин едет в Байами».

Но вот вагон дрогнул. Послышалось характерное шипение: это сотни пневматических быстродействующих насосов начали накачивать воздух под ровный, без всякого признака колес, пол экспресса. Через минуту на воздушной подушке в несколько миллиметров толщиной поезд помчится со скоростью, которой совсем недавно, какой-нибудь десяток лет назад, достигали разве что реактивные турболеты...

Дверь отодвинулась, и в купе вошел человек в черной сутане.

— Добрый день,— сказал он Револьсу, вытирая пот.— Ну и жара сегодня!

— Добрый день, отец мой,— ответил Катиль.

Оставив саквояж, человек вышел.

«Слава богу, что попутчик у меня священник»,— подумал Катиль.

Он вынул карманную Библию, с которой не расставался ни при каких обстоятельствах, и погрузился в чтение.

— Похвально, сын мой,— услышал Катиль. Священник в полосатой шелковой пижаме неузнаваемо преобразился.

— Это... вы? — только и сумел сказать Катиль.

— А что? Не узнать? — Довольный произведенным эффектом, человек захохотал.— Что ж, давайте знакомиться. Чарли Кноун, актер.

— Актер? — поразился Катиль, неуверенно пожимая дружелюбно протянутую руку.— А как же...

— Что, это? — рассмеялся Чарли, указывая на небрежно брошенную сутану.— Это всего лишь маленький камуфляж, не более. Иначе просто отбою нет от поклонников, а особенно от поклонниц. Ну а к духовному лицу присматриваются меньше, к тому же можно закрыть значительную часть лица, не вызывая подозрений. Итак, моя маскировка отброшена,— сказал Чарли, садясь на-

против Револьса.— Но тогда, может быть, ни к чему и ваша? — Кноун притронулся к Библии, лежащей на коленях Катиля.

— Это не маскировка,— отрезал Револьс, отворачиваясь к окну. Собственно говоря, никакого окна не было: поезд мчался в глубоком тоннеле. Но в каждом купе железнодорожная компания установила по экрану, на котором сменялись различные картины, часто весьма далекие от пейзажей, открывавшихся на поверхности, под которой мчался воздушный экспресс. Сейчас экран изображал сценку из античной жизни, в которой участвовали четыре девицы, одетые довольно рискованно. Сценка была посвящена рекламированию нового сорта душистого мыла.

— Простите,— после небольшой паузы сказал Кноун,— если я оскорбил ваши чувства. Но в наше время так редко можно встретить человека верующего...

— Ничего, я не в обиде,— ответил Катиль.

— Ну а если так,— заявил Кноун,— то вы должны распить со мной бутылочку. И не вздумайте отказываться,— добавил он, заметив протестующий жест Катиля.— Надеюсь, бог не будет возражать: это отличное вино из Испании.

Минут через пятнадцать Катиль и Чарли были уже друзьями. Вино, очевидно, оказалось не таким уж легким. Во всяком случае, они уже успели даже выпить на брудершафт.

— Нет, ты мне все-таки объясни,— упорствовал Чарли,— как это ты, образованный человек, инженер, можешь верить в бога! Ведь это же бессмыслица. Ну, я еще понимаю — верить для других. В чем-чем, а уж в недостатке ханжества наше общество трудно упрекнуть. Но ты... Ты ведь веришь искренне!

— Ты слишком примитивно смотришь на вещи,— сказал Катиль, допивая вино,— все сверх меры упрощаешь, так не годится.

— Упрощаю? Но уж лучше упрощать, чем усложнять,— запальчиво произнес Чарли.

— Видишь ли... Люди часто применяют понятия, не вкладывая в них никакого смысла, или — что еще хуже — чудовищно искажая этот смысл. Вот ты говоришь — бог... бога нет... А что такое бог? Разумеется, я не стану рисовать тебе этакое всемогущее и вездесущее существо, которое все видит, все знает и все может. Мало ли наивных рассказней умерло вместе с древними легендами. Это были детские годы человечества.

— Но человечество давно уже вышло из детского возраста,— вставил Кноун.

— Вот именно. И ты хочешь, наверно, сказать, что космические корабли, бороздящие пространство, до сих пор нигде не встречали бога?

— Как ты угадал? — удивился Чарли.

— Потому что это излюбленный аргумент таких, как ты. А между тем речь идет совсем о другом боге. О том, который может — вопреки всем утверждениям материалистов — творить материю из ничего. Который может заставить время течь в обратном направлении. Который дал электрону «свободу воли», то есть разрешил ему уклоняться от обычных законов электродинамики.

— Хотя я актер,— сказал Чарли,— но немного интересуюсь и физикой, хотя кто ею сегодня не интересуется? И то, что ты мне сейчас наговорил,— это, ты извини меня, просто-таки сплошное мракобесие. И ведь это все давно уже опровергнуто наукой...

— Еще раз говорю тебе, что я верю в того бога, который непознаваем до конца, который разлит во всем вокруг нас. По сути, бог — это природа, это кибернетика, это вообще все, что окружает нас. Ведь абсолютно все, даже самые мельчайшие явления вокруг нас взаимосвязаны. И эти связи бесконечно сложны. Знаешь ли ты, что, делая вдох, мы вдыхаем несколько молекул воздуха, содержавшегося в предсмертном вздохе Юлия Цеза-

ря? Впрочем, извини меня: кажется, я не в меру расфилософствовался. Хочется немного забыться.

— Послушай, Катиль... А это в самом деле так?

— Что?

— Да насчет Юлия Цезаря.

— Прямое следствие теории вероятностей. На это указал еще великий Джинс. Вот что, Чарли. Могу я тебе доверить одну тайну?

— Любую тайну,— заявил Кноун, вынимая вторую бутылку. Лицо актера налилось кровью, глаза возбужденно блестели.

— погоди,— Катиль отстранил полный стакан,— выпьем потом. Речь идет об убийстве Гуго Парчеллинга.

— Об убийстве Гуго? — переспросил Кноун.— А разве он... мертв? Я слушал перед посадкой последние известия...

— Он еще жив, но думаю, что это продлится недолго.

— Что это значит? Это твоя работа, старик? — Лицо Чарли выражало целую гамму разнородных чувств.

— Я тебе все расскажу,— зашептал Катиль, наклоняясь к Чарли.

Внезапно прозвенел мелодичный гонг. «Через пять минут экспресс прибывает на станцию назначения»,— бесстрастно сообщил металлический голос информатора.

Кабинет Джона Триллинга не поражал великолепием. Обстановка его выглядела заурядной, даже будничной, если не считать кибернетического секретаря, занимавшего добрую треть кабинета. Секретарь мог навести и выдать хозяину любую справку, сообщить любую информацию. Поговаривали даже, что секретарь перенял и характер хозяина — капризный, вспыльчивый. Впрочем, достоверно этого никто не мог утверждать, так как с секретарем мог иметь дело только сам Джон Трилинг.

— Итак, милейший, вы считаете, что нить найдена? — сказал Триллинг, закуривая сигару.

— Так точно, сэр, — ответил шеф байамской полиции, стоя навытяжку.

— Учтите, что я сегодня вечером буду докладывать президенту об этом загадочном деле, — сказал Триллинг. — Мы все заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее распутать клубок. Представляете, что получится, если возле каждого из нас начнут взрываться подобные шарики?

Шеф полиции в ответ только моргнул белесыми редкими ресницами.

— Да, так почему вы считаете, что нить найдена? — повторил Триллинг. — Можете сесть.

— Благодарю, сэр. — Шеф полиции робко присел на краешек массивного кожаного кресла. Он догадывался, что Триллинг включил свой «детектор лжи», и показания детектора змеятся теперь на голубом экране, наклоненном так, что его мог видеть только сам Триллинг. И хотя шеф полиции скептически относился к подобным штукам, все-таки это было неприятно.

— Наша лаборатория произвела полный анализ записки шантажистского характера...

— Ну, ну, — подбодрил шефа полиции Триллинг.

— Мы исследовали личный архив Гуго Парчеллинга и проанализировали почерки всех его корреспондентов.

— Кто же писал записку?

— Автор записки — инженер Катиль Револьс.

— Кто же он?

— Я только что из Центрального Информатория. Вот личная карточка Револьса.

Шеф полиции протянул Триллингу узкий плотный листок бумаги, исписанный с обеих сторон. Триллинг внимательно просмотрел листок. На лице его появилась довольная улыбка.

— Выходит, полиция недаром ест хлеб?

— Стараемся, сэр, — скромно ответил шеф полиции.

— Надеюсь, он уже арестован, этот Револьс?
— К сожалению, сэр...
— Что? Вы хотите сказать, что он еще на свободе?..
— Данные из Информатория получены только что...
— Так что же вы спите,— закричал Триллинг, вскочив с места и потрясая кулаками,— идите, подымите весь аппарат на ноги, ройте землю носом, но чтобы Револьс был пойман! А до этого я вас и видеть не хочу. Идите!

Триллинг отвернулся, давая понять, что аудиенция окончена.

— «Совсем спятил босс»,— подумал шеф полиции, выходя из лифта. Дверь на улицу ему отворил угрюмый детина, больше похожий на переодетого гангстера, чем на швейцара.

На улице было душно. Нагретые августовским солнцем, асфальт и стены небоскребов источали зной.

Глубоко внизу под прозрачным полом кабины проплывало плато, покрытое рыжеватой выжженной на солнце травой.

— Фермерский рай,— кивнул вниз Робин.— Приволье коровам, а людям — беда.

— Ты-то откуда знаешь? — спросил Майкл.

— Так я ведь родом отсюда. Здесь была ферма моего отца.

— Почему «была»?

— Потому что ее проглотил наш сосед, крупный землевладелец. Его все в округе прозвали спрутом. Столковался с железной дорогой, и всех нас, мальков, в один невод — фьють! — выразительно свистнул Робин.

— Как же это он? — поинтересовался Майкл.

— Да как обычно,— махнул рукой Робин.— Взвинтили тарифы за транспорт, нам платить было не под силу, ну и прогорели.

— А с высоты все кажется таким идиллическим,—

заметил Майкл.— Игрушечные домики, зелень... Стада... Действительно рай, да и только!

— Это только с расстояния в семь тысяч метров. А немного приблизишься — и рай сразу превращается в ад.

— И подумать только,— перешел Майкл на другую тему,— что этот самый Револьс жил у нас под боком, в гостинице «Опоссум»! Ведь стоило только протянуть руку, и он в кармане, вместе с премией в двадцать пять тысяч долларов. А теперь ищи ветра в поле!

— Думаю, если бы мы его сцапали в Байами, то и премии никакой не было бы,— резонно заметил Робин.

— Но, впрочем,— продолжал Майкл,— этот портье из «Опоссума» описал Револьса так здорово, что, мне кажется, я узнал бы его из тысячи.

Бильденский реадром встретил прохладой. Пронзительно выл готовый к взлету моноплан, солидно гудели вертолеты. Вдали вздымались тупые носы к небу пассажирские ракеты.

Автокар плавно подкатил к выходу и остановился. И никто из толпы пассажиров не подумал, что эти двое молодых парней в одинаковых серых костюмах — агенты тайной полиции...

— Первым делом едем на место его работы,— сказал Майкл.— Кроме того, надо поговорить с дирекцией компании, где служит этот инженер.

— В электрокомпанию,— сказал сержант Честертон,— адрес...

— Не нужно,— сказал шофер такси, разворачивая машину,— адрес компании вам скажет любой мальчишка.

* * *

«Какой-то он сумасшедший, этот Револьс»,— думал Чарли Кноун, идя по набережной. В который раз вспоминал Чарли его быструю жестикуляцию, лихорадочно

блестевшие глаза, мертвенно-бледное лицо. «По всей вероятности, это нервное истощение, результат переутомления. А все проклятая конвейерная автоматика! Сколько раз уже говорилось о том, что такая система истощает работников».

Среди своих коллег-актеров Чарли Кноун слыл либералом. Он даже состоял членом профсоюза кинорботников, отчего для Чарли проистекали периодически разного рода неприятности, как крупные, так и мелкие. Например, его в самый последний момент хотели отстранить от участия в съемках нового полифильма «Хочу в марсианские джунгли», мотивируя это тем, что Кноуну, мол, не дадут визу для въезда на Марс, где предполагались натурные съемки. И лишь заступничество его давней приятельницы Мэрилин Гринги спасло дело.

Чарли свернул с набережной и углубился в город. Ему не хотелось брать такси. Чарли был взволнован разговором с Револьсом и решил пройти пешком.

В ушах Кноуна все еще стояла необычная исповедь Катилы.

...— Да, могу тебе признаться: это я убил Парчеллинга. Причем убил его без помощи рук, одним лишь умственным усилием. Постараюсь объяснить. Ты знаешь, конечно, что, когда человек думает, мыслит, в его мозгу возникают биотоки?

— Читал.

— Вот этими биотоками я убил его.

— У тебя что же, есть какой-нибудь усилитель? — спросил Чарли, разом припомнив многочисленные научно-фантастические рассказы на эту тему.

— Нет у меня абсолютно никакого усилителя, — ответил Катиль, — я убил его простым умственным напряжением.

— Ах, вот как, — протянул Чарли, испытав нечто вроде разочарования.

— Да, Гуго Парчеллинг сильно обидел меня. Ну, я же рассказывал тебе, история с автомобилем. Немыслимое бессердечие! Он не хотел отсрочить платеж даже на один день. Машину забрали. Это было последней каплей. Я вдрызг поругался с начальством. Впрочем, последнее имело и положительную сторону: мне дали отпуск, впервые за восемь лет службы у компании. Решил я съездить в Байами отдохнуть и подлечиться: нервы у меня в последнее время сильно пошаливали. Бессонницы, головные боли и прочие прелести. Прилетаю в Байами. И что же? Этот мерзавец Парчеллинг, оказывается, там же! Я остановился во второразрядной гостинице. Всю ночь не мог уснуть: мне все представлялось, как бог карает Парчеллинга, как он казнит его. Видения мои были необычайно ярки!

— Ну, хорошо... Видения... А как же все-таки они могли воздействовать на Парчеллинга? — осторожно сказал Чарли. Ему уже было ясно, с кем он имеет дело. Было очевидно, что Катиль вовсе не причастен к тому, что произошло с Парчеллингом.

— Очень просто, — разъяснил Револьс, облизывая сухие губы. — Видения, как я уже сказал, вызывают биотоки. Всякий биоток индуцирует в окружающем пространстве электромагнитное поле, которое распространяется со скоростью света. И это поле может в определенных случаях воздействовать на того индивидуума, о котором сосредоточенно думаешь. Может воздействовать, я знаю! Может! — выкрикнул Катиль.

— Что же ты теперь намерен делать? — спросил Кноун, с состраданием глядя на Револьса.

— Буду скрываться, — сказал Катиль, — полицейским ищейкам меня не найти!

Беспокойный взгляд Револьса упал на католическую сутану актера, лежавшую на скамье.

— Дай мне ее, Чарли, — сказал Катиль, хватая сутану. — Я верю, что в этом одеянии бог спасет меня!

— Что ж, бери, — разрешил Кноун. — И вот тебе на

всякий случай мой адрес: если случится туго — знай, что у тебя есть верный друг.

«Пусть попрячется немного, поиграет сам с собой в прятки,— решил Кноун.— В основном он рассуждает здраво, это у него просто нервное переутомление. А сдай его сейчас на руки врачам — так он потом с ними и не разделается. Запрут куда-нибудь в лечебницу — и поминай как звали!»

Наскоро пожав Чарли руку, Револьс подхватил свой чемодан и выскочил на перрон, тут же смешавшись с толпой...

Все это Кноун припоминал, широко шагая по теневой стороне улицы. «Где-то он сейчас, чудак», — думал актер.

Прошло три дня, и на побережье начались затяжные дожди. Решительно все отдыхающие выражали свое недовольство, но Служба погоды оставалась непреклонной: Гуго Парчеллинг уплатил деньги, и за свои два миллиона он может вволю наслаждаться той погодой, которая ему по вкусу.

«Надежды на хорошую погоду нет!» — решила Мэрилин и возвратилась в Голливуд, где в ближайшее время должны были начаться съемки нового фильма с ее участием.

— Здесь нет моря, зато по крайней мере нет и дождей! — заявила она Денни Мортону.

— И взрывающихся миллиардеров, — добавил Денни. — Кстати, могу вас обрадовать: состояние здоровья Парчеллига улучшается. Он уже свободно ходит и даже собирается на днях выступить по телевидению. Я только что просматривал последний выпуск «Ньюс кроникл».

— А как же с тем злоумышленником, о котором столько трубят все эти дни? — спросил Мэрилин, выглядывая в распахнутое окно студии. По двору, цепляясь за старые декорации, бродил какой-то монах.

— Поиски продолжаютс^я. Правда, я далеко не уверен, что такой злоумышленник существует в природе. По-моему, вовсе не обязательно приписывать любое явление природы делу человеческих рук.

— Скажите, Денни,— сказала Мэрилин,— разве съемки «Крещения в космосе» еще не закончились?

— Давно закончились,— ответил Мортон.

— Зачем же этот актер нацепил сутану? Кстати, и лицо его мне незнакомо: вероятно, из новеньких.

Мортон выглянул в окно.

— Это не наш актер,— сказал он, нахмурившись.

Монах между тем безуспешно пытался преодолеть лабиринты декораций.

— Молодой человек! — крикнул Мортон.

Монах остановился и поднял голову.

— Вы в чьей группе состоите? И что здесь делаете?

Монах, увидя в окне Мэрилин, бросился к ней, не разбирая дороги, путаясь в декорациях, и остановился у самого окна.

— Мисс Мэрилин,— горячо заговорил он, прижимая руки к сердцу.— Как долго я искал вас. И слава богу, нашел наконец!

— Недурной актер,— вполголоса сказал Мортон,— только бледный слишком. Впрочем, вы, надеюсь, не будете слишком строги к этому своему новому поклоннику. Смотрите-ка, он прямо-таки готов съесть вас взглядом!

И впрямь монах бросал такие красноречивые взгляды, будто готов был впрыгнуть на второй этаж.

— Итак, что же вам угодно, молодой человек? — спросил Денни.

— Прекрасная Мэрилин,— сказал монах, не обращая внимания на Мортон^а,— я прошу вас об одном: не гоните меня, разрешите мне быть с вами! Больше мне ничего не надо.

— Однако же на редкость нахальный субъект,— тихо сказал Денни,— он, как видно, во что бы то ни стало хочет участвовать в съемках. Наверно, какой-нибудь мо-

лодчик из провинции...— Мортоня определенно забавлял этот бледнолицый тип.

— Войдите в павильон,— сказала Мэрилин,— я сейчас туда спущусь, и мы поговорим.

— Почему бы нам не взять его, Ден,— сказала она, когда монах исчез.— Можно попробовать его на роль Иоанна Крестителя. Лицо, мне кажется, подходящее...

— Что ж,— мрачно сказал Мортон,— думаю, что вопрос решен: разве Денни может отказать в чем-нибудь прекрасной Мэрилин? Тогда вы мне навязали этого красного Кноуна, а теперь вот...

— Не будем ссориться,— примиряюще улыбнулась Мэрилин,— это не в ваших интересах.

Чарли Кноун был очень обрадован, увидев среди съемочной группы Катиля, с которым он познакомился при столь необычных обстоятельствах. Из деликатности он ни о чем не стал расспрашивать Катиля. «Вероятно, решил на время бросить свою работу и побродяжить. Что ж, это неплохо»,— решил Чарли.

Пробы на роль Иоанна Крестителя прошли успешно. Револьс идеально подходил для этой роли. В его словах звучала такая непреклонная убежденность фанатика, что зрителей охватывал невольный трепет. Револьс беспрекословно выполнял любые указания Мэрилин, к указаниям же режиссера и продюсера Денни Мортоня оставался совершенно равнодушным. И с этим ничего нельзя было поделать. Поэтому Мортону приходилось разъяснять Мэрилин, что требуется от Револьса, и лишь затем Мэрилин от своего имени говорила строптивому Иоанну Крестителю, что он должен делать.

В тот день они задержались в павильоне, отрабатывая сцену проповеди Иоанна среди неверующих. Статистов отпустили, остались только Мэрилин и Катиль.

— Мэрилин,— сказал Револьс, запинаясь,— я должен сказать вам одну вещь. Я давно собираюсь... Но только боюсь, что вы на меня рассердитесь...

— Эти слова не входят в вашу роль,— улыбаясь, заметила Мэрилин.

— О не смейтесь, умоляю вас. Это слишком серьезно...— Слова Револьса заглушил пронзительный рев полицейской машины. Револьс, и без того бледный, побелел как мел и кинулся к окну. Обтекаемая торпедовидная машина полицейского управления въехала в ворота киностудии и теперь старалась развернуться, подминая мощными колесами старые декорации.

— Это за мной,— сказал Револьс, оборачиваясь к Мэрилин. Волосы его растрепались, глаза горели.— Спрячьте меня, Мэрилин. Я все вам расскажу потом...

Схватив Катю за руку, Мэрилин бросилась в артистическую. Это была большая комната, где артистов гримировали перед съемками.

— Скорее, скорее,— повторяла Мэрилин, задыхаясь от быстрого бега. Они подбежали к туалетной тумбочке Мэрилин. Открыв дверцы, Мэрилин принялась лихорадочно выбрасывать прямо на пол бесчисленные флакончики, тюбики, кисточки, маски... Затем, став на колени, она изо всех сил рванула полку, разделявшую внутренность тумбочки надвое. Полка не поддавалась. Мэрилин до крови прикусила губу, готовая расплакаться. Револьс стоял безмолвно, не сделав малейшей попытки помочь Мэрилин. Наконец, изловчившись, она вырвала полку и зашвырнула ее в другой конец комнаты.

— Полезайте! — скомандовала она.

Револьс присел на корточки и пригнул подбородок к коленям. Кое-как он втиснулся в тумбочку, и Мэрилин поспешно закрыла дверцы, повернув два раза в замке миниатюрный ключик.

— Что бы ни было, сидите тихо,— шепнула она. Мэрилин едва успела перевести дыхание, как в коридоре послышался торопливый топот множества ног.

В артистическую вошел Денни Мортон, за ним ввалились несколько человек в штатском.

— Где Катиль Револьс? — спросил Мортон у Мэрилин.

— Не знаю, — спокойно ответила она.

— Как не знаете? Ведь он оставался с вами.

— Репетиция давно закончилась. Возможно, он ушел.

— Так, — протянул Мортон.

— А скажите, мисс, — выступил вперед один из вошедших, в котелке с заломленными полями, — вы не будете возражать, если мы вас приведем к присяге? А затем произведем тщательный обыск. Имейте в виду, что за дачу ложных показаний полагается электрический стул.

— Делайте все, что считаете нужным, — сказала Мэрилин.

— Я за эту женщину готов поручиться, — сказал Мортон. — Вот мое удостоверение в лояльности.

Старший полицейский внимательно просмотрел удостоверение, протянутое ему Мртоном.

— Итак, вы ручаетесь за нее, — сказал он, возвращая удостоверение. — В таком случае, как вам известно, равная ответственность ложится на вас обоих.

Между тем полицейские разбрелись по комнате. Один внимательно исследовал свое отражение в зеркале, другой изучал чьи-то безделушки из слоновой кости. Все ожидали распоряжений начальника.

— Простукайте стены и пол, — велел начальник. — Здание студии оцеплено, и преступник, если только он здесь, никуда не уйдет.

Полицейские ретиво принялись за дело. Начальник со скучающим видом уселся на тумбочку Мэрилин, благо все безделушки с ее поверхности были сметены на пол.

— Имейте в виду, — сказала Мэрилин, сверкнув глазами, — я буду жаловаться на вас самому Джону Трилингу, он покровительствует нашей студии.

Начальник переглянулся со своим заместителем: слова Мэрилин явились для них новостью.

— Мы не делаем ничего противозаконного,— сказал начальник, заметно сбавив тон.— Между прочим, уважаемая мисс, преступник мог здесь спрятаться и без вашего ведома.

— Вы совершенно правы,— раздался вдруг голос прямо из-под начальника. От неожиданности тот слетел с тумбочки, едва не упав. Немая сцена длилась несколько секунд. Затем полицейские бросились к тумбочке.

— Где ключи? — закричал начальник.

Мэрилин молча пожала плечами.

— Вскрыты! — рявкнул начальник.

Полицейские мигом сломали тумбочку, и глазам их предстал взъерошенный, бледный Револьс.

— Я сам спрятался сюда, сэр,— обратился он к начальнику, неуверенно улыбаясь.

— И сам заперся на наружный замок, мерзавец? — закричал начальник.— Долго же я за тобой гонялся!

От сильного удара в лицо Катиль покачулся.

— Взять! — коротко распорядился начальник.

Полицейские вышли, подталкивая Револьса. Денни Мортон стоял как громом пораженный, не в силах вымолвить ни слова.

— Будьте добры, Мортон,— обратилась к нему Мэрилин,— оставьте нас с шефом на минутку.

Перестав удивляться чему бы то ни было, Мортон направился к выходу, переставляя ноги, как автомат.

— Я ни о чем не прошу вас, шеф,— сказала Мэрилин, когда дверь за Мртоном захлопнулась.— Мне просто хочется, чтобы вы приняли от меня этот небольшой знак внимания.— Сняв с пальца кольцо, она протянула его полицейскому. Неправдоподобно огромный алмаз ослепительно сверкнул, так же как и глаза полицейского.

— В память о нашей встрече,— сказала Мэрилин, обворожительно улыбаясь.

— О,— сказал полицейский. Поколебавшись мгновение, он схватил кольцо и жадно сунул его в боковой кар-

ман. Затем под козырек.— Благодарю вас, мисс. Можете ни о чем не беспокоиться...— Шеф посмотрел на часы.

— Еще одно слово, шеф,— тихо сказала Мэрилин.— Этот человек, которого вы арестовали... Катиль Револьтс... Он не мог совершить того преступления, о котором вы сказали. Прошу вас разобраться...

— К сожалению, это зависит не от меня,— развел руками полицейский.— Речь идет о государственном преступлении. Но, между прочим, вы можете быть уверены, что дело Катиль Револьтса будет решено по справедливости. Могу вам сказать по секрету, что делом особенно интересуется сам Джон Триллинг. Хотя это и нелегко: ведь они с Парчеллингом давние друзья.

— При чем здесь Парчеллинг?

— Да ведь речь идет о покушении на него. Извините, мисс, мне надо идти,— заторопился полицейский, поняв, что сказал лишнее.— К вашим услугам! — И вторично взяв под козырек, он поспешно вышел.

В кабинет Джона Триллинга ввели арестованного. Револьтс сильно изменился за несколько часов. На лице его красовались несколько кровоподтеков и огромный синяк, ворот рубашки был разорван.

— Безобразие! — закричал Триллинг на конвойного.— Как вы обращаетесь с заключенным?

Конвойный онемел от испуга и, повинувшись гневному жесту Триллинга, выскочил за дверь.

Измученный Катиль с благодарностью посмотрел на Триллинга. Он не знал — да и не мог знать,— что в этом огромном доме ничего не делается без распоряжения Джона Триллинга, Большого Хозяина.

— Садитесь,— ласково сказал Хозяин.

Револьтс робко присел на краешек кресла, того самого, в котором несколько дней назад сидел шеф байамской полиции, а затем начальник тайной полиции и даже сам президент.

— Расскажите все по порядку,— сказал Триллинг.
Револьс молчал.

— Нас никто не слышит,— сказал Триллинг,— а меня вы можете не бояться: я ваш друг.

Револьс повторил все то, что он сказал на допросе; протокол его лежал перед Джоном.

«Однако же сильно свихнулся парень. А беззащитен, как овца»,— на мгновение почувствовав что-то вроде жалости, подумал Триллинг.

Бледный как мел, Катиль рассказывал о биотоках, порожденных необычайно яркими видениями, и об электромагнитных полях, распространяющихся со скоростью света.

— Но вы ведь сказали на допросе, что это бог покарал Гуго Парчеллинга? — задал вопрос Триллинг.

— Да, а меня он выбрал своим орудием,— с непоколебимой уверенностью ответил Револьс.

— Все это вы должны повторить перед присяжными,— строго сказал Триллинг.— Бог требует, чтобы мы всегда говорили правду, и только правду,— добавил он, молитвенно сложив руки и устремляя взгляд в потолок.

— Я знаю,— прошептал Катиль.

— А теперь можете идти. С вами будут теперь обращаться хорошо. Можете требовать все, что вам понадобится.

— Благодарю вас.

— Отведите,— сказал Триллинг, строго глядя на вошедшего конвойного.

Едва захлопнулась дверь, он повернул верньер срочного вызова. Перед Триллингом на вспыхнувшем экране показалось лицо начальника тайной полиции.

— Следствие закончено,— сказал Триллинг.— Дело можете закруглять. Во всяком случае, для меня все ясно,— многозначительно подчеркнул Большой Хозяин.— Организатором покушения на Парчеллинга является Катиль Револьс. Это опасный преступник. Он разработал какой-то дьявольский усилитель биотоков мозга.

— Револьс сознался в этом?

— Пока нет, но уверен, что сознается. Во всяком случае, с судом и приговором не надо медлить. Вы поняли меня?

— Понял, шеф.

Триллинг повернул ручку. Экран медленно погас. Эта картина гаснущего экрана всегда вызывала в памяти Триллинга кинокадры, переданные по телевидению на Землю космической экспедицией Южного Креста. Там показывалось пульсирующее солнце: оно медленно наливалось светом, затем ослепительно вспыхивало изумрудным огнем, после чего угасало — лишь для того, чтобы через несколько минут снова начать все сызнова... «Улететь бы куда-нибудь за Плутон,— мечтательно подумал Триллинг,— подальше от нечистых замыслов и человеческих страстей». Наедине, без свидетелей, Триллинг иногда разрешал себе немного посентиментальничать.

Ему припомнился утренний разговор с Парчеллингом. Гуго выглядел вполне здоровым, но признался по секрету, что временами чувствует приступы непонятной слабости. А кроме того, испытывает постоянный страх перед грозным облаком, поразившим его. Из-за этого страха он боится выйти из дома. Между тем ему настоятельно необходимо быть на бирже: там сейчас решается судьба компании. «Уж ты там последи, пожалуйста, Джон, чтобы все было в порядке», — попросил его Парчеллинг на прощанье. Триллинг заверил его, что побеспокоится обо всем. «Уж я побеспокоюсь, голубчик», — подумал он теперь, скупо улыбнувшись.

* * *

Дом Гуго Парчеллинга сиял, сверху донизу облитый неоновым пламенем иллюминации. Разноцветные стрелы мигали, перекрещивались, гасли и вспыхивали вновь. Парчеллинг давал грандиозный бал в честь своего выздо-

рождения. Колоссальный многоэтажный гараж, построенный в форме винтовой лестницы, был битком набит «бьюиками», «мерседесами» и «ролс-ройсами», а машины все прибывали. Полисмены, улыбаясь, встречали приезжающих и отводили их на боковые улицы, где можно было еще поставить машину.

Неслышно подкатил ярко-алый двухэтажный лимузин. Полисмен подскочил, отворил дверцу, и на асфальт ступил сияющий Джон Триллинг. В левой руке он держал внушительный пакет, перевязанный лентой, в правой — букет оранжерейных мимоз.

Щедро одарив чаевыми швейцара, Триллинг поднялся по парадной лестнице, устланной восточным ковром. Наверху его встретил радостный хозяин.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Гуго,— сказал Триллинг.— Вот, это тебе.— Он торжественно протянул Парчеллингу пакет и мимозы.

Поставив цветы в вазу, Парчеллинг развернул сверток. Это был макет средневекового замка, сплошь усыпанный драгоценными камнями.

— Восхитительно,— сказал Парчеллинг, любуясь подарком.— Но... не слишком ли дорого?

— Пустяки,— скромно сказал Триллинг.— Кстати, вот твой рентгеновский снимок. Я показывал его...

— Самому доктору?

— Да, и он считает, что все страшное для тебя позади.

Стол был великолепным. Впрочем, Гуго Парчеллинг всегда славился умением изобретать самые удивительные блюда. В этом ему помогал повар, привезенный из Африки. За столом было оживленно; говорились спичи, произносились экспромты.

Огромный зал, напоминающий церковный, освещался многочисленными электрическими люстрами. Но теперь свет был выключен, и в зале царил полумрак. Все четыре стены, представляющие собой телевизионные экраны, изображали узкую прибрежную полосу, усажен-

ную пальмами, и дальше — зеленовато-голубое тропическое море. Прозрачные волны лениво лизали блый песок и обнаженные тела купальщиц. Часть из них загорала, другие резвились в воде, оглашая воздух криками. Временами ласковый морской бриз упругой волной прокатывался по залу, шевеля одежду сидящих за столом.

Казалось, что круглый пиршественный стол стоит посреди маленького островка, со всех сторон омываемого океаном. Иллюзия была настолько полной, что некоторые гости опасливо поджимали ноги, когда не в меру расшалившаяся волна подкатывала слишком близко.

Выпито было немало, и некоторые гости уже встали из-за стола, чтобы немного размяться. Оживленный Парчеллинг переходил от одной группы гостей к другой. Все находили, что в этот вечер он выглядел вполне здоровым. Парчеллинг и слышать не хотел о том, чтобы выйти на улицу: после случая на байамском пляже Гуго стал весьма боязлив. Он запретил даже окна раскрывать в своем доме, так что свежий воздух в комнаты доставлялся только кондиционерами.

— Отчего ты скучен, Джон? — обратился Парчеллинг к другу, забравшемуся в укромный уголок за фонтаном.

— Скучен? Нет, — ответил Триллинг, — просто захотелось на открытый воздух. Отчего бы нам, например, не выйти на балкон?

Знаменитый балкон в особняке Парчеллинга, снабженный висячим садом, был известен всей стране.

— На балкон? — замялся Парчеллинг. — Право, не знаю... Сейчас на улице, пожалуй, слишком свежо.

— Вздор, на улице тепло и сухо, — возразил Триллинг.

— Ну, что же, — решил Парчеллинг, — пусть будет по-твоему. — Он подозвал лакея и отдал распоряжение. Через минуту одна стена с морскими волнами и купающимися девицами отодвинулась, и гости с радостными возгласами хлынули в висячий сад.

Веселье достигло апогея. Все от души веселились (или делали вид, что веселятся), и поэтому никто не заметил, откуда появилось оно. Оно — это маленькое белое облачко, лениво плывшее почти под самым потолком. Оно сделало несколько кругов, постепенно снижаясь и как бы высматривая кого-то. Какая-то женщина заметила облачко и пронзительно вскрикнула. В тот же миг облачко увидели все.

В зале воцарилась мертвая тишина, прерываемая лишь игривыми взвизгиваниями девиц, купающихся в море: им, естественно, не было никакого дела до происходящего в зале. С трех телевизионных экранов по-прежнему лилась чарующая музыка, но теперь она лишь подчеркивала всеобщее молчание, наступившее в зале.

В следующее мгновение тишина рухнула, разбившись на тысячу осколков. В зале не было, пожалуй, никого, кто не слышал бы о байамском происшествии, не видел фотоснимков и не читал отчетов. Пораженные ужасом, люди смотрели на пульсирующее белое облачко как за гипнотизированные.

Одни стояли неподвижно, другие пытались спрятаться. Толстяк с розой в петлице, председатель химической корпорации, неожиданно стал на четвереньки и полез под стол.

— Это оно, Джон! Господи помилуй, это опять оно,— прошептал Гуго, хватая Триллинга за рукав. Затем он бросился к выходу, расталкивая гостей. Он уже преодолел почти весь путь, когда облачко наконец заметило свою жертву. Шипя и потрескивая, оно спикировало вниз и рванулось вдогонку за Парчеллингом.

— Спасите! — завопил Парчеллинг, делая огромные прыжки, совсем как заяц, попавший в облаву. Он хватал то одного, то другого за руку, но гости шарахались от него, как от зачумленного.

Но вот облачко, как будто решившись, легко скользнуло вперед и обволокло несчастного Парчеллинга. На мгновение Парчеллинг исчез, утонул в молочной туман-

ности. Затем послышался звук лопнувшей струны, и облака не стало. Парчеллинг лежал на боку, неловко повернув руку. Он был без сознания. Грудь дышала хрипло и с трудом, в ней что-то клокотало.

...И снова сенсация, снова аршинные газетные заголовки: «Повторение байамской трагедии», «Вызов свободному миру», «Пора оградить лучших сынов народа от происков темных сил», «Катиль Револьс должен быть посажен на электрический стул...»

На расследование дела с «облаком Парчеллинга» были брошены лучшие полицейские силы страны. Многие научно-исследовательские институты начали заниматься специальными исследованиями, пытаясь разгадать тайну белого облака. Но тщетно. В одной из лабораторий удалось искусственно получить шаровую молнию, которая гонялась за металлическим роботом и, догнав, испепеляла его. Но это ни на шаг не приблизило к разгадке белого облака. В самом деле, приманкой для искусственной шаровой молнии служили ферромагнитные материалы, в первую очередь сталь. На убегающего робота, сделанного из немагнитных материалов, молния никак не реагировала. А что заставляло белое облако гнаться именно за Парчеллингом? Одет он был так же, как все, и вообще решительно ничем не выделялся среди окружающих. Откуда же такая «любовь» к нему белого облака? Что служило здесь «приманкой»? Ведь не случайность же все это, не пустая игра слепых сил природы! Два раза подряд такие вещи не могут повториться без причины. Уж это-то, во всяком случае, каждому представлялось совершенно ясным.

Между тем Парчеллинг лежал при смерти. Его лечили, делали уколы и переливания крови, но все испытанные средства оказывались малоэффективными. Едва больной приходил в себя, как его охватывал панический страх: он оглядывал все уголки палаты, затем укутывался с головой в одеяло, что-то невнятно бормоча про смертоносное белое облако.

Дело, в общем-то, шло на поправку, но очень медленно. Парчеллинг исхудал. Худощавый и в лучшие времена, он выглядел теперь совершенным скелетом.

Его делами на фондовой бирже ведал теперь Джон Триллинг. Дела Парчеллинга шли далеко не блестяще, акции непрерывно падали; но можно ли в этом винить Триллинга? Ведь у него и своих дел было по горло. Мог ли он поэтому как надо уследить за делами своего друга?

* * *

— Лантар, замри!

И огромный пес-волкодав замирал, стоя на задних лапах. Джон наслаждался, глядя на пса, неподвижного, как статуя. Вдоволь налюбовавшись, он командовал:

— Ко мне! — И пес с радостным лаем кидался на грудь Джону, норовя лизнуть его прямо в губы. Частенько ему это удавалось, и тогда Джон притворно сердился, легонько шлепал пса. Видно было, что оба отлично понимали друг друга.

В этом грузном, обрюзгшем человеке, одетом в яркую шелковую пижаму, трудно было сразу узнать грозного Джона Триллинга. Большой Хозяин от души дурчился и веселился вовсю.

— К вам звезда, босс, — сказал неслышно вошедший дворецкий, фамильярно подмигивая. Будучи любимцем Триллинга, он позволял себе многое, на что, пожалуй, не мог бы осмелиться ни один человек в стране.

— Какая звезда? — не понял Джон.

— Знаменитая кинозвезда Мэрилин Гринги собственной персоной, — разъяснил дворецкий.

— А, Мэрилин! Что ж ты? Зови!

— Но... может быть, подать вам переодеться?

— Ну, вот еще! К чему эти церемонии? Ты ведь знаешь, что мы с Мэри давние друзья.

Оставшись один, Триллинг все-таки надел халат и застегнул его на все пуговицы. Затем он уселся за стол,

приняв серьезный вид. Дверь отворилась, и в комнату стремительно вошла Мэрилин.

— Здравствуйте, Мэри,— сказал Джон, поднимаясь.— Рад вас видеть.

— Я также,— ответила Мэрилин.

Пес сдержанно зарычал, оскалив клыки.

— Лантар, ты не узнаешь меня? — сказала Мэрилин удивленно.

— Ничего странного, сударыня,— улыбнулся Джон.— Вас не было здесь так давно, что пес успел вас позабыть. Да и ваш покорный слуга тоже соскучился по вас.

— Да, я виновата перед вами, Джон.

— О, что вы, я не об этом! — быстро заговорил Трилинг.— Но уж, во всяком случае, я ведь считаюсь покровителем вашей студии, и хотя бы благодаря этому обстоятельству мы могли бы видеться с вами почаще. Садитесь, дорогая, садитесь! Лучше сюда, в кресло. У окна будет удобнее.

Мэрилин села, закинув ногу на ногу.

— Сигарету? — сказал Джон, щелкнув портсигаром.

— Благодарю.— Глубоко затянувшись, Мэрилин закашлялась. Успокоившийся Лантар подошел к Мэрилин и внимательно обнюхал ее ноги.

— Итак, что же вас привело ко мне? — спросил Трилинг.— Уж наверное, не просто желание повидаться,— добавил он с едва скрытой горечью.— Что? Увеличить съемочные фонды? Или ходатайствовать о предоставлении труппе отдельной ракеты для вылета на Марс, на новые съемки? Угадал?

— Нет, Джон, на сей раз не угадали.

— Ну и хорошо. Тогда, может быть, забудем о делах и прокатимся немного? Мне как раз вчера Мокомпания презентовала любопытную машину...

— Нет настроения, Джон. Я ведь пришла к вам с одной вещью,— негромко сказала Мэрилин.

— Ага! Значит, я все-таки оказался прав. Просто

проведать Джона нельзя, обязательно надо к нему приходить «с одной вещью».

— Я пришла относительно Катиля Револьса,— так же негромко сказала Мэрилин.

— Вот как,— насторожился Триллинг.

— Револьс невиновен, он не имеет отношения к этим ужасным происшествиям.

— Но он сам признался.

— Ах, это не имеет никакого значения! Револьс психически болен, и это у него просто мания.

— Не думаю,— сказал Триллинг.— А почему, собственно, судьба Катиля Револьса интересует прекрасную Мэрилин Гринги?

— Лучшего Иоанна Крестителя нам не найти.

— Не беспокойтесь. Лучшие трагики страны будут к вашим услугам. Об этом я сам позабочусь.

— Револьс невиновен,— горячо повторила Мэрилин.

— Правосудие не ошибается.

— Джон, я прошу вас, лично вас: спасите ему жизнь!

— Вы обращаетесь не по адресу,— развел руками Триллинг,— я только частное лицо.

— Это ваше последнее слово?

— В части Револьса — да.

— В таком случае прощайте.— Мэрилин поднялась.— Откровенно говоря, я была о вас лучшего мнения.

После ухода Мэрилин Триллинг несколько минут сидел неподвижно. Подперев ладонями щеки, он думал. Не последнее место в его мыслях занимал Катиль Револьс. То, что Револьс непричастен к обоим покушениям на Парчеллинга, было отлично известно Джону Триллингу. Но в той большой игре, которую затеял Триллинг, инженер Револьс был пешкой, и эта пешка должна была погибнуть. Таковы неумолимые законы игры.

В глазах общественного мнения страны преступником является Револьс. Если есть еще сомневающиеся в этом, их надлежит убедить. И об этом позаботится Боль-

шой Хозяин. К его услугам весь огромный, отлично вымостроенный аппарат, состоящий из газет, радио и телевидения.

Тяжело поднявшись, Триллинг подошел к пульту связи, поблескивавшему в неярких лучах сентябрьского солнца.

На выпуклом экране послушно возникло лицо начальника тайной полиции.

— Вы закончили дело Револьса? — спросил Триллинг тихим голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Поверьте, босс, я сделал все...

— Почему же до сих пор нет обвинительного заключения?

— Но ведь у нас нет пока вещественных доказательств преступления...

— Револьс во всем сознался, его признание запроотолировано, чего ж вам еще?

— Это так, босс. Но, как вам хорошо известно, законодательство требует, чтобы в подобных случаях преступление было доказано документально. А кроме того, медицинская комиссия установила, что в психике Револьса имеются отклонения от нормы. И судить этого человека...

— Медицинскую комиссию я беру на себя, — нетерпеливо перебил Триллинг. — А вы должны разыскать эту чертову машину, с помощью которой этот Револьс усиливал биотоки, или как их там.

— Очень может быть, — осторожно сказал начальник полиции, — что такой машины вообще не существует в природе.

— Так сделайте ее, — вспылил наконец Триллинг. — Неужели мне больше нечего делать, как только учить вас уму-разуму! Вы поняли меня?

— Да, — ответил начальник полиции после короткой паузы.

— Очень рад за вас. Доложите через двадцать четыре часа результаты. Все.

Экран погас.

«Как бы Мэрилин не заварила кашу,— размышлял Триллинг.— От этой взбалмошной женщины всего можно ожидать. То она водится с левыми элементами, то бросает все и едет куда-нибудь на Амазонку, то выкидывает еще какое-нибудь коленце. А вдруг ей взбредет в голову развернуть кампанию в защиту Катиля Револьса? Знакомых газетчиков у нее пруд пруди. Правда, владельцы газет прислушиваются к мнению Джона Триллинга, но ведь за всеми газетами не уследишь!» И одна капля дегтя сможет испортить бочку меда, меда, в предвкушении которого у Триллинга уже теперь текли слюнки.

«Как там мой подопечный?» — подумал Триллинг, поворачивая ручку настройки. Перед ним на экране возникла большая комната с розовыми стенами и белоснежным полом. В комнате было пусто, если не считать узкой никелированной койки да ночного столика, уставленного лекарствами. На койке сидел, понутив голову, худой старик. Он поднял голову, и глаза его заблестели радостью.

— Здравствуй, Джон,— сказал старик,— спасибо, что не забываешь меня.

— Как самочувствие, Гуго? — участливо спросил Триллинг, внимательно вглядываясь в усталое лицо и синие мешки под глазами друга.

— Неважно,— махнул рукой Гуго.— Моторчик начинает портиться,— указал он на сердце.— А главное, я совсем потерял сон. Все боюсь, что во сне меня настигнет это проклятое облако.

— Ну, сам посуди, ты же только изводишь себя понапрасну. Если даже твое облако и существует в природе, то как оно может проникнуть в твою палату? Окна у тебя все время наглухо задраены, а в рамы вставлены бронированные стекла. Даже посетителей ты боишься принимать.

— Умом я все это понимаю, но все-таки ничего не

могу с собой поделаться,— голос Парчеллинга был тускл и безжизнен.— Ты уж, пожалуйста, Джон, последи за биржевыми делами моими...

— Послежу, послежу, не беспокойся. А ты поскорей выздоравливай. До завтра!

— До завтра.

* * *

— Как дела, Револьс?

— Благодарю, сэр.

— Теперь у вас нет оснований жаловаться?

— Нет.

— С вами обращаются вежливо?

— Да.

— Питание, книги?

— Благодарю вас, сэр, мне ни в чем не отказывают.

— Присядьте, Револьс,— пригласил Триллинг.

В продолжение разговора лицо Катиля оставалось безучастным. Казалось, какая-то тайная мысль не давала ему покоя. Триллинг уже привык к мраморной бледности своего узника, к его внезапным переходам от состояния глубокой депрессии к болезненному возбуждению. Сегодня Револьс был явно чем-то угнетен. Он не говорил с Триллингом, как обычно, о новейших проблемах физики и о неоспоримости существования бога.

— Не нужен ли вам врач? — спросил Триллинг.

— Врач? — усмехнулся Револьс.— Меня исследовала на днях целая медицинская комиссия.

— Эта комиссия решает вашу судьбу, Револьс.

— Мою судьбу?

— Да. Все зависит от того, признают ли они вас психически здоровым или больным.

— Но ведь я совершенно здоров!

— Конечно, я не сомневаюсь в этом. Но комиссия пришла к противоположным выводам. И в ваших инте-

ресах взять себя в руки и вести себя на комиссии так, как, по мнению этих идиотов, должен вести себя здоровый человек.

— А кто именно?

— Это я вам подробно расскажу.

— Увы, это ни к чему,— грустно сказал Револьс.— Комиссия-то уже прошла.

— Так и быть, я добьюсь для вас новой комиссии.

— О, спасибо,— громко сказал Револьс, приходя в хорошее настроение.— Я верил и знал, что бог меня не оставит, что он пошлет мне защитника.

— Это долг каждого христианина — помогать друг другу,— заметил Триллинг.

* * *

Толстая решетка и давно не мытые стекла единственного окна делали комнату полутемной. Окно выходило во двор. Чахлый клен, наполовину облетевший, несмело заглядывал в окно. Двор был грязным и никогда не убирался. Там и сям кучи антрацита, битого кирпича, песку. Большой мусорный ящик, наполненный с верхом, довершал общее впечатление.

Во двор вошел мужчина лет тридцати. На нем была вельветовая куртка с закатанными рукавами и спортивные бутсы на толстой каучуковой подошве.

Осторожно оглядевшись, мужчина нырнул в подъезд. Он миновал два марша ветхой деревянной лестницы, пропахшей мышами, и отпер обшарпанную дверь. Войдя, он тщательно заперся изнутри.

— Зябнешь, бедняга? — обратился он к клену, заглядывавшему в окно.— Что делать, жизнь наша собачья.

В комнате пахло промозглой сыростью, и мужчина включил газовую горелку, чтобы немного нагреть воздух.

Наша любовь словно лилия
В заводи тихой реки,—

мурлыкал он под нос, убирая комнату.

На квадратном столе, стоявшем посреди комнаты, беспорядочной горой громоздились различные миниатюрные детали, волноводы, лазеры и транзисторы.

Но человек, видимо, не считал, что на столе царит беспорядок. Пройдя мимо стола, он подошел к стальному шкафу, похожему на банковский сейф. На боковой стенке сейфа имелось несколько приборов. Их круглые циферблаты приковали к себе внимание человека. Он долго вглядывался в показания приборов, пристально следил за капризными движениями легких стрелок.

— Нет, еще не готово,— сказал он сам себе и вытащил сигарету.— Но уж на этот раз промашки не будет, клянусь честью!

Несмотря на относительную молодость, человек был более чем наполовину сед. Глаза его беспокойно бегали, мелкая непрерывная дрожь в руках изобличала хронического алкоголика.

Придвинув стул, выдавший лучшие времена, он освободил себе краешек стола и принялся делать какие-то расчеты. Карандаш быстро скользил, исписывая листок за листком, а человек то улыбался, то хмурился, время от времени тихонько бормоча: «Данные рентгеновского анализа надо ввести на целый час раньше... Гм, мешает коэффициент усиления... Выигрывая в скорости, я проигрываю в мощности... А интеграл-то расходится!»

Быстро стемнело. Серенький день уверенно шел к своей гибели. Человек повернул выключатель, и тусклая, казалось, насквозь пропыленная лампочка осветила лабораторию. Ранние морщины на угрюмом лице человека, подчеркивавшиеся вечерними тенями, стали еще заметнее.

— Что-то опаздывает мой лучший друг,— тихо про-

изнес человек, по странной ассоциации улыбнувшись далеким воспоминаниям. Улыбка неожиданно скрасила его, сделав почти привлекательным. На щеках появились юношеские ямочки, глаза молодо заблестели.

Неожиданно послышался тихий стук в дверь. Улыбка тут же сбегала с лица человека. Он устало подошел к двери и отпер ее. В дверь быстро проскользнула грузная фигура, в темных очках и шляпе, надвинутой на самые глаза.

— Добрый день, Кроули,— сказал вошедший.

— Здравствуйте, Хозяин.

— Я задержался сегодня немного. Как твои успехи?

— Нужны деньги,— сказал Кроули.

— Опять деньги?

— У вас их как будто немало.

— Ты получишь все, что причитается, только после... после реализации.

— Мне деньги нужны сейчас,— угрюмо сказал Кроули.

— Чтобы снова напиться до бесчувствия и потом вальсировать в городской сточной канаве?

— А хотя бы и так,— вызывающе ответил Кроули.

— А знаешь ли ты, чего мне стоило вытащить тебя из полицейского управления? Я ведь и не подозревал даже, что ты находишься за решеткой и должен быть судим за нарушение правил поведения в общественном месте.

— Может быть, было бы лучше, если бы вы оставили меня там,— тихо сказал Кроули.

— Что, что? Ты эти разговоры оставь, уж это, во всяком случае, будет лучше для тебя. У нас есть контракт. И учти: неустойка может тебе дорого обойтись.

— Я пошутил, Хозяин,— произнес Кроули.— Но мы договорились с вами, что эта попытка будет последней?

— Мое слово — закон,— сказал хозяин, снимая пыльник и шляпу.

— Мне как раз перед вашим приходом припомнилось

детство,— сказал Кроули.— Весна на ферме... апрельское солнце... и отец, готовящий машины к пахоте.

— Ну, что ж. Закончишь нашу работу, получишь деньги, и ты — вольная птица. Сможешь купить себе, если захочешь, хоть три фермы, хоть целый десяток. Ты уже закончил отладку?

— Нужна еще примерно неделя.

— Неделя?.. Это слишком много. Уложишься хотя бы в три дня. Сможешь, а?

— Это очень трудно. Придется круглосуточно дежурить здесь. Не возьмешь ведь помощника...

— Послушай, я удвою твой гонорар. Ты только уложишься в три дня. Хорошо?

— Ладно, постараюсь.

— Вот и отлично. Да и тебе самому интересно поскорее разделаться с этим.

— Вы принесли? — спросил Кроули.

— Конечно, я для этого и пришел. Вот последний рентгеновский снимок... Анализ крови... Электроэнцефалограмма... Кажется, это все, что тебе требуется?

Не отвечая, Кроули внимательно рассматривал анализы.

— Большие изменения в коре головного мозга,— сказал он после долгой паузы.— Видите? Вот эти пики на графике стали более высокими и острыми. Значительно усилилась аритмия общей деятельности, этих провалов в прошлый раз еще не было.

— Так что, пожалуй, без новых данных адресата и не разыскать было бы?

— Конечно, не разыскать. Ведь машина не то, что человек. Она угадывать не может.

— Так смотри, Кроули, ровно через три дня я буду у тебя. Чтобы все было готово к запуску. А если... В общем, думаю, ты сам понимаешь.

«Сам понимаешь,— горько усмехнулся Кроули, оставшись один.— А что, собственно, я понимаю? Что надо как можно скорей избавиться от этой мерзости. Может быть,

пойти в редакцию газеты и все рассказать? Нет, поздно. Газеты наверняка подкуплены. Хозяин не простит мне этого, он выдаст меня правосудию, и тогда наверняка — электрический стул».

— А, будь все проклято,— вслух произнес Кроули, подходя к установке.— В конце концов, разве мало людей гибнет от всевозможных катастроф? Много ли стоит в сравнении с этим одна-единственная человеческая жизнь?

Кроули включил установку и погрузился в работу.

* * *

Знаменитой кинозвезде Мэрилин Гринги выпало на долю тяжелое детство. Ее отец, известный ракетоиспытатель Митчел Фитцджеральд Гринги, погиб, когда ей было всего четыре года. Погиб не в полете, испытывая новую машину, а от глупой случайности: при включении стартового двигателя взорвался аварийный баллон с горючим. Впрочем, поговаривали, что это была не совсем случайность, так как Митчел отличался прямоотой взглядов и мог высказать правду в глаза самому президенту компании. Правда, такие разговоры были быстро заматы, и трудно было установить, насколько они соответствуют истине.

Как бы то ни было, на месте взрыва ракеты образовалась огромная пологая впадина, а похороны Митчела Гринги носили чисто символический характер. Впереди довольно многочисленной процессии медленно ехал «форд» с откинутым бортом. В кузове среди цветов стоял цинковый гроб с запаянной крышкой. Но в гробу, собственно говоря, не было ничего от Митчела Гринги, если не считать нескольких горстей мертвой земли, сожженной страшным огнем.

После смерти Митчела Гринги компания назначила его семье смехотворно малую пенсию. Мать Мэрилин, работавшая биологом на хлорелловой плантации, где про-

изводилась пища для космонавтов, несколько раз пыталась попасть на прием к директору компании. Но каждый раз из этого ничего не получалось. То директора срочно вызывали по какому-нибудь делу, то неожиданно созывалось важное совещание, то появлялась еще какая-нибудь причина, и прием срывался. В конце концов мать Мэрилин прекратила безуспешные попытки.

Оставался еще один способ — письма. И Линда Гринги писала, писала без конца. Из канцелярии директора компании она неизменно получала ответы — безукоризненно вежливые, обнадеживающие, отпечатанные на отличной бумаге с водяными знаками компании. В письмах говорилось, что вопрос о пенсии будет пересмотрен в ближайшее время, правда, никаких конкретных дат не указывалось. Мэри уже бегала в школу, затем бросила ее и пошла работать ученицей на хлорелловую плантацию, чтобы помогать матери, а вопрос о пенсии все еще находился «в стадии рассмотрения».

Приходилось туго. Хорошо еще, что администрация разрешала служащим есть «брикеты для космонавтов» в неограниченном количестве. Часто эти брикеты составляли весь обед Линды и Мэрилин. Жаль только, что брикеты не разрешалось выносить с территории плантации.

Долго и извилист был путь Мэрилин от хлорелловой плантации к почетному титулу первой звезды экрана. Были, конечно, на этом пути и счастливые случайности и просто удачи, но главным явилось железное упорство и настойчивость Мэрилин, соединенные с незаурядным природным талантом актрисы.

Обладая добрым сердцем, она все время старалась помогать своим коллегам-актерам, менее удачливым, чем она. За это Мэрилин пользовалась неизменным уважением и любовью в мире искусства, чего нельзя сказать о других кинозвездах, заносчивых, капризных и неприступных.

Давним другом Мэрилин был Мардон Вуд, журналист из «Ньюс кроникл», весьма влиятельной газеты. Вуд

не пользовался особой любовью начальства, так как считался «левым». Но тем не менее главный редактор держал его, так как Вуд был весьма способным и добросовестным журналистом.

К нему-то и решила обратиться Мэрилин.

Маленькое вечернее кафе было полупусто. Мэрилин и Мардон выбрали столик в углу, возле эстрады. Ежевечернее представление еще не начиналось, и эстрада была пуста.

За сосисками с горохом и бутылкой неплохого шабли Мэрилин успела рассказать Мардону существо дела.

— Нужно попытаться спасти этого человека,— заключила Мэрилин.

— Сколько лет Катилю Револьсу? — неожиданно спросил Мардон.

— Он совсем молод. Кажется, ему и тридцать еще не скоро будет, если вообще будет когда-нибудь.

— Бедняга.

— Понимаешь, Марди, то, что он невиновен, для меня не подлежит никакому сомнению.

— Для меня теперь тоже.

— Во всей этой истории есть какая-то непостижимая тайна,— сказала Мэрилин, пододвигая пустые тарелки официанту, убравшему со стола.— Ясно, что покушение на Парчеллинга не случайность, а заранее обдуманное преступление. За всем этим кто-то скрывается. Кто именно? Ну, это уже дело полицейских и всяких сыщиков. Но при чем здесь Катиль Револьс? Кому нужно, чтобы погиб ни в чем не повинный человек?

— Погоди-ка,— сказал Вуд, отодвигая в сторону фужер с недопитым вином,— кажется, я начинаю понимать, где тут собака зарыта. Ты говоришь, Триллинг настаивает на смертной казни?

— Категорически.

— А между тем не будь его злая воля, жизнь Револьса была бы спасена.

— Для этого Джону стоило бы только пальцем пошевелить,— сказала Мэрилин.

— Как же ты не поняла до сих пор! — воскликнул Вуд.— Триллинг просто ревнует тебя.

— Ревнует?

— Ну да! Ведь Катиль Револьс был в твоей группе, участвовал с тобой в съемках. А кроме того, ты так горячо ходатайствовала за него перед Триллингом. Для подозрительности Большого Хозяина этого, по-моему, более чем достаточно!

— Если это так, то какой же он негодяй!

— Негодяй, не спору.

— Что же теперь делать? — с тоской сказала Мэрилин.— Вряд ли Триллинг отступит от того, что задумал.

— Будем бороться,— заявил Вуд, глядя на сцену, где шеренга девиц под оглушительные звуки барабана извивалась в стриптизе, подчиняясь ритму.— Триллинг могуществен, не спору, но не всемогущ же он, в конце концов?! Ведь что-то же осталось от наших демократических свобод?!

— Только тише, пожалуйста,— сказала Мэрилин,— на нас и так уже оглядываются.

— Я попробую что-нибудь сделать в своей газете,— перешел на шепот Вуд, украдкой оглянувшись.— К счастью, через четыре дня мой шеф отбывает в длительную командировку, а заместитель глуп, как сорок тысяч пней. Попробуем что-нибудь пробить! Представляешь, какая это будет пощечина Триллингу?

Рассчитавшись с официантом, Мэрилин и Мардон вышли из кафе. Их встретила сырая звездная ночь, напоенная запахами осени.

— Я провожу тебя, Мэри? — полувопросительно сказал Вуд.

— Нет, Марди, не надо. Мне хочется побыть одной. А вот, кстати, и такси.

Мэрилин свистнула, и такси остановилось.

— Звони мне почаще,— сказала Мэрилин, отворяя дверцу.— Я хочу быть в курсе. Прощай, Марди!

Дверца захлопнулась, и машина умчалась, прошуршав опавшими листьями.

Вуд вынул сигарету. Неожиданно из тени, отбрасываемой стеной дома, вынырнула невысокая широкоплечая фигура.

— Простите,— сказала фигура,— я хотел выяснить, о чем вы говорили в кафе, произнося слова «демократические свободы»? И почему при этом упоминалось имя Джона Триллинга?

— Вам-то что до этого? — подозрительно сказал Вуд.

— И все-таки я попросил бы вас ответить.

— А с кем, собственно, имею честь?..

Вместо ответа незнакомец отвернул лацкан пиджака. В тусклом свете электрического фонаря блеснул значок тайной полиции.

— Этого, надеюсь, вам достаточно? — осведомился незнакомец, делая шаг к Вуду.

Мысль Мардона лихорадочно работала. «Может арестовать,— соображал он.— Серьезных улик никаких, но недели две продержат. И тогда сорвется вся защита Катиля Револьса. Трилинг убьет его. Надо бежать. Только бежать!» Приняв такое решение, Мардон внутренне подобрался.

— Вы арестованы,— властным голосом сказал неизвестный,— выньте руки из карманов!

Он вынул свисток, но не успел поднести его ко рту: Вуд сильным ударом в подбородок сбил шпика с ног и бросился бежать. Вот когда пригодились занятия боксом в клубе журналистов! Сзади раздались пронзительные свистки и крики. Топот чьих-то кованых сапог гулко отдавался в ночной тишине улицы. Казалось, улица тянется бесконечно. Бесконечно тянулись парадные домов и ворота дворов, наглухо запертые в соответствии с распоряжением мэра. Спрятаться было некуда. Мардон по-

чувствовал, что устает. Но попадаться полицейским ему теперь ни в коем случае нельзя было. Если вначале дело пахло в худшем случае двумя неделями ареста, но теперь, после того как Вуд сбил с ног полицейского и спаслся бегством, ему грозили куда большие неприятности.

Показалась высокая чугунная решетка, оплетенная колючей проволокой. Раздумывать было некогда. Каким-то чудом Вуд перемахнул решетку, разорвав одежду и в кровь изранив лицо.

«Почему они не стреляют? — билась в голове единственная мысль. — Неужели боятся нарушить тишину?»

Как бы отвечая на его мысль, хлопнул выстрел, затем еще один. Полицейские, прислонившись вплотную к решетке, стреляли наугад: к счастью для Вуда, было новолуние. Лезть через колючую проволоку полицейские не решились.

Пока продолжались поиски сонного дворника, отворившего ворота, прошло несколько драгоценных минут. Вуд слышал торопливые голоса своих преследователей и скрип ворот в заржавленных петлях.

Куда спрятаться? В какое-нибудь парадное? Но тогда его неминуемо разыщут — это лишь вопрос времени. Постучаться к кому-нибудь? Но для этого тоже нужно время, а времени нет!

Мардон бежал по огромному захламленному двору, натываясь на кучи угля и просто грязи. Все окна были темны, кроме одного, которое также погасло при звуках выстрелов.

Вуд с разбега налетел на какое-то деревянное сооружение, больно ударившись. Мусорный ящик! Хорошо еще, что полный. Лихорадочно разгребая руками отбросы, Мардон забрался внутрь. И как раз вовремя: голоса полицейских слышались уже во дворе.

— Оцепить двор, — послышалась команда. — Поставить караул у ворот и решетки. Преступник здесь, и он никуда не уйдет. Приступайте к обыску!

— Может быть, сначала обыщем двор? — предложил один голос.

— Вряд ли он настолько глуп, чтобы остаться здесь. Впрочем, пошарь немного фонариком.

Мардон сидел в ящике съевшись, стараясь дышать как можно тише. Дело принимало серьезный оборот. Пока оставалось одно: выжидать.

Наконец голоса полицейских стихли. «Вероятно, разошлись по квартирам с обыском», — догадался Вуд. Но он не знал, остался ли во дворе кто-нибудь из полицейских, и поэтому не решался высунуть голову.

Так прошло несколько томительно долгих минут. Мардон задыхался от смрада разлагающихся отбросов. Голову неотступно сверлила мысль: когда полицейские обыщут квартиры и убедятся, что там никого нет, они станут прошупывать двор, и тогда все.

— Ну, где ты там запрятался, — слышался вдруг хриплый шепот. — Вылезай!

«Провокатор! — мелькнуло у Мардона. — Но к чему это им? Не проще ли было взять меня голыми руками?»

— Поживее, — снова раздался шепот, — у нас слишком мало времени на церемонии! Да не бойся, шпиков пока нет!

Решившись, Мардон единым духом выскочил из ящика. Он очутился перед человеком, который дружелюбно похлопал его по плечу.

— Ты выбрал не слишком удобную постель, приятель, — сказал человек, приблизив лицо к Вуду. Мардон почувствовал густой винный перегар.

— Куда мне? — спросил он, схватив своего доброжелателя за холодную руку.

— За мной — и бегом! — ответил человек.

Они вбежали в подъезд и спустились в подвал по каменным ступеням. Здесь было сыро. Под ногами хлюпала вода. С потолка капало. Вуд наткался в кромешной тьме на какие-то острые углы. Тяжелая капля упала Вуду на губу, и он облизнул ее. Капля пахла нефтью.

Незнакомец ориентировался в темноте довольно хорошо. Он шел впереди, таща Мардона за руку.

А что, парень, видно, ты досадил этим бобби, коли они так рьяно гоняются за тобой? — нарушил молчание незнакомец.

— Не представляю, чего им от меня надо, — ответил Мардон, тяжело дыша.

— И полез в мусорный ящик просто ради собственного удовольствия, так ведь? — добавил незнакомец. — Что ж. Можешь ничего не говорить мне. Ты прав, мало ли кем может оказаться незнакомый?

Воздух в коридоре, по которому они шли, стал как будто свежее. Идти стало легче.

— Ну, вот мы и пришли, — сказал неизвестный, останавливаясь. — Через эту дверь ты выйдешь на другую улицу. Благодарить не надо, — сказал он, заметив движение Мардона. — Я рад, что помог тебе: ты почему-то кажешься мне неплохим парнем.

Незнакомец крепко пожал руку Вуда. Снова Вуд почувствовал густой запах виски.

— И знай еще, — впервые за все время улыбнулся незнакомец, — что сегодня ночью тебе помог бежать от шпиков Ричард Вилмор Кроули, великий физик и великий... негодяй!.. Прощай.

* * *

Гуго Парчеллинг развернул утренний номер газеты. Руки его дрожали, и голова немного тряслась. Международные новости... Хроника космоса... Это все можно пропустить. Дальше... Культурная жизнь... Съёмки нового фильма с участием Мэрилин Гринги. Странно, Триллинг хорошо знаком с ней, а он Гуго, нет. Джон обещал их познакомить, да все как-то было недосуг то ему, то Джону. «Вот выйду из лечебницы и познакомлюсь с ней», — подумал Парчеллинг, разглядывая цветное фото знамени-

той кинозвезды. Дальше, дальше... Вот! Биржевые новости. Глаза Парчеллинга жадно впились в газету.

Неутешительные новости! Курс акций Парчеллинга непрерывно падает. «На фондовой бирже паника!» — кричали заголовки. «Десять тысяч рантье разорились за один вчерашний день».

«Похоже, что против меня действует какой-то скрытый и могущественный враг, — тревожно думал Парчеллинг. — Все изменения на бирже как будто диктуются единой волей. Хорошо еще, что меня поддерживает Джон».

Парчеллинг просмотрел еще несколько тревожных сообщений. Затем встал и в волнении, пошатываясь, прошелся по комнате.

«Я должен дать решительный бой на бирже, — решил он. — Все или ничего! Надо будет сообщить об этом Джону, когда он зайдет ко мне».

* * *

Кроули вошел в свою лабораторию и без сил опустился на стул. Светящаяся стрелка часов показывала начало третьего. Безумно хотелось спать, но уснуть нельзя было ни на минуту. Заключительный процесс синтеза, который шел в аппарате, требовал непрерывного наблюдения и регулировки. Единственное, что мог себе позволить Кроули, — это время от времени выходить во двор, чтобы подышать свежим воздухом. Это тем более было необходимо, что голова после вчерашней грандиозной попойки раскалывалась. Может быть, и не следовало пить накануне решающего этапа работы, но тут уж Кроули ничего не мог поделать. Он чувствовал, что если не напьется до чертиков, то в трезвом виде сможет совершить любое безумие: либо разбить установку вдребезги, либо перерезать горло Хозяину, — да мало ли что может прийти в голову трезвому человеку!

Глубоким вечером, выйдя проветриться, Кроули услышал со стороны улицы шум погони, крики, а затем один за другим два выстрела. Он видел, как через чугунную ограду, окутанную колючей проволокой, переметнулась какая-то темная фигура и заметалась в поисках укрытия.

Было очень темно, но Кроули, обладая поистине кошачьим зрением, все-таки заметил, что беглец запрятался в мусорный ящик.

Помочь ему спастись или нет? Такого вопроса для Кроули не возникало. Пока полицейские суетились во дворе, обсуждая план дальнейших действий, Кроули стоял, притаившись в подъезде. За эти несколько минут он припомнил, как ему так же приходилось прятаться от полицейских после одной студенческой демонстрации. Он был тогда знаменосцем группы своего колледжа. Демонстрацию разогнали, и все разбежались, кто куда. Кроули постучался в чью-то квартиру и, когда дверь приоткрылась, вскочил туда. Перед ним стояла перепуганная до полусмерти молодая женщина.

— Спрячьте меня,— попросил Кроули,— за мной гонятся.

— Вы красный? — догадалась женщина, увидев знамя.— У меня брат тоже красный,— сообщила она торопливым шепотом.— Идемте!

В тот раз Кроули спасся от полицейских ищеек.

Уже на студенческой скамье Кроули проявил задатки большого ученого, и профессора прочили ему блестящее будущее. Он опубликовал несколько работ по кибернетике и по саморегулирующимся системам. Эти работы привлекли внимание ученого мира.

После окончания колледжа ему предложила работу одна из могущественных фирм. Кроули охотно согласился. Условия действительно были шикарными. Кроули пользовался неограниченным кредитом для приобретения нужной аппаратуры и мог распоряжаться собственным временем по своему усмотрению.

— Вы можете делать, что хотите,— сказал ему шеф, или, как все его звали, Большой Хозяин, в первый же день.— Можете отправляться на регби, на футбол, хоть на голове ходить—это меня не касается. Мне надо только, чтобы задание, которое я вам даю, выполнялось в срок.

Первая стычка с Хозяином произошла на четвертый месяц работы Кроули.

Хозяин потребовал от Кроули разработать блок управления автоматической линией. Это привело бы к тому, что еще несколько десятков рабочих из числа немногих, еще не вытесненных кибернетическими чудовищами, оказались без работы.

Кроули отказался.

«Не делайте опрометчивых поступков, милейший Ричард,— сказал тогда Хозяин, недобро улыбаясь.— Я пока прошу вас, но могу ведь и заставить!» — «Заставить?» — переспросил Кроули. «Конечно. Вот, полюбуйте-ся-ка!» — сказал он, протягивая Кроули фотографию. Кроули вздрогнул: он увидел себя, идущего во главе демонстрации со знаменем в руках. «Можете взять на память,— сказал Хозяин, заметив движение Кроули.— У меня имеется неограниченное количество этих прелестных фотографий. Так что имейте в виду: вам нет смысла портить отношения с полицией. Двенадцать лет каторги не такая уж приятная перспектива, не правда ли?»

Так началось падение Кроули. Он делал все, что требовал Хозяин. И утешение все чаще стал находить в двойном шотландском виски. В чем-чем, а в деньгах он не нуждался.

Но последнее требование Хозяина... Нет, об этом лучше не думать.

Все это быстро пронеслось в мозгу у Кроули. Заметив, что полицейских во дворе не осталось, он осторожно подошел к месту, где спрятался преследуемый.

И вот теперь, благополучно проводив его, Кроули си-

дел в своей потайной лаборатории. Он выпил еще виски и принял допинг от сна.

Требовательно загудел фиксатор. Надо идти. С трудом поднявшись, Ричард подошел к установке, похожей на несгораемый шкаф. Стрелка одного из приборов перешла за красную черту.

— Ну, что тебе, убийца, — пробормотал Кроули. — А, ты уже усвоил анализ крови? И просишь рентгеновский снимок? Молодец, завидный у тебя аппетит.

Кроули осторожно просунул рентгеновский снимок в узкую щель вводного устройства. Ему показалось, что это пасть какого-то ненасытного чудовища. Ему почудилось даже, что машина нетерпеливо выдернула снимок у него из рук, но это уж, конечно, было самовнушение.

Незаметно подкрался рассвет. Бледный день занимался за окном. Под окном надрывно кричала какая-то птица.

«Скоро придет Хозяин, — подумал Кроули. — Сегодня истекает третий день».

* * *

Первой мыслью Вуда было прислушаться, нет ли погони. Но ночная улица была пустынна. Ветер грубо заигрывал с опавшими листьями.

Вуд вдруг почувствовал, что продрог. Он поднял воротник плаща и задумался: куда идти? Домой, в неудобную холостяцкую квартиру? Но там наверняка придется отвечать на вопросы привратника, если не того типа с бегающими глазами, который почти всегда дежурит в вестибюле. А шеф? О, высококонравственный шеф, конечно, завтра же будет уведомлен о том, что сотрудник газеты Мардон Вуд вернулся в четыре часа утра, да еще весь вывалянный в мусоре!

Разумеется, по такой улике немедленно могут возникнуть всякие подозрения. Необходимо было где-то помыться и переодеться. Но где? Мардон перебирал в па-

мнати многочисленных знакомых. Многие из них милые люди, но станут задавать лишние вопросы. На кого же можно положиться?

Вдруг Вуд хлопнул себя по лбу. Арчи! Как он мог забыть? Это настоящий друг.

Через полчаса Вуд был уже на станции пригородного движения. Ближайшая электричка отправлялась через пятьдесят минут (ночью движение не было таким интенсивным, как днем).

Вуд взял билет и смешался с сезонными рабочими, дремавшими на лавках. Он старался не попадаться на глаза полицейскому, который дремал возле буфетной стойки.

— Несет от тебя, парень,— проворчал какой-то старик, когда Вуд опустился рядом с ним.

— Оставь его, Микки,— сказал другой, по виду ровесник Мардона.— Видно, перебрал человек.

Миновав глухую сельскую улочку, спавшую беспробудным сном, Мардон остановился перед небольшим, в три окна, покосившимся домом. На дверях под электрической лампочкой блестела медная дощечка: «Арчибальд Мельмер, юрист-ходатай по делам фермеров». Дверь долго не отворялась. Мардон и стучал, и звонил, и дергал ручку. Наконец на пороге появился заспанный Арчибальд.

— Марди? — удивился он.— Каким это ветром занесло тебя сюда ночью, дружище? Да ты проходи, проходи.

— Спасибо,— сказал Вуд, входя в темную прихожую.

— Мэри с сынишкой в отъезде, так что я один,— продолжал Арчибальд.— Прходи, не стесняйся.

Арчибальд включил свет.

— Однако,— протянул он удивленно,— где это ты так ухитрился?.. Держу пари, что от тебя несет отнюдь не пармской фиалкой и не духами «Мечта».

— Ты прав, как всегда. У тебя найдется переодеться?

— Конечно! Мы ведь с тобой почти одного роста.

Арчибальд принес костюм и нижнее белье. Наскоро

приняв ванну и переодевшись, Мардон изложил Арчибальду свои мытарства.

— Ты должен что-нибудь сообразить,— заключил Мардон.

— Что же ты думал раньше? — сказал Арчибальд.— Столько времени потеряно зря! Мы смогли бы организовать с помощью нашей газеты кампанию в защиту Ка-тиля Револьса. Эх, ты!

Подавленный, Вуд молчал.

— Но еще не все потеряно,— сказал Арчибальд,— хлопнув Мардона по плечу.— Сейчас иди-ка ты, братец, спать, на тебе лица нет. А завтра утром садимся на мотороллер и едем в нашу редакцию. Там все расскажешь, и... будем действовать!

— Но у тебя же дела? — спросил Мардон.— Как ты все бросишь и пойдешь?

— Для меня нет сейчас дела важнее твоего,— твердо ответил Арчибальд.

* * *

Кроули ждал этого стука и поэтому сразу отворил дверь. Перед ним в серых лучах рассвета выросла фигура Хозяина.

— Хэлло, Ричи,— бросил он.— Готово наше облако?

— Вы слишком рано пришли,— ответил Кроули,— мне нужно доделать кое-какие детали.

— Ничего, я подожду,— сказал Хозяин, садясь за стол, заваленный радиодетальями. Глаза его внимательно следили за Ричардом. Тот четко и споро делал свое дело. Минут за двадцать до прихода Хозяина он принял ледяной душ, и теперь от сонливости не осталось и следа.

— Ты знаешь, Ричи,— озабоченно сказал Хозяин,— ведь он все время сидит взаперти. Даже форточку не разрешает открыть.

— Ну и что же?

— Как же к нему проникнет облако?

— Вот вы о чем,— сказал Кроули.— На этот счет можете не беспокоиться: облако обладает «туннельным эффектом»; оно может просочиться даже в замочную скважину, чтобы отыскать своего адресата...

— Так, значит, тогда... во второй раз... в доме Парчеллинга... Не надо было открывать двери на балкон?

— Совершенно излишняя роскошь. Облако разыскало бы Парчеллинга, как хорошая собака-ищейка отыскивает по следу дичь.

— Скажи мне все-таки, Ричард, в чем суть этой дьявольской штуки, этого облака?

— Долго объяснять.

— Ну, хотя бы в двух словах,— настаивал Хозяин.

— Принцип преследующей системы не нов,— сказал Кроули.— Но мне удалось применить в этой системе особо чувствительные элементы и микрогабаритные волноводы со световой длиной волны.

— А что это за волноводы?

— Собственно, в них вся соль,— заметил Кроули, поворачивая на пульте какой-то рычажок, отчего все стрелки на шкалах заплясали.— В качестве основной детали — волновода — я взял... Как бы это попроще объяснить... Ну, словом, обыкновенные вихри.

— Вихри? — удивился Хозяин.

— Ну да. Суть в том, что обыкновенные атмосферные завихрения живут слишком непродолжительное время. Мне же удалось найти способ придать им долговечность. А ничтожный вес, равный весу воздуха, и почти полная прозрачность — все это сохраняется. Правда, система имеет еще некоторые конструктивные недостатки. Например, она шипит и потрескивает во время движения. Это связано с весьма быстрым вращением каждого в своем направлении, так, чтобы они как бы взаимно гасили друг друга. Для этого требуются довольно сложные расчеты,— добавил Кроули, помолчав.

— Но есть еще один недостаток, пожалуй, самый главный,— заметил Хозяин.

— Вы имеете в виду малую интенсивность взрыва облака, когда оно встречается с объектом преследования?

— Разумеется.

— От этого дефекта также легко избавиться. Для этого нужно только провести определенное число экспериментальных взрывов облака, чтобы найти наилучшие пропорции для компонент, входящих в его состав. И тогда оно сможет поднять на воздух целое здание, а то и город.

В жизни Джона Триллинга бывало много побед, случались и поражения. Собственно, каждый день его был либо небольшой победой, либо поражением, если курс акций падал. Но случались среди этих побед ослепительные, возносившие Триллинга на недостижимую высоту. Так было, например, пятнадцать лет назад, когда он все свое, тогда еще сравнительно небольшое состояние, смело вложил в акции одной фирмы, дела которой пошатнулись. Через некоторое время завод конкурирующей фирмы взлетел на воздух. Обстоятельства дела так и остались невыясненными.

С этого момента дела Джона Триллинга круто пошли в гору. Он получил чуть ли не двести процентов прибыли и круто развернулся. Капитал его, а с ним и мощь Триллинга росли неудержимо, как снежная лавина.

Правда, встречались в деятельности Триллинга и неприятности. Каждый шаг приходилось делать, отбиваясь от целой тучи конкурентов. Но зато с каждым таким шагом Джон все ближе приближался к заветной цели.

В конце концов у него остался только один конкурент, самый сильный и самый страшный — Гуго Парчеллинг. Как это ни странно, но Гуго и не подозревал, что

имеет в лице Триллинга опасного и злобного врага. «Просто выжил старик из ума»,— объяснял это по-своему Джон Триллинг.

Он собирался одним ударом свалить компанию Парчеллинга. И тогда у него не осталось бы конкурентов. Тогда... Да, тогда открывались такие перспективы, от которых дух захватывало! Но на этом пути стоял Парчеллинг. Если его устранить в критический момент — компания будет сломлена. Но как? Организовать автомобильную катастрофу? Или покушение? Не годится: у Парчеллинга довольно внушительная личная охрана. А кроме того, эта история может когда-нибудь всплыть.

Тогда-то и возникла у Триллинга идея кибернетического облака. В такую тайну будет посвящен только один человек. А ему после завершения дела не так уж трудно будет зажать рот. По этой части у Джона Триллинга имелся достаточный опыт. Наступал великий момент в жизни Джона: в этот день решалось все.

— Рентгеновская информация усвоена, Хозяин,— негромко сказал Кроули.

— А? Да, да,— Триллинг потер лоб.— И много твоей машине осталось еще усваивать?

— Анализ крови и все прочее были введены раньше, это завершающие данные.

— Значит, все готово?

— Все.

Триллинг взволнованно встал из-за стола и подошел к Ричарду. Тот отер лоб рукавом.

— Так ты говоришь, облачко разыщет его? — Триллинг явно избегал произносить имя своего «приятеля» Гуго Парчеллинга.

— Можете быть уверены, Гуго нигде от него не спрячется,— бросил Кроули.

— Ну а это... как?

— Что? — Кроули сделал вид, что не понимает.

— Я имею в виду, какова сила вспышки?

— Примерно в шестнадцать раз выше предыдущей.

— Неплохо,— пробормотал Триллинг, отводя глаза в сторону. Он не любил, когда ему смотрели прямо в лицо.

Кроули, освободив место на столе, расстелил карту города.

— Так где же тут ваш дружок? — указав на карту, посмотрел он на Триллинга.

— Попридержи язык.— Джон Триллинг вынул карандаш с алмазным колпачком и внимательно вгляделся в карту. Его взгляд скользнул мимо рабочих кварталов, мимо космодрома, к которому вела густая паутина дорог, мимо фабричного района. Он пристально разглядывал Овальное плато — самую фешенебельную часть города.

Кроули стоял рядом, заложив руки за спину.

— Вот,— сказал наконец Триллинг и поставил на маленьком белом квадратике госпиталя жирный крест.

— Ясно,— сказал Кроули,— сейчас установим азимут.— Он взял с алюминиевого стеллажа навигационный компас и шкалу и принялся за измерения.— Курс — тридцать два градуса одиннадцать минут двадцать восемь секунд. Чем точнее мы определим координаты госпиталя, тем меньше придется блуждать облаку в поисках... в поисках объекта,— пояснил Ричард.

Триллинг внимательно смотрел на проворные пальцы Кроули, летающие по клавишам настройки. Узкая гибкая трубка, выходящая из установки, была уже направлена в точном соответствии с измерениями: она была нацелена на госпиталь Овального плато.

Лицо Триллинга, мясистое, с выдающимся подбородком, было мрачно. О чем он думал? Трудно сказать. Может быть, он вспоминал многие часы, проведенные с Гуго — в Клубе боссов, на гоночной яхте, наконец, в домашней обстановке. Или, может быть, ему припомнился его последний разговор с Гуго, состоявшийся часа полтора назад. Гуго, иссохший как щепка (он с трудом под-

нимался с больничной койки), сказал ему, жалко улыбаясь:

— Ты у меня единственный друг, Джон. Не знаю почему, но я верю тебе. Ты не обманешь меня, я знаю. Скажи, как ты смотришь на то, чтобы я сейчас сыграл вабанк? Я жду твоего совета.

Джон понял тогда, что эта мысль — сыграть вабанк — прочно засела у Парчеллинга. И тогда его решение — ликвидировать Гуго — созрело окончательно.

— Что ж, — улыбаясь, ответил Парчеллингу Джон, — пожалуй, ты прав. Но подожди до завтра.

— Зачем?

— Я уточню для тебя некоторые цифры на бирже, чтобы ты не шел вслепую.

— Как мне благодарить тебя?

— Потом, потом, — отмахнулся Джон.

А может быть, Триллинг думал о том триумфе, который его ожидает на бирже в ближайшие дни? Во всяком случае, его лицо выражало все, что угодно, только не раскаяние.

— Кстати, Арчи, один технический вопрос.

— Слушаю, Хозяин, — процедил сквозь зубы Кроули, продолжая заниматься своим делом.

— Я ведь в технике профан, — сказал Триллинг, усмехнувшись. — Отчего облако взрывается? Ведь ты не начинаешь его взрывчаткой?

— Почему вы решили, что не начинаю?

— Ну, хотя бы потому, что облако прозрачно.

— Существует и прозрачной взрывчатки сколько угодно. Но вы правы: я действительно не начинаю ею облако. Оно взрывается оттого, что бешено вращающиеся вихри, образующие его элементы, при встрече с объектом, на который они настроены, мгновенно прекращают вращение. При этом происходит взрыв. И никаких следов не остается: облако исчезает, как будто его и не было в природе.

Кроули до отказа повернул какой-то рычаг. Внутри

установки послышался звук, похожий на глубокий вздох, и тотчас же пол лаборатории и все предметы завибрировали.

— Птичка расправила крылышки и просится в полет,— негромко сказал Кроули.

— Не будем ее томить. Выпускай! — распорядился Триллинг. Из трубки со свистом вырвалась тонкая струя, похожая на пар и в то же время напоминающая студенистую массу. Масса эта не растекалась по комнате, а собиралась в облако, которое росло на глазах. Наконец весь «пар» из трубки вытек.

Грозное облако висело теперь неподвижно в полуметре от пола, шипя и потрескивая. Кроули нажал на установке кнопку стартера, и облако, дрогнув, медленно двинулось к двери. За несколько секунд оно просочилось сквозь щели и замочную скважину и исчезло.

* * *

— Скажи, Арчи,— произнес Мардон, заканчивая утреннее бритье,— тебе не знакомо такое имя: Ричард Вилмор Кроули?

— Ричард Кроули? — быстро переспросил Арчибальд.— Где ты слышал это имя?

— Да так звали моего спасителя. Ну, того, кто вывел меня через подвал на другую улицу.

— Кроули,— сказал Арчибальд.— Не может быть! Гордость нашей науки!.. Опиши-ка его получше.

Мардон описал незнакомца, глубоко врезавшегося в его память.

— Да, это он! — воскликнул Арчибальд.— Сомнений нет. И ты говоришь, от него несло виски?

— Как из винной бочки.

— Пьет, значит. Они съедят его, эти компании!

— Прощаясь, Кроули сказал мне: «Сегодня ночью тебе помог бежать от шпиков Ричард Вилмор Кроули,

великий физик и великий негодяй». Но мне тогда показалось, что это просто болтовня пьяного.

— Погоди-ка,— Арчибальд хлопнул себя по лбу.— Кроули работает на фирму Триллинга. Несомненно, они задумали какую-то мерзость. Надо предотвратить преступление, если еще не поздно. Едем! Ты, надеюсь, запомнил этот дом? — Последние слова Арчибальд возбужденно говорил, таща Вуда за руку. Тот не успел добриться, одна щека была в мыле. Мардон отер ее носовым платком.

Вскоре, распугивая кур, по улице промчался мотороллер и на предельной скорости рванул в город.

— Дело сделано, Хозяин,— сказал Кроули через минуту после того, как облако исчезло за дверью.— Теперь недурно было бы нам распрощаться.

— Послушай, Ричи,— вкрадчиво начал Трилинг,— хочешь, я удвою твой гонорар? Ты его получишь, и немедленно, но при одном условии.

— Каком же?

— Обещай, что ты останешься у меня. Нужно сделать еще одно дело, на сей раз — самое последнее. Без твоей помощи мне не обойтись.

— Нет! — выкрикнул Кроули.— Нет, нет! Я больше не могу. Дайте мне деньги, и я сейчас же уеду. Ищите себе другого помощника в своих делах.

— Никто, кроме тебя, с этим не справится, и ты это отлично знаешь сам,— сказал Трилинг.— Решайся! Ты будешь обеспечен на всю жизнь.

— Я уезжаю,— заявил Кроули.

— Ты не поедешь.

— Интересно, кто мне сможет помешать?

В руках Триллинга блеснул кольт.

— Считаю до трех,— сказал он, угрожающе подымая вверх вороненое дуло.

При счете «два» Кроули бросился на Триллинга. Он

успел дать подножку, и оба тела с грохотом упали и покатались по полу. Среди шума отчаянной борьбы совсем безобидно прозвучал сухой и короткий звук выстрела...

* * *

Оставшись один после профессорского обхода, Парчеллинг блаженно прикрыл глаза. «Состояние значительно улучшилось,— мысленно повторял он слова профессора,— дело идет на поправку».

Внезапное шипение и треск заставили его открыть глаза. Гуго показалось, что он сходит с ума: от двери по полу медленно ползло белое облако.

С застывшим в горле криком ужаса, с вылезшими из орбит глазами он выскочил из постели и бросился к окну. Худой, трясущийся, в одном нижнем белье, Парчеллинг был страшен.

Он сделал было попытку выбить окно, но бронированное стекло даже не дрогнуло. А облако приближалось, неотвратимое, как судьба.

— А-а-а! — закричал Парчеллинг, кинувшись навстречу облаку, но на полдороге рухнул на пол.

Глухой взрыв потряс здание госпиталя. Из окон на тротуар со звоном посыпались стекла, часть стены, вырванная взрывом, упала вниз, подняв тучи пыли.

Выброшенный воздушной волной, Парчеллинг повис вниз головой, зацепившись за прутья обнажившейся железной арматуры. За мгновение до взрыва он умер от разрыва сердца.

* * *

— Прямо,— командовал Мардон.— Кафе... вот эта улица... Вон чугунная ограда... Стоп! В этом дворе.

Оставив мотороллер на улице, Арчибальд и Мардон вошли в мрачный пустынный двор.

— Вон тот подъезд,— кивнул Вуд.

В сыром подъезде Арчибальд и Мардон замешкались.
— Ты не ошибся? — шепотом спросил Арчибальд.

Внезапно из-за двери послышался протяжный стон. Арчибальд толкнул дверь, она не поддавалась. Тогда, поднатужившись, он вышиб ее могучим плечом.

В комнате, напоминающей лабораторию, царил беспорядок. Стол был повален набок, возле него валялась целая куча каких-то деталей. Арчибальд отшвырнул ногой поломанный стул, задравший к потолку гнутые ножки. В противоположном конце комнаты, возле какого-то нескороаемого шкафа, лежал человек, уткнувшись лицом в пол.

Став на колени, Арчибальд наклонился над лежащим. Осторожно тронул плечо. Человек был неподвижен.

— Марди, воды,— отрывисто сказал Арчибальд.

Вуд бросился к крану.

Арчибальд повернул рукой безвольно поникшую голову лежащего и вздрогнул: это был Кроули. Он дышал часто и хрипло. Кровь... Откуда? Арчибальд осмотрел Кроули, распростертого без сознания. Правый бок был в крови.

— Рана в боку,— тихо сказал Арчибальд.

— Пулевая.

— Причем системы «кольт-модерн», с разрывным и токсическим действием.

— Но ведь эта система запрещена?

— Как видишь,— кивнул Арчибальд.

— Надо перевязать его.

— Сначала мы должны обезвредить рану. К счастью, по-моему, она сама по себе не смертельная, если яд не успел проникнуть в кровь.

— Ну, ты-то специалист по ранениям. Мне рассказывали, как ты перевязывал раны после расстрела студенческой демонстрации в мае, когда была большая забастовка...

— Кто тебе рассказывал? — нахмурился Арчибальд.— Впрочем, дело сейчас не в этом.

— Что мне сейчас делать?

— Раз это лаборатория, здесь должен быть спирт. Поищи-ка его в том шкафчике. Мы должны протереть рану.

Пока Мардон пытался открыть «шкаф», Арчибальд осторожно выдавливал из раны зараженную кровь: в этом состоял единственный шанс на спасение.

— Как удачно, что я сегодня утром надел свежую сорочку, — сказал Арчибальд, разрывая свою рубашку на узкие полосы, — теперь у нас есть бинт.

— Это не шкаф, а какой-то аппарат, — подошел Мардон, — спирта нигде нет.

— Плохо.

— Боже мой, это он! Человек, назвавшийся Ричардом Кроули. Как он изменился!

Действительно, узнать Кроули было трудно. Его бескровное лицо осунулось, правый глаз был закрыт громадным кровоподтеком. И так как Вуд видел Кроули в течение нескольких минут и то глубокой ночью, немудрено, что он сразу не узнал своего спасителя.

— Наверно, самоубийство, — вздохнул Мардон. — Тогда ночью Кроули показался мне человеком, которого гнетет нечистая совесть. И кроме того, вот это... — Вуд кивнул на батарею пустых бутылок из-под шотландского виски, выстроившихся в углу подле «шкафа».

— Не торопись с выводами, — сказал Арчибальд. — Если это самоубийство, то где же револьвер, из которого он застрелился?

— Но кто же в таком случае?..

— Это мы и должны выяснить. Я уверен, что это убийство. Не представляю только, кому Ричард мог стать поперек дороги. Только бы нам спасти его, а уж он все расскажет. Вызывать «Скорую помощь», конечно, нельзя. Нести в аптеку тоже. У меня есть знакомый врач на Пятой улице. Он наш. Едем туда!

Внезапно хриплое, трудное дыхание Кроули прекратилось.

— Умер! — вскрикнул Мардон.

Арчибальд поднес к губам Кроули маленькое зеркальце: поверхность его затуманилась.

— Это, вероятно, еще не смерть, а только шок — действие яда. Поспешим! Счастье еще, что мотороллер с коляской.

* * *

— Ну, что там еще? — бросил Джон Триллинг, уже собравшийся было уезжать. К нему подбежал запыхавшийся начальник тюрьмы.

— Беда, босс!

— Вечно у вас беда.

— У ворот собралась толпа.

— И что же?

— Они требуют выдачи Катиля Револьса.

— Так быстро?

— Они узнали о взрыве госпиталя и гибели Гуго Парчеллинга из последнего выпуска фотогазеты. Кроме того, там было интервью с начальником тайной полиции... Оно тоже подлило масло в огонь: он считает, что виновник убийства — Катиль Револьс.

— Так, так, — сказал Триллинг, потрогав пальцем багровый кровоподтек на щеке («Споткнулся на лестнице», — объяснял он встречным).

— Может быть, вызвать наряд полиции?

— Ни в коем случае! Мы не можем мешать свободному волеизъявлению народа.

— Что же делать? Они сломают ворота. Слышите? — С улицы доносились низкий гул и отдельные выкрики.

— Я сам к ним выйду, — решил Триллинг. Решительно спустившись по лестнице административного корпуса тюрьмы, он подошел к воротам. Массивные, из литого чугуна, они еле сдерживали напор толпы. «Револьс — убийца, выдайте Револьса!» — скандировала толпа. При виде Триллинга шум усилился.

— Чем вы недовольны, друзья? — широко улыбнулся Джон.

— Револьс!.. Выдайте Револьса! — раздался рев.

— Мы его должны судить, — сказал Триллинг, стоя вплотную к решетке. Передние ряды толпы состояли из рослых молодчиков подозрительного вида, сильно смахивавших на переодетых полицейских. Они-то и кричали громче всех.

— Никаких присяжных! Револьс — убийца. У нас свой суд! Линчевать убийцу!

— Соблюдайте законность! — прокричал Триллинг, стараясь, чтобы его слышали задние, и удалился в глубь двора. Войдя в кабинет начальника тюрьмы, он распорядился: — Пусть ломают ворота и делают, что хотят. За все отвечаю я. В конце концов, убийца должен получить по заслугам. Этого требует общественное мнение. Вечером поговорим о вашем повышении. А сейчас, — он глянул на часы, — я спешу на биржу. Надеюсь, что вы правильно поняли меня.

— Так точно, босс, — ответил начальник тюрьмы, вытягиваясь в струнку.

* * *

В это утро, как обычно, люди спешили на работу. Трамваи, троллейбусы, автокары, подземка — все было битком набито спешащими людьми. Моросил нудный осенний дождик. В толпе шныряли роботы-газетчики. Протянув никелевую монетку, люди хватали газеты и на ходу разворачивали их. В газеты попадали события, разыгравшиеся буквально час тому назад.

Ускоряя шаг, люди обменивались короткими репликами, обсуждали последние сообщения.

— «Сайбернетикс компани» спроектировала новую универсальную автоматическую линию.

— Значит, появятся новые тысячи безработных.

— Их и так уже, слава богу, немало.

— Осторожнее,— говорил собеседник, опасливо оглядываясь, не подслушивает ли кто-нибудь.

— Взрыв госпиталя на Овальном плато. Смерть Гуго Парчеллинга,— раздаются размеренные голоса роботов-газетчиков, сообщающих последние новости.

И лишь на самой последней странице в укромном уголке, скромным петитом было набрано сообщение о том, что сегодня утром в городской тюрьме возмущенная толпа граждан линчевала Катиля Револьса — убийцу Гуго Парчеллинга. «Преступник получил по заслугам,— говорилось в заключение заметки.— Но тем не менее в целях расследования всех обстоятельств этого дела решено создать специальную комиссию. Председателем комиссии назначается сенатор Джон Триллинг».

Аполлон

Пролог

Сны весны ясны и сини,
Гроз угрозы далеки.
По утрам ложится иней,
Ветки голы и легки.
Наливаются закаты,
Жить готовится трава.
Выйдешь ты на мост покатый —
Закружится голова.

Даже здесь, над низко висящими тучами, воздух, который врывается в кабину сквозь чуть приспущенное стекло, казался насыщенным тревожными запахами пробуждающейся тайги.

«Вот так и Аполлон скоро пробудится»,— подумал Карпоносов и, оторвав взгляд от пульта управления, посмотрел вниз.

Орнитоптер шел по основной траектории, давным-дав-

но усвоенной его памятью. Пробив облачный слой, аппарат вскоре пошел на снижение.

Прошло еще несколько минут — и лес внизу поредел, расступился, уступив место обширной равнине. Посреди нее сиротливо белела заброшенная башня космосвязи, похожая на старинную церквушку или часовню. К башне вели две еще заметные тропинки, покрытые предутренним ледком. Картину довершали несколько стожков прошлогодней соломы. Граница равнины и леса обозначалась небольшой речкой, прочно закованной в ледяную панцирь.

Из-за линии горизонта плавно выплыли вершушки первых строений Зеленого городка.

Предоставив себя автопилоту, Иван Михайлович не отрываясь смотрел вниз, словно видел все это впервые — и стайки коттеджей, выбежавшие на крутой берег реки, и строгие институтские корпуса, и матовые, день и ночь светящиеся кубы биосинтеза, и многослойные испытательные полигоны для выращиваемых в них белковых систем — гордости ученых и инженеров Зеленого.

Что греха таить — он волновался сегодня, как никогда, и быть может, именно поэтому восприятие Карпоносова было особенно обостренным: он обращал внимание на любую мелочь стремительно проплывающего пейзажа.

Кое-где вдоль городских улиц еще лежал снег, собранный в аккуратные сугробы, съезжившийся, потемневший.

Светило вот-вот должно показаться над горизонтом, на востоке с каждой минутой ширилась неяркая полоса апрельской зари. «Скоро солнце напророчит свет и радость навсегда, сладко-сладко забормочет пробужденная вода», — мелькнуло у Карпоносова. В минуты сильного душевного волнения его мысли произвольным образом выливались в строки стихов. Это же свойство перенял и Аполлон.

Через некоторое время аппарат, взмахнув напоследок крыльями, опустился на прозрачный купол биоцентра. Цепкие присоски впились в пластиковую поверхность, и дверца орнитоопера тут же распахнулась.

Карпоносов, взявшись за поручень, ступил на серебристую ленту, и она, вздрогнув, побежала, заструилась, словно ручеек, вниз, к вестибюлю, украшенному розоватыми колоннами из марсианского лабрадора.

Огромный сферический зал, еще хранивший в себе настороженную ночную тишину, был пустынен. Он казался еще больше из-за дуговых металлических перекрытий, которые успели потускнеть от времени.

Невидимый луч фотоэлемента скользнул по фигуре конструктора-воспитателя, вспыхнул рубиновый глазок транспортной тележки, но Иван Михайлович прошел мимо.

Карпоносов все привык делать не спеша и основательно. Последние две сотни метров ему захотелось пройти пешком, чтобы еще раз сосредоточиться. Ведь сейчас ему предстояло действие, венчающее долгие годы усилий большой группы ученых разных специальностей, которую он возглавлял, его единомышленников и друзей.

Несколько последних дней его мучила неясная мысль, но четко сформулировать ее никак не удавалось. Что-то недодумали они с Аполлоном. Недодумали, несмотря на восторженную оценку, которую дала возможностям новой белковой системы высокая комиссия.

Впрочем, теперь, пожалуй, поздно изменить что бы то ни было. Через несколько минут... Да, всего через несколько минут он включит Аполлона, «вдохнет в него жизнь», как несколько выпененне любит выражаться Иван Михайлович, и первая в мире самостоятельная белковая система начнет существование...

Вдали, за шеренгами лабораторных установок, показался Аполлон — элегантный красавец с угловатыми кон-

турами, любимое его детище. И, по всей вероятности, последнее: едва ли судьба отмерила ему количество лет, чтобы выпестовать еще одну столь же сложную систему, подобную Аполлону.

Карпоносوف приблизился к нему и медленно обошел массивную фигуру, неподвижно стоящую на пологом возвышении.

В течение многих лет обучения Иван Михайлович имел дело с роботом, и сейчас конструктору показалось, что Аполлон даже внешне чем-то похож на него. Впрочем, это могло и почудиться. Но уж какие-то черты характера своего воспитателя белковая система наверняка усвоила, «впитала» в себя — в этом Карпоносوف убеждался неоднократно.

«И все-таки, что ни говори, Аполлон останется машиной,— подумал Иван Михайлович с неожиданной грустью.— Пусть умной, невероятно сложной, самой совершенной в своем роде — но все равно машиной».

Конструктор улыбнулся внезапно пришедшей в голову мысли. Удачное имя выбрали они своему детищу! Пожалуй, среди себе подобных робот и впрямь будет выглядеть Аполлоном — красавцем из красавцев.

Мощное прямоугольное туловище. Крепкие и быстрые конечности, легко сгибающиеся в сочленениях. Упругие и чуткие многопалые руки-щупальца... А как прекрасно смотрится кустик антенны на макушке, еще хранящий тепло конструкторских рук!

Конечно, со временем взгляды на красоту робота могут измениться — техническая эстетика штука капризная. Но, как бы там ни было, не это, конечно, главное.

Карпоносوف вздохнул. Он понимал, что ему не придется проследить весь путь Аполлона. Роботы такого класса, по компьютерным расчетам, смогут — даже при предельных нагрузках — существовать долго, лет триста-четырееста. Столько пожилому конструктору не протянуть.

Все это Иван Михайлович понимал, но не об этом он думал сейчас.

— Сколько дел предстоит совершить Аполлону... И как важен для него какой-то общий принцип, которым он мог бы всегда руководствоваться в этих делах.— Он и не заметил, как вслух пробормотал эти слова.

Конечно, Аполлон будет обладать разумом, да и логики ему не занимать. Но здесь нужно еще что-то... А вот что именно?

Подойдя к пульта, Карпоносов протянул было руку к верньеру, чтобы включить биоритмы Аполлона, но тут же отдернул ее, словно обжегшись. Мысль, которая понимала конструктора в последнее время, начинала приобретать более четкие очертания.

— Аполлон, конечно, сумеет прокладывать тоннели в горах, взрывать породу, рыть шахты, добывать руду и уголь, конструировать машины заданного назначения,— продолжал рассуждать вслух Иван Михайлович.— Сможет, если понадобится, вести корабль по им же предложенному маршруту. Но догадается ли он ободрить капитана шуткой в долгом полете, когда до родной планеты еще много лет пути? Бросится ли спасать человека, внезапно попавшего в беду, даже если с точки зрения здравого смысла его положение кажется безнадежным?

Тут ведь одними командами да жесткой программой не обойтись, поскольку роботы серии «Аполлон» будут обладать правом выбора, автономностью в решениях: это необходимо для их быстрой адаптации в сложной, непрерывно меняющейся обстановке, когда логика подчас уступает интуиции, какому-то особому чутью... А откуда ему взяться у робота?

Чувств — вот чего будет не хватать Аполлону. Великая способность переживать, свойственная разумному существу! Способность испытывать, например, приязнь, сострадание. И тоску. И гнев. Только чувства в соединении

с разумом, подумал конструктор, смогли бы правильно ориентировать действия робота, предоставленного собственной воле. Только они послужили бы ему надежным компасом в бурном море...

Иван Михайлович потер лоб. Итак, Аполлону необходимо привить эмоции, как садовник приживляет к дереву черенок. Только это поможет роботу отличить добро от зла в их человеческом понимании.

Впрочем, здесь есть и определенный риск. А вдруг привитые эмоции поведут Аполлона совсем в другую сторону, вдруг они отвлекут его от основных задач, которые необходимо решать? Вдруг компас в бурных силовых полях окажется неверным? Что тогда?..

И тут взгляд конструктора упал на неровно мерцающий, как бы пульсирующий светом шар, лежащий на лабораторном столе чуть поодаль.

Эврика!

Ученый в то же мгновение понял, что сногшибательная идея зародилась у него еще несколько дней назад, когда они всей лабораторией ездили на озеро отдыхать. Правда, своей идеей Карпоносов ни с кем не поделился: уж слишком еретической она выглядела. А тут... кажется, сама судьба положила перед ним этот мерцающий сгусток.

Сквозь купол брызнуло, пробив невесомые по-апрельскому тучки, весеннее солнце, и шар на секунду вспыхнул, словно маленькое светило.

Это был блок, моделирующий человеческие чувства — те самые, которых, по мнению Ивана Михайловича, не хватало Аполлону, — радость и тоску, симпатию и неприязнь, любовь и ненависть.

Над блоком эмоций конструкторский коллектив, возглавляемый Карпоносовым, трудился давно, примерно столько же лет, сколько и над Аполлоном.

«Что ж, знаменательное совпадение, — подумалось Ивану Михайловичу. — А что, если теперь же, немедленно, объединить, синтезировать обе эти работы?!»

Взяв в руки мерцающий шар, Иван Михайлович несколько мгновений держал его на весу. Принять решение было непросто: ведь блок эмоций, как и Аполлон, имелся в единственном экземпляре.

Вживить Аполлону блок эмоций можно, а вот обратно его заполнить, не повредив, не удастся. После того, как робот «оживет», блок эмоций соединится с ним, быстро срастется тысячами нитей — синаптических связей.

Да, это огромный риск — риск загубить Аполлона, швырнув его в безбрежное море человеческих чувств. Но разве не рисковал Христофор Колумб, пускаясь в неизвестный путь? Разве не рисковал первый авиатор, отрываясь от земли? Разве не рисковал Юрий Гагарин, отправляясь в первый космический полет?

Без риска нет победы — этому учит людей весь их многотысячный путь.

Конструктор Иван Карпоносов не знал еще, что его отделяет только шаг от величайшего открытия в робототехнике, что Аполлон, обладающий человеческими эмоциями, даст начало бесчисленным ветвям — целым поколениям роботов, обладающих совершенно новыми, невиданными дотоле свойствами.

Повинуясь только собственной догадке, старый конструктор подошел к роботу и вмонтировал блок эмоций в его головной отсек.

Затем решительно крутанул верньер, и живительные биотоки начали все более стремительную циркуляцию в сложнейшей биоэлектронной системе по имени Аполлон.

Глава первая

В гавани

В берег древность холодная бьется —
В брызгах руки и губы твои.
Здравствуй, чуткая гулкость колодца,
Звездной бухты литые огни.
Мы лишь звенья блистающей цепи,
После нас еще будут века.
И лежат заповедные степи —
Затекла горизонта рука.

Неизвестно почему, но Коля сразу обратил внимание на этого неуклюжего допотопного робота, едва тот появился в гавани. Суставы робота чуть поскрипывали на ходу, странно и забавно поблескивали выпуклые глаза-фотоэлементы, которые давно уже не использовались в робототехнике.

Гавань, начальником которой трудился отец Коли, была небольшой, однако служила важным перевалочным пунктом между морем, сушей и космосом. Это был узел, где сходились множество дорог.

Водой сюда шли грузы с Оранжевого архипелага — фрукты, выращиваемые для землян и жителей других планет Солнечной системы. Отсюда, из гавани, отправлялись на архипелаг предметы, необходимые тем, кто обслуживал оранжерею. Туда везли биостимуляторы, бактериальные ускорители роста растений, саженцы с других планет.

Новый робот резко выделялся среди своих собратьев, хотя старинные биосистемы были в гавани в общем-то не в диковинку, и обычно мальчишки знали назубок их «год рождения» и марку. Но даже их поначалу поставил в тупик массивный, с трудом передвигающийся угловатый белковый.

Впрочем, ребята едва ли бы обратили на него особое внимание — в гавани ведь трудятся тысячи роботов,—

если бы не странное поведение новичка, связанное с Колей.

Коля с ватагой ребят направлялся на пляж. Навстречу им тяжело, вперевалку шагал груженный белковый. Он обвел всех фотоэлементами и остановил взгляд на Коле. Впоследствии приятель Коли уверял, что в огромных глазах-блюдцах робота заплясали какие-то колдовские, бесовские огоньки. Впрочем, этот приятель, все это знали, был большим выдумщиком и фантазером. Так или иначе, робот, который нес огромный контейнер с бананами, остановился, пристально посмотрел на Колю и, словно зачарованный, пошел следом за мальчиком.

Остальные ребята приотстали.

Робот шагал за Колей, не глядя по сторонам, металлическая плетенка покачивалась в такт шагам, на голове медленно вращался кустик антенны, похожий на непокорный вихор.

Опешивший Коля несколько раз оглянулся. Ему показалось, что робот пристально изучает его.

— Разве не видишь — у бедняги шарики за ролики зашли! — крикнул кто-то из ватаги, сопровождающей Колю.

— Убегй от него — и дело с концом, — добавил кто-то. — Тогда этот белковый придет в себя.

У Коли было сильное искушение задать стрекача, но он пересилил себя, хотя и был порядочно перепуган внезапным преследованием: не хотелось в глазах приятелей прослыть трусишкой, хотя с роботами, лишенными ограничителей, как известно, могло приключиться всякое. Кроме того, и необычный белковый чем-то заинтересовал Колю.

Так они миновали несколько кварталов, сопровождаемые притихшими ребятами.

В начале улицы, которая круто поднималась в гору, робот остановился. Остановился, сделав по инерции несколько шагов, и Коля.

— Ты — Искра? — спросил робот внезапно. Голос его был низкий, рокочущий, но он показался Коле приятным.

— Что? — растерянно переспросил мальчик.

— Человек, твоя фамилия Искра? — переспросил робот настойчиво.

— Да, — растерянно ответил Коля. — А откуда ты знаешь?

— Мне показалось... — Не договорив, робот покачнулся, отчего контейнер, стоящий на его широких, как шкаф, плечах, угрожающе накренился.

Ребята, окружившие их, молча слушали диалог Коли и белкового робота.

— А что с тобой? — спросил кто-то у робота. — Может, помощь нужна?

Белковый покачал головой.

— Я недавно на Земле... Отвык от гравитации, в голове мутится... Это пройдет, — отрывисто проговорил он, не отрывая взгляда от Коли. Затем надолго умолк.

Мальчик сделал нетерпеливое движение.

— ...Синие. Они синие-синие, как два лесных озера, — вдруг быстро проговорил белковый, словно очнувшийся от забытья.

— Ты о чем? — спросил Коля и инстинктивно сделал шаг назад: во взгляде робота ему почудилось что-то угрожающее.

— Не бойся, юный землянин, — пророкотал белковый, как будто угадав его мысли. Затем запустил свободное щупальце вверх, достал из контейнера связку из нескольких бананов и бросил ее Коле: — Лови!

Мальчик, однако, был так растерян и взволнован странным разговором, что не пошевелился, и связка бананов, описав дугу, шлепнулась о стену дома, после чего упала на голубоватый, нежно отсвечивающий пластик тротуара.

Кивнув всем на прощанье, белковый поправил груз и медленно двинулся вверх по крутому уличному подъему.

— Как тебя зовут? — крикнул кто-то из ребят вслед допотопному роботу.

— Аполлон,— пророкотал белковый, не оборачиваясь.

Ребята приснули. Уж слишком разительным было несоответствие между именем и всем видом робота, еле волочащего конечности, к тому же имеющему столь странную и смешную форму.

Друзья подошли ближе к Коле.

Приятель спросил:

— Ты его знаешь?

— Откуда? — пожал плечами Коля.

— Мне показалось, что он тебя когда-то знал, но не мог вспомнить, когда.

— Станный он, Аполлон.

— Он добрый,— произнесла задумчиво девочка и, нагнувшись, подняла связку бананов.— Ого, какие тяжелые! И кожура с синим отливом. Наверняка новый сорт.

— Пойдем купаться! — крикнул кто-то, и стайка ребят, прыгнув на бегущую ленту, стремительно помчалась к пляжу.

До возвращения на Землю старый Аполлон трудился на Деймосе — спутнике Марса.

На Деймосе были обнаружены следы внеземной цивилизации, и по инициативе Межпланетного Совета там была развернута грандиозная программа археологических раскопок, охватившая все небольшое небесное тело.

Руководители программы включили в нее Аполлона в надежде на то, что удастся использовать его уникальную память — бесценную сокровищницу и кладовую информации. Ведь это был самый старый из всех роботов Солнечной системы: в земных единицах измерения ему было около трехсот лет.

Аполлону довелось участвовать во множестве космических экспедиций, и благодаря умению чувствовать и переживать информация в его запоминающем устройстве

была классифицирована так, как это мог сделать только человек.

Разумеется, после Аполлона появилось множество других роботов той же серии, а затем и более совершенные, но их опыт не шел ни в какое сравнение с опытом Аполлона.

Однако надежды организаторов деймосских раскопок не оправдались.

В памяти Аполлона неожиданно обнаружились необъяснимые провалы, она словно рвалась на куски, как старая, пришедшая в негодность киноплёнка.

Даже перед самой простой логической задачей, еще совсем недавно не составлявшей для него труда, Аполлон становился в тупик, вот и пришлось его списывать с Деймоса.

Так он попал в гавань.

Первые дни на Земле Аполлон очень страдал от гравитации, от которой успел отвыкнуть: ведь на Деймосе практически царствовала невесомость. Приспособляемость робота оставляла желать лучшего: его системы ориентации в пространстве давно уже утратили былую гибкость.

С трудом переставляя налитые свинцом, непослушные щупальца, Аполлон бродил по окрестностям гавани. Разглядывал образчики земных растений, смотрел на пологую равнину, мучительно напоминавшую ему что-то. Или ловил чуткими — все еще! — анализаторами степной, напоенный травами ветерок, привычно раскладывая его на компоненты, как он делал это там, на далеких планетах...

Особенно нравились Аполлону степи — заповедные земли, которые начинались сразу за портом. И конечно, море. Он мог часами стоять на берегу, глядя в пространство, на линию горизонта.

В памяти робота в эти минуты теснились смутные воспоминания, похожие на эти осенние облака,— столь

же бесформенные и неуловимые. Иногда из них выплывали зримые образы.

Чаще всего это был хоровод светил, из тех, которые Аполлону довелось повидать на своем долгом веку. Он путал названия, а они бесконечной чередой проплывали перед его внутренним взором: красные тусклые карлики, обладающие чудовищной гравитацией, зеленые ласковые светила, как бы струящие спокойствие и доброжелательность, оранжевые беспокойные солнца, швыряющие в окрестное пространство факелы-протуберанцы.

С чувством, близким к ужасу, он вспоминал Черную звезду, в плен к которой едва не угодил корабль.

Но чаще всего ему, конечно, виделось Солнце, ласковое земное Солнце, единственное во Вселенной. То, которое и сейчас сияет над ним, когда ему удастся выглянуть сквозь разрывы низко бегущих туч.

А увидел его он, когда впервые покинул купол биоцентра Зеленого городка. Было это давно, невообразимо давно...

Что осталось от той поры в том, что он, как и люди, называл памятью?

Вглядываясь в горизонт до рези в фотоэлементах — он их называл глазами, — Аполлон силился оживить, вызвать в памяти тот день, самый первый день своего самостоятельного существования.

Но это ему пока не удавалось: перед мысленным взором проплывали только какие-то клочки, обрывки, легкие как пар и столь же неуловимые.

...Припоминался мутный океан небытия, который вдруг непостижимым образом начинает редеть. Пелена, спадающая с инфразора. Огромный прозрачный купол над ним, контуры которого становятся все более явственными.

...Перед ним стоит человек. Он улыбается, между тем как информация об этом человеке все более «оживает» в мозгу. Да, это он, записанный в тысячах битов информа-

нии,— Иван Михайлович Карпонос, его конструктор и воспитатель.

Конструктор протягивает руку, помогает Аполлону сойти с упругого возвышения, на котором тот стоит.

До чего он труден, первый шаг! Как зыбко и призрачно равновесие... Но, только сохраняя его, можно перемещаться в трехмерном пространстве — эту аксиому Аполлон усвоил твердо. Как это люди, его создатели, умудряются не падать?

С каждым движением, однако, белковый чувствует себя все увереннее. Каждый последующий шаг дается ему легче предыдущего.

Сделав дюжину шагов, белковый останавливается. Внимательным взором окидывает сферозал, одну за другой узнает биоустановки, расположенные по концентрическим окружностям. Каждая из них обеспечивала «пробуждение» одной из его систем — это Аполлону тоже известно.

Однако с самого начала еще не окрепшее сознание Аполлона начали беспокоить неведомые ощущения, которые никак не были отражены в его запоминающем устройстве. Поначалу это повергло его в полное смятение. Что-то все время волновало головной мозг, не давало ему сосредоточиться на какой-нибудь одной определенной мысли.

Но конструктор был рядом, он все время заботливо поддерживал Аполлона, и жаркое чувство приязни к этому невысокому, неуклюжему коренастому существу, которое подарило ему самое драгоценное во Вселенной — бытие, существование, жизнь, вдруг жаркой волной накатило на его сознание.

Видимо, именно это чувство и помогло Аполлону в эти первые минуты преодолеть смятение.

Что потом?

Конструктор наконец перестал его поддерживать. Робот самостоятельно доковылял до двери, ведущей наружу.

Там, за этим прямоугольником, укрепленным на шарнирах, находится оно — желанное открытое пространство, не ограниченное ни стенами, ни потолком.

Аполлон знал об открытом пространстве из бесчисленных сферофильмов и информблоков, заботливо переписанных внимательными и дотошными операторами в его память.

Там, за тонкой перегородкой, — воздушный ласковый океан, потоки атмосферных частиц, подчиняющиеся сложнейшим законам газодинамики, — люди называют их ветром, и почва, и строения, и птицы, и облака. Там машины, и космические корабли, и мерцающие бессонно звезды — все, что люди называют емким словом «Вселенная»...

Достаточно толкнуть дверь и сделать один-единственный шаг за порог.

Аполлон вспомнил, что дверь перед ним, зайдя вперед, распахнул конструктор. Что было потом, он, как ни силился, припомнить не мог: все дальнейшие события погружались в чернильную мглу.

Встреча с маленьким землянином в гавани необычайно взволновала Аполлона. Это чувство было сродни испытанному им тогда, при первом выходе в открытое пространство.

Где он видел эти светло-голубые, сияющие, как две звездочки, глаза?

Воспоминание ускользало, не давалось. Так выскальзывает из щупальца предмет, когда корабль находится в состоянии невесомости.

От усилий пробудить гаснущую память Аполлон утратил последние силы. Полет? Долгий полет в невесомости? Но ведь он был потом много лет спустя, когда конструктора уже не было в живых...

Подогнув заскрипевшие щупальца, робот тяжело опустился на прибрежный песок: он ощущал неумолимую гравитацию, казалось, каждой белковой клеточкой своего существа.

Берег в этом месте был пустынен. Прибойная полоса изобиловала пористыми камнями с острыми как бритва краями вулканического происхождения, и люди здесь не купались.

Ленивые волны накатывались издалека, из бесконечно удаленной точки, и, дробясь, разбивались у щупалец Аполлона. Ласковый морской бриз приятно охлаждал сморщившуюся, покрытую лучами трещинок поверхность белкового. Вековая усталость въелась в каждую клеточку некогда мощного, великолепного тела, и это было необратимо. Удивляться тут было нечему: устают ведь даже материалы, и металл устает. Что уж тут говорить о такой тончайшей организации, как белковый?

В атмосфере было спокойно. Ветер с моря скорее нежил, чем беспокоил его, но Аполлон чувствовал приближение шторма. Он и сам не мог бы сказать, откуда идет это ощущение, но не сомневался в его правильности.

Робот был более чувствителен ко всякой перемене погоды, чем самый чуткий барометр.

Однако думал сейчас Аполлон не об осенней непогоде: его мысли незаметно переключились на юного землянина, с которым он встретился на одной из портовых улиц. Робот чувствовал, что с Колей связана для него какая-то тайна, загадка, корни решения которой следует искать только в собственной памяти, и нигде больше.

Он зачерпнул в щупальце горсть песка и медленно разжал присоски. Глядя на тонкую струйку золотистых песчинок, сыплющихся на пляж, подумал о всемирной силе, заставляющей притягиваться друг к другу все на свете — и пылинки, и гигантские светила.

Белковый успел уже немного привыкнуть к земной гравитации, хотя поначалу казалось, что она расплющит его.

Как это говорил ему Иван Михайлович об универсальной силе, цементирующей воедино Вселенную? Еще

одна ниточка робко протянулась в прошлое, будя угасающую память.

Аполлон опустил на глаза кожистую пленку, чтобы получше сосредоточиться. Мир погрузился во тьму, и из глубин памяти всплыло: «...Без тягот тяготенья не знали бы растенья, куда же им расти, без тягот тяготенья не знали б искривленья планетные пути. И на Земле не тлели полотнища зари, и стайкой улетели планеты-снегири...»

— Тяготы тяготенья,— вслух повторил Аполлон. Очень точно сказано. Интересно, что ныне эти древние слова наполнились для него новым смыслом.

Воспитатель умел сказать очень емко и образно. Как жаль, что он ушел из жизни, когда Аполлон находился в звездной экспедиции, за тридевять земель от родимой планеты. Даже попрощаться с Иваном Михайловичем не довелось...

Триста лет — немалый срок. Для его создателей, людей, он вмещает в себя несколько поколений. Да и для Аполлона это срок, что там говорить, огромный: ведь он вместил в себя целую жизнь робота.

Незаметно наступил вечер.

Аполлон на Деймосе успел привыкнуть к тому, что день сменяется ночью мгновенно: их разграничивает бесконечно бегущая воображаемая линия терминатора, отделяющая свет от тьмы. Прошла она — и Солнце тут же гаснет, наступает полная темнота, на черном небе вспыхивают немигающие глаза созвездий. И никаких полутонов! Точно так же наступал на Деймосе скоротечный день — сразу, решительно, без всякой «раскачки», словно легким нажатием пальца воспитатель включал ослепительную лампочку.

А здесь... Ночная тьма подступала медленно, исподволь, но неотвратимо. Тени удлинялись, густели, наливались пронзительной осенней прохладой, пророча близкую ночь.

Глава вторая

Тайна

Сколько тайн, на формулах распятых,
Нам откроют завтрашние дни!
Знания путь — поэзии сродни.
Это значит — в мировых раскатах,
Где берут космический разгон
И мезоны, и Медведиц туши,
Угадать незыблемый закон,
Уловить планет живые души.

Прошла неделя с того дня, как Аполлон появился в гавани и, немного привыкнув к земной гравитации, освоив «тяготы тяготенья», приступил к работе.

Это небольшое событие, конечно, едва ли заслуживало внимания: мало ли роботов различных систем трудится в порту! И потом, списанный со всех космических служб робот — зрелище не очень радостное. Тем более такой робот, как Аполлон, которого какой-то остряк в порту назвал «подвижным ископаемым».

Кто мог знать, что через короткое время Аполлон окажется в центре внимания не только жителей гавани, но и всех землян, всех людей Солнечной системы?

Однажды вечером Коля пришел домой необычно поздно. Мать была в отъезде. Встревоженный отец места себе не находил. Он уже собрался включить систему всеобщего оповещения, когда послышался звук отворяемой двери.

— Коля? — позвал он негромко, боясь, что ошибся. В ответ послышалось невнятное бормотание.

— Это ты, Коля?! — крикнул отец.

— Я, конечно. Что ты кричишь?

Отец вышел в коридор.

Мальчик тщательно прикрыл за собой дверь, подергал ее и, только убедившись, что язычок автоматического замка, которым не пользовались никогда, держит ее прочно, облегченно вздохнул и посмотрел на отца.

— Добрый вечер,— сказал Коля.

— Вечер? Скорее ночь,— ворчливо заметил отец. Он сделал вид, что не заметил, как Коля торопливо нажал собачку замка.

Не реагируя на замечание отца, мальчик несколько мгновений простоял неподвижно, словно к чему-то прислушиваясь. Затем молча направился на кухню.

Отец пошел за ним, не зная что и думать. Одежда мальчика была в беспорядке, а сам он выглядел подавленным и растерянным.

Коля открыл кран, набрал полную чашку ледяной воды и залпом осушил ее. Затем набрал еще одну, но пить не стал, опустил ее на стол, сильно расплескав.

— Ты ел что-нибудь?

Коля вздрогнул, как от удара, обратив на отца непонимающие глаза.

— Давай поужинаем, сынок,— мягко предложил отец.

Коля послушно, словно робот, подошел к кухонной панели, секунды три-четыре отрешенно смотрел на нее, затем наугад нажал на какую-то клавишу. Это оказалось «молоко с булкой».

— Подрался, что ли?

— Нет, я ни с кем не дрался,— процедил мальчик. Он придвинул стаканчик к отверстию, безучастно наблюдая за пенящейся молочной струей. Тостер выбросил на блюдо несколько ломтей поджаренной булки, и в воздухе аппетитно запахло.

Не притронувшись к еде, Коля отодвинул поднос так резко, что молоко пролилось, и встал из-за стола.

— Расскажешь ты наконец, что случилось? — резко потребовал отец.

Они стояли друг против друга, старший и младший Искра, и смотрели один на другого в упор, не мигая. Оба одинаково синеглазые, они напоминали братьев. Первым, не выдержав, отвел взгляд в сторону Коля.

— Не могу, папа,— пробормотал он, теребя бахромую оконной шторы.

— Не можешь?

— Не имею права.

— Ты связан словом?

Коля покачал головой.

— Тогда не понимаю.

— Видишь ли, то, что я расскажу, может повредить...

— Тебе?

— Нет, тому... Другому.

— Кто же он?

— И этого не могу сказать.

Начальник порта посмотрел на сына. Вертикальная складка прорезала лоб Коли, губы были упрямо сжаты, во взгляде читалась решимость и твердость. «Все мы такие, Искры, упрямая порода,— подумал отец, чуть усмехнувшись.— Что ж, черта характера не из худших».

— Может быть, потом, попозже, обстоятельства изменятся, и я тогда смогу все тебе рассказать,— пробормотал Коля.

— Ладно. Подождем, пока обстоятельства изменятся,— согласился отец.— А пока оставь в покое штору и выпей горячего молока. Ты весь дрожишь.

Когда Коля раздевался, чтобы нырнуть в постель, отец обратил внимание на то, что рукава куртки и брюки мальчика не то чтобы надорваны, а словно надрезаны каким-то острым предметом. Однако снова вдаваться в расспросы не стал, понимая, что это бесполезно.

Он молча присел на стул возле постели мальчика, ожидая, пока тот уснет.

Коля натянул одеяло до подбородка, удобно свернулся калачиком, однако сон не приходил.

— Согрелся? — спросил отец, глядя на вертящегося Колю.

— Согрелся,— впервые за все время слабо улыбнулся мальчик. Видно, его все время преследовала какая-то мысль или воспоминание, не дававшее уснуть.

Ночь шла на убыль.

Наконец дыхание мальчика стало ровнее. Отец бросил на него последний взгляд и едва собрался уйти, как Коля открыл глаза.

— Папа, а что ты знаешь об Аполлоне? — неожиданно спросил он, нарушив тишину.

— Об Аполлоне? — нахмурился отец. — Это тот белковый, который несколько дней назад ходил за тобой по пятам?

— Да.

— После твоего рассказа я обратил на него внимание. Навел кое-какие справки.

— Расскажи! — с жадным и каким-то болезненным любопытством попросил Коля, и глаза его блеснули.

— Видишь ли, Аполлон — в некотором роде историческая реликвия, — начал отец, усаживаясь поудобнее. — Он, можно сказать, родоначальник всего современного поколения белковых.

— Аполлон?..

— Да, именно этот несуразный и неуклюжий робот. Ему мы в значительной мере обязаны тем, что нынешние белковые стали самыми верными и разумными помощниками человека. А ты постарайся заснуть. Скоро утро.

— А как ты считаешь, он еще долго будет жить?

— Кто? — не понял отец.

— Аполлон.

— Да, он может существовать еще достаточно долго, хоть столетие. Ведь его белковая основа отличается особой прочностью. Но полноценным роботом его уже не назовешь. Мне кажется, его разум сейчас в чем-то сродни разуму малого ребенка. Но, по крайней мере, вреда человеку он принести не может, так я считаю.

— Не может, — согласился Коля. Ответ его прозвучал слишком поспешно. — Папа, а как он узнал мою фамилию?

— Не знаю, — пожал плечами отец. — Может, он ее услышал от кого-то из ребят, когда вы шли по улице?

Коля покачал головой.

— Меня никто по фамилии не называет... А откуда у нас вообще такая фамилия — Искра?

— Происхождение фамилии — всегда очень сложный вопрос, — усмехнулся отец. — Правда, что касается нашей, тут у меня есть собственная гипотеза.

— Какая?

— Давай, дружок, на завтра отложим этот разговор, — произнес отец, заботливо подтыкая одеяло.

— Нет, нет, расскажи сейчас! Я все равно не усну, — попросил Коля.

— Хорошо, — согласился отец, перехватив его умоляющий взгляд. — Но учти, это только мои догадки. А вообще вся история уходит в седую старину. Говорят, был у нас в роду предок, который совершил подвиг. Не знаю подробностей, только слышал, что этот человек, рискуя собственной жизнью, спас какую-то необычайно ценную биосистему, выращенную в Зеленом городке.

— Когда это было?

— В начале XXI века.

— Ого! — воскликнул Коля, произведя в уме несложный подсчет. — А как его звали?

— Говорят, как и тебя. Николай. Спасая биосистему, он серьезно повредил себе позвоночник и еле выжил. Детали, повторяю, до нас не дошли. Но я подумал: его жизнь тогда тлела, словно искра. Отсюда и могла возникнуть наша фамилия.

— А может, наша фамилия оттого, что его смелый поступок был подобен искре в ночи?

— Может, и так, — согласился отец.

Он долго сидел, глядя на уснувшего мальчика. Затем осторожно дотронулся до его лба. Кажется, температуры нет. Лицо спящего осунулось и как-то потемнело, дыхание было прерывистым, неровным.

Стоило жене улететь в командировку, и все в доме разладилось. Квартирный уборочный автомат и тот заикался, хотя всегда отличался ровным характером. Отец Коли потянул носом — в спальне еле ощутимо за-

пахло горелым. Вот, климатическая установка и та ба-рахлит. А тут еще загадочное происшествие с Колей...

Отец в эту ночь так и не уснул.

Первые лучи зари, выключившие осветительную панель в гостиной, застали его неутомимо мрящим комнату из угла в угол. Снова и снова прокручивал он в памяти весь вчерашний тревожный вечер и часть ночи, начиная с того момента, когда вернулся Коля, в синяках и порванной, вернее, порезанной одежде. Повздорил с мальчишками? Бывает, из-за этого не стоило бы и огород городить. Но он всем нутром чувствовал, что здесь что-то другое. Странно еще и то, что значительную часть времени они говорили о старом роботе Аполлоне, списанном с Деймоса и несколько дней назад прибывшем в гавань. Как будто нет других, более интересных тем для разговора!

Однако еще более странным было то, в чем сам начальник порта не хотел себе признаться, поскольку не терпел ничего, что не имеет рационального объяснения.

С первого дня, едва увидев Аполлона, он почувствовал к нему какой-то смутный интерес. Видел он его, что ли, когда-то? Нет, исключено. Их пути с Аполлоном никогда не пересекались, хотя ему и приходилось бывать в Зеленом городке. Однако Аполлон — не полагаясь на память, он проверил по документам, — находился в это время в дальнем космосе, за миллионы километров от Земли.

И тем не менее старый робот влек его, словно мощный магнит, которым достают с морского дна, из-под толстого слоя ила затонувшие якоря.

Такие магниты он видел и даже принимал участие в их монтаже. Не столь давно в гавани проводились работы по реконструкции подводных сооружений, и водолазы наткнулись на множество обломков и предметов старины. Для их извлечения и были использованы магнитные приспособления. Так что сравнение, пришедшее в голову начальнику порта, было естественным.

Глава третья

В пакгаузе

Смыкаст веки предвечерний сон.
Ползет по круче ветхая ограда.
Водой озерной четко отражен
Забывший уголок пустого сада.
Смотрю на дно, в пустую синеву,
На бег привычный облачных скорлупок,—
Осенний мир, в котором я живу,—
Он так же молчалив и так же хрупок.

Коля проснулся поздно, отца уже не было. Он прочел оставленную ему записку, нехотя позавтракал.

Отец советовал прийти в гавань и ребят пригласить: сегодня к обеду ожидался транспорт с Оранжерейного, который должен был привезти экзотические плоды марсианского стреляющего растения, впервые выращенные в земных условиях, на архипелаге.

Перечтя записку, Коля подошел к окну, включил максимальную прозрачность и долго смотрел вниз.

Улица жила привычной жизнью. Струились разноцветные транспортные ленты — каждому цвету отвечала определенная скорость. Многие, впрочем, предпочитали пешую ходьбу, особенно в такой погожий осенний денек. Правда, ветер был достаточно свеж, он заворачивал прохожим полы плащей, рвал из рук сумки, весело и свирепо кружил листья, которым удалось миновать магнитные ловушки роботов-уборщиков.

Конечно, увидеть марсианскую гарангу и пострелять из нее в цель было заманчиво. Но выходить после вчерашнего на улицу... При одной мысли об этом у Коли мурашки побежали по спине.

Он отошел от окна, и перед глазами тут же всплыло вчерашнее.

В школьные каникулы, как известно, всегда находится множество дел, набегают масса занятий, и одно интереснее другого.

После волейбола Коля зашел в читальный зал, чтобы просмотреть свежие журналы. Больше всего его интересовал, конечно, шахматный вестник.

Увлечшись заковыристым этюдом, он засиделся допоздна, до самого закрытия.

Приморский бульвар встретил его сиянием панелей, говором и смехом оживленных прохожих, запахами йода и соли, крепнущим бризом, неутомимо тянущим с моря.

Куда идти мальчишке, если он свободен от уроков, а дело происходит в портовом городе и время не очень позднее? Ну, разумеется, в порт!

Мальчик шел, беспечно посвистывая, из головы не шла шахматная позиция.

За спиной почудился какой-то шорох, Коля оглянулся: позади ковылял, догоняя его, высокий, как башня, Аполлон. Мигом припомнился недавний эпизод с бананами. На этот раз, однако, Аполлон был без груза. Но все равно перемещался он тяжело, с трудом переставляя еле гнущиеся конечности.

— Что ты хочешь, Аполлон? — спросил Коля, от удивления слегка замедлив шаг.

В ответ послышалось лишь неразборчивое бормотание. Антенна на голове Аполлона покачивалась, словно куст под порывами ветра. Острое чувство жалости к роботу пронзило Колю.

— Говори помедленнее, — попросил он.

— Светло-синие... синие... — почудилось ему в бормотании Аполлона, который продолжал надвигаться на него.

— Ты, наверно, никак не приспособишься к тяжести. Сходи в роботомастерскую, — посоветовал Коля, переходя на другую сторону улицы.

— Два лесных озера, — выпалил Аполлон и двинулся за мальчиком, тяжело переваливаясь на ходу.

— Помочь тебе? Говори! — произнес Коля и остановился.

— И голос... тот же...— продолжал Аполлон.— У меня в памяти его обертоны записаны.

— Записаны? — наугад спросил Коля.

— Записаны,— радостно подтвердил Аполлон,— и время их, к счастью, не стерло...

— И что?

— Искра! Такое совпадение не может быть случайным.

— Ступай в техническую службу порта,— произнес Коля, начиная терять терпение.— Я не смогу помочь тебе.

— Ты, ты! Искра! Помочь, спасти...— подхватил Аполлон дребезжащим голосом.

— Вот, вот. Тебя там спасут,— ласково, словно уговаривая малого ребенка, проговорил Коля.— Знаешь, какие в гавани мастера-робототехники? Их даже в Зеленом городке знают!

Упоминание Зеленого городка произвело неожиданное действие: робот перестал покачиваться и заметно выпрямился, глаза его заблестели. Видимо, какое-то глубинное воспоминание всколыхнуло его угадывающую память.

«Бедняга, совсем разладился»,— подумал Коля и двинулся не спеша вперед. Аполлон неожиданно догнал его и, протянув огромную лапу, похожую на клешню, коснулся плеча мальчика. Слегка обеспокоенный, Коля отпрянул: он знал, какой силой обладает белковый робот. Острый словно бритва резец, выпущенный на мгновение Аполлоном, оставил надрез на серебристой материи куртки.

Прохожие с недоумением смотрели на странную пару: впереди, запыхавшись от быстрой ходьбы, шел Коля, за ним, стараясь не отстать, двигался Аполлон. Самолюбие не позволяло Коле перейти на бег. На ходу он лихорадочно соображал, что делать. Аполлон ведь, в сущности, безобиден. Как ребенок. Просто с мыслительным аппаратом и памятью что-то не в порядке, но это пройдет, когда

он адаптируется к земным условиям, приспособится к тяжести. У него саморегулирующиеся системы. Между тем, если сообщить по инфору в технический центр о происходящем... Кто их знает, как там отнесутся к Аполлону?.. Да потом, сейчас и остановиться опасно. Коля прибавил шаг.

Какая-то женщина, идущая навстречу, уступила дорогу и вскрикнула, глядя на них.

Коля подумал, что все происходящее похоже на дурной сон. Но плечо, еще нывшее от крутой хватки Аполлона, убеждало, что это реальность.

— Мальчик, что у вас происходит? — спросил мужчина в форме сотрудника гавани.

— Все в порядке. Мы играем! — крикнул Коля, не желая привлекать ничьего внимания.

Мужчина покачал головой, глядя им вслед.

Коля бросил взгляд по сторонам и едва не расхохотался. Как это он сразу не догадался? Проще простого избавиться от назойливого преследователя с помощью бегущей ленты. Где уж неуклюжему Аполлону состязаться с ловким мальчишкой? Перепрыгивая с одной ленты на другую, он быстро добрался до самой скорой. Шершавый поручень, за который он ухватился, придал уверенности, в ушах сладкой музыкой запел ветер.

Когда Коля оглянулся, Аполлон остался далеко позади. «Белковый побудет один и сам собой придет в норму», — подумал Коля. Он помахал Аполлону рукой, и тот исчез за поворотом.

Порт, как всегда, жил напряженной жизнью. В свободное время Коля мог часами наблюдать, как стройные плазмодоиды швартуются у многоярусного причала, как споро и весело идет работа по погрузке и выгрузке. Не зря гавань называли портом четырех стихий — ведь здесь скрещивались морские, сухопутные, воздушные и космические пути.

Знакомых ребят Коля в порту не нашел, но ему и одному не было здесь скучно.

Миновав причалы, он незаметно углубился в старую часть порта. Древние пакгаузы, заросшие у основания мхом, чем-то напоминали старинные крепости — быть может, узкими зарешеченными окнами, похожими на бойницы. Кое-где под открытым небом валялись механизмы, которыми никто не пользовался, ветхие машины, давно пришедшие в негодность. Коля переходил от одной к другой, пытаясь угадать их назначение. Задачки похлеще шахматных! Изломанное, ржавое железо, подгнившие доски, пахнущие прелью, покоровившийся от времени и непогоды пластик...

Осенний вечер вступал в свои права. Потянуло сыростью и холодом.

Уголок гавани, куда забрел Коля, был безлюден, и обычный портовый шум почти не доносился сюда. Он уже совсем собрался было идти домой, когда внимание его привлекло приземистое строение, никогда прежде не виданное. Впрочем, он и всего-то забредал сюда один-два раза. Коля решил войти внутрь.

Дверь подалась неожиданно легко. Воздух в помещении был затхлый, застоявшийся. Сначала глаза ничего не могли разобрать — подслеповатые оконца почти не пропускали свет, к тому же успели сгуститься сумерки. Однако вскоре снаружи вспыхнула панель ночного освещения, расположенная недалеко от одного из окон, и в помещении стало посветлее.

В одном углу внимание Коли привлекли большие сосуды необычной формы из обожженной глины. По форме полустертых букв на них он догадался, что это древнегреческие амфоры, недавно выуженные с морского дна в числе прочих находок — все в портовом городе знали об этом.

Он щелкнул по амфоре, и она ответила тихим мелодичным звоном. Поодаль стоял сосуд меньших размеров. На стук он отозвался глухим звуком. Присев на кор-

точки, мальчик запустил внутрь руку: посудину почти до самого верха наполняли монеты.

Коля достал горсть монет и поднес их поближе к окошку, чтобы лучше разглядеть. Монеты были старые, позеленевшие от сырости и протекших столетий, с неровными краями. Изображения на них разглядеть было невозможно, как Коля ни старался.

Он ссыпал монеты обратно в сосуд и двинулся дальше. Сомнений не оставалось — здесь сосредоточены находки, которые были обнаружены во время реконструкции порта и предназначенные для одного из исторических музеев.

Внимание Коли привлек обломок весла. Длинная ручка была отполирована до блеска прикосновениями тысяч ладоней. На весле болтался обрывок ржавой цепи... «От древнего весельного судна,— догадался Коля.— Раба приковывали к веслу, чтобы он ни при каких обстоятельствах не мог покинуть корабль».

Совсем целые песочные часы, чудом сохранившиеся... А рядом — неуклюжий космический скафандр с приставшей к нему сухой трухой водорослей. «Конец двадцатого века», — на глаз определил мальчик.

Двигаясь в глубину пакгауза, он удалился от входа на порядочное расстояние. Внутри помещение оказалось гораздо больше, чем можно было подумать, глядя на него снаружи. Он медленно брел словно по туннелю, разглядывая слева и справа предметы привычными к полутьме глазами.

Дверь позади скрипнула, Коля обернулся. На гладкий пластиковый свет перед входом упал желтый наружный свет. Затем его перечеркнула медленно надвинувшаяся тень.

Мальчик до боли закусил губу, едва не вскрикнув: в дверном проеме стоял Аполлон.

Какое-то время робот стоял в нерешительности, словно собака, потерявшая хозяина. Наконец он принял решение и тяжело перешагнул порог.

От неожиданности Коля инстинктивно шагнул к стене, как бы ища защиты. Опрокинутый кувшин загремел под ногами, и робот устремил внимание на источник шума. Заметив мальчика, он зашагал в его сторону, раскачиваясь, словно корабль в шторм.

Острия головной антенны Аполлона царапали по низкому потолку пакгауза. Унылый скрежещущий звук завораживал Колю. Расстояние между ним и роботом неуклонно уменьшалось. Белковый что-то невнятно рокотал. Коле удалось разобрать отдельные слова:

— Спаси... Спаси... Магнитное поле... Путепровод...

Итак, Аполлон еще не адаптировался, не успел прийти в себя. В таком состоянии он мог представлять опасность — в этом Коля убедился на собственном опыте. Необходимо было что-то предпринимать, пока не поздно. Может быть, воздействовать на логическую схему робота, пытаясь ее наладить?

— Аполлон, какое магнитное поле? Какой путепровод? Кого нужно спасти? — громко и внятно спросил мальчик, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

При первых же словах робот замер. Клешни рук угрожающе, как показалось Коле, поднялись. Кто знает, что у нее на уме, у вконец разладившейся белковой системы?..

— Те же обертоны... Искра... Искра...

Коля продолжал отступать, Аполлон приближался. Потрявоженная ими пыль поднялась густым облаком, и мальчик несколько раз чихнул. Торчащий из какой-то доски гвоздь порвал штанину и до крови расцарапал ногу.

Внезапно Коля наткнулся спиной на стену. Дальше отступать было некуда — пакгауз кончился.

— Аполлон... Аполлон, остановись! — кричал, требовал, просил мальчик, но робот продолжал шагать, неутомимый, словно командор.

Тогда Коля обхватил обеими руками амфору, стояв-

шую у его ног,— посудина оказалась дьявольски тяжелой — и швырнул ее навстречу Аполлону.

Не долетев до робота нескольких метров, амфора упала на пол, разлетевшись на мелкие осколки.

С хрустом ступая по черепкам, робот, продолжая бормотать свое, последовал дальше.

— Я спасу, я спасу тебя, Искра,— рокотал он. Или обезумевшему от страха Коле это только почудилось? Да и времени прислушиваться к бормотанию робота у него не было. Нужно было думать, как избежать встречи, счет теперь шел на мгновения...

— Ты в смертельной опасности... но я... но я... — Отдельные осмысленные слова всплывали в бессвязной речи Аполлона, словно щепки в бурливом потоке. Но они только усиливали опасения Коли: ясно, что робот находится в плену какой-то воображаемой, нереальной ситуации, а в таком состоянии он и опасен.

Проскочить мимо Аполлона к выходу и думать было нечего: мальчик убедился в этом после нескольких неудачных попыток. Широко расставленные щупальца робота без усилий перегораживали в поперечнике весь пакгауз.

Со стороны могло показаться, что они играют в догонялки — робот и человек.

Когда Аполлон оказался рядом, Коля схватил оказавшееся под ногами весло, снабженное цепью, и принялся наносить удары по преследователю. Но роботу это было как слону дробинка. Похоже, он даже не обращал внимания на удары, погруженный в пучину каких-то своих умозаключений.

Еще секунда — и клешневидные щупальца, из которых показались острые закраины, протянулись к Коле, который отчаянно закричал. Робот, не обращая внимания на крик, обхватил его поперек туловища и поднял под самый потолок, так что Коля ударился о гофрированную крышу.

— Пусти,— прошептал он.— Слышишь? Пусти.

— Не бойся, землянин. Здесь ты в безопасности,— пророкотал робот, ту же сжимая клешни.

Унизительное чувство собственного бессилия охватило мальчика, и он заплакал злыми слезами. Затем забарабанил что было сил по литой спине робота, однако только расшиб руки.

Держа мальчика в клешнях, робот начал описывать по пакгаузу круги, все ту же сжимая щупальца. Он был похож на заклинившуюся машину.

Изловчившись, Коля дернул головную антенну. Болевой разряд пронзил некогда великолепное, сохранившее до сих пор чуткость тело Аполлона. Глухо охнув, он сначала замер на месте, затем медленно опустился на колени. Клешни разжались, полузадушенный Коля выскользнул из них и опрометью бросился вон из пакгауза.

У самых дверей он оглянулся. Робот, задрав клешни, медленно заваливался на бок. Если бы мальчик не успел выскочить, робот задавил бы его собственной своей тяжестью.

...Все это невероятное происшествие промелькнуло в голове мальчика, когда он проснулся.

«Может быть, это все мне только приснилось?» — подумал с надеждой Коля. Но нога, расцарапанная гвоздем, и многочисленные ссадины красноречиво говорили, что приключение в пакгаузе было в действительности.

Интересно, где сейчас Аполлон? Остался в пакгаузе, прекратил существование? Или с затуманенным рассудком снова бродит по улицам города? Но он ни для кого не представляет опасности, ведь Аполлона по неизвестной причине интересует только он, Коля.

Коля сделал зарядку, понырял в бассейне, позавтракал и, задумчиво вертя в руках записку, оставленную отцом, думал, что делать дальше.

Странная вещь! Он не испытывал к Аполлону неприязни, а только жалость. И хвалил себя за то, что не рассказал отцу о происшествии в пакгаузе.

Аполлон долго лежал без сознания на полу пакгауза, затем постепенно пришел в себя. Медленно, покачиваясь, покинул пакгауз.

Больше всего его мучило полное поражение памяти. Бродя по пустынным бульварам и притихшим ночным улицам, он силился выудить хоть что-нибудь из ее глубин, но за всю ночь сумел припомнить только одно.

...Небольшое озеро в горах. И тогда стояла осень — такая же, как сейчас. Он только вернулся в Зеленый из какой-то — теперь не вспомнить — межзвездной экспедиции. Первым делом, конечно, навестил Карпоносова. Иван Михайлович был совсем плох. Аполлон предложил свозить его за город, надеясь, что конструктору-воспитателю там станет лучше. Так они очутились на озере — самом любимом месте Карпоносова.

За время отсутствия Аполлона Карпоносов еще больше исхудал, борода его стала как снег. Он говорил мало, больше слушал рассказы Аполлона о последнем полете. Откинувшись в шезлонге, глядел в небо, на проплывающие тучи, тяжело набухшие проливными дождями, которые вот-вот грянут... И не поймешь, слышит он Аполлона или нет. «Столько лет смотрю в земное небо, но только сейчас заметил: облака похожи на проплывающие скорлупки», — вдруг замечает он слабым голосом.

Вот эта картина, подернутая дымкой, и выплыла теперь в памяти Аполлона: потемневшее озеро на дне горного ущелья. Ранний вечерний сумрак, борющийся с хмурым днем. Вдали — полуразрушенная ветхая ограда, неизвестно кем и с какой целью сооруженная. Облетевший сад, печальные яблони с узловатыми, словно изломанными ветвями. Одинокaя фигура Ивана Михайловича в шезлонге. Он, Аполлон, закончив рассказ о полете, подходит к берегу, долго смотрит на водяную поверхность, подернутую еле заметной рябью. Вода, подобно зеркалу, отражает в себе целый мир, бесприютный, хрупкий осенний мир...

Робот решил, что ему необходимо любой ценой сно-

ва разыскать юного землянина Николая Искру, с которым его, Аполлона, связывает какая-то непостижимая, все время ускользающая загадка. Быть может, именно этот мальчик поможет ему восстановить память, без которой невозможно существование.

Но как разыскать Колю в огромном городе?

...Конечно, с годами Аполлон многое потерял, но кое-что и приобрел. Так, чувства, которыми наделил его на свой страх и риск в свое время конструктор-воспитатель, за долгие века утончились и развились. Многое Аполлон научился схватывать, угадывать на лету по еле уловимым признакам. Люди, возможно, назвали бы это свойство старого робота интуицией.

Восстановив двигательную функцию, Аполлон отправился на поиски жилища, где обитает Коля, отыскивая правильный путь по одному ему известным приметам.

...В конечном счете любопытство и желание увидеть марсианскую гарангу пересилили опасения, и Коля решил отправиться в порт.

С бьющимся сердцем приоткрыл он дверь и выскользнул на оживленную улицу.

У парадного его терпеливо поджидал Аполлон.

Глава четвертая

Память

Летело небо цвета стали
В разводах огненной реки,
И словно крабы проплывали
Матерые материки.
Сменялись ночи в мари сонной
И зори цвета мятежа,
И спутник новообретенный
Вил кольца, медленно кружа.
На розовсющем экране
Округлый мир, еще чужой.
Корабль, снижаясь, шел в тумане
Перед последнею межой.

Память робота отлична от памяти человека.

Человек, как известно, лучше всего запоминает впечатления детства, причем самого раннего. С годами память слабеет, и подчас пожилому человеку вспомнить то, что было вчера, труднее, чем то, что случилось с ним давно, десятки лет назад.

У Аполлона все было иначе.

Он лучше запоминал недавние события. Наоборот, то, что происходило давно, понемногу как бы выветривалось из его памяти, исчезало, таяло, и сознание этого было невыносимо.

Когда к нему вернулась память вчерашнего дня, Аполлон перепугался не меньше, чем Коля. Все действия робота — преследование мальчика, происшествие в пакугаузе, — с чем они были связаны? Сознание Аполлона было переполнено чувством симпатии к маленькому землянину и стремлением спасти его.

Спасти? Но от чего?

Робот чувствовал, что его необъяснимый порыв был связан с каким-то очень давним, изначальным событием, память о котором была погребена под толщей столетий.

И Аполлон решил любым усилием воли, пусть самым невероятным, восстановить этот участок своей памяти.

Обнаружив дом, где, по его смутным догадкам, должен был жить Коля, он занял позицию в дворовой беседке и терпеливо ждал рассвета, не сводя взгляда с парадного.

Утром правильность догадок робота подтвердилась: из двери вышел старший Искра, направлявшийся на работу. Он был чем-то озабочен и не заметил Аполлона, стоявшего за переплетениями дикого винограда.

Теперь рано или поздно должен появиться Коля. Прождав еще какое-то время, Аполлон покинул беседку и подошел к парадному. Никто не обращал на него внимания — кому из людей в диковинку белковые?

Через несколько минут из дверей вышел опасно оглядывающийся Коля.

— Аполлон!..— В голосе мальчика радость была смешана с тревогой.

Робот шагнул к нему.

— Как ты нашел дом, где я живу?

— Сам не знаю... Но разве это важно? Здравствуй, Искра! — пророкотал робот.

— Здравствуй.

Минуту они шли в молчании.

Коля с опаской поглядывал на робота, но тот держался смирно и как бы виновато. «Бедняга, он был вчера, наверно, в отключенном сознании»,— подумал мальчик.

— Почему ты меня преследуешь, Аполлон? — строго спросил Коля.— Дел у тебя, что ли, других нет?

— Не опасайся меня, Искра. Я твой друг, я спасу тебя.

— Ты ходил в технический центр?

— Нет.

— Зря. Я ведь посоветовал тебе обратиться к робототехникам,— мальчик и не заметил, как впал в покровительственный тон.

— Я обращусь к ним, но попозже.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Ладно,— великодушно согласился Коля. Он догадывался об опасениях Аполлона.

— ...Извини меня за вчерашнее,— выдавил из себя робот.

— А ты меня.

— Я хотел спасти тебя,— продолжал Аполлон.— Я и сейчас этого хочу.— С этими словами робот сделал шаг к Коле, но тот, все время находившийся настороже, успел отскочить в сторонку.

Теперь Аполлон снова напоминал ему вчерашнего преследователя: кустик антенны на макушке, хотя и помятый, начал вращаться, щупальца-клешни угрожающе протянулись в сторону мальчика.

Коля нырнул под щупальца, ловко вспрыгнул на ленту и помчался в сторону гавани, не оглядываясь.

С этого дня, едва выдавался свободный часок, Аполлон погружался в пучины собственной памяти. Он двигался медленно, наугад. Так на ощупь передвигается человек, попавший в незнакомое помещение без света. Один неверный шаг — и зашибешься об острый край стола или спинку стула...

Первое воспоминание, самое свежее,— о происшествии в пакгаузе, о том, как он несколько часов держал Колю в щупальцах, едва не раздавив его, было не слишком-то приятным. Но что делать! Уйти от него, стереть его было нельзя — из песни слова не выкинешь, как говорят люди. Только двигаясь шаг за шагом в глубины памяти, он сумеет подойти к тому невообразимо далекому дню, когда конструктор в биоцентре повернул верньер, начав отсчет его самостоятельного бытия.

О случае в пакгаузе Коля так и не рассказал никому — ни отцу, ни ребятам. Зачем? Ведь Аполлон в конечном счете не сделал ему ничего плохого. Наоборот, он — чудаки! — хотел спасти его от какой-то мнимой опасности.

Несколько дней робот ему не встречался. Похоже, он не искал больше с ним встречи, не преследовал его, и мальчик окончательно убедился, что принял правильное решение. Он радовался, что не поддавался минутной слабости и обиде: ведь Аполлону могло достаться на орехи. А Коле, честно говоря, меньше всего хотелось, чтобы пострадало это смешное создание.

Теперь, он знал от отца, Аполлон исправно трудится в гавани, никаких отклонений в его поведении незаметно. Значит, робот справился с перегрузками и пришел в норму.

— Папа, почему в мире существует такая несправедливость? — спросил однажды Коля у отца. — Белковые серии Аполлона могут существовать по триста-четырееста лет, а человек едва дотягивает до полутораста.

— Почему несправедливость? Вон бабочка-однодневка — та живет только сутки и то не жалуется, — пошутил отец.

— Я серьезно.

— А серьезно, здесь нет никакой несправедливости. В старину говорили, что срок жизни каждой живой твари отмерен богом. Мы с тобой знаем, что это чепуха.

— Конечно, чепуха. Но у каждого живого существа имеется определенный срок жизни...

— И он определяется эволюцией, биологическими законами, которые так же объективны, как закон всемирного притяжения Ньютона. Каждое существо должно полностью реализовать то, что заложено в нем генетически, завершить свой цикл, свой круг бытия... Этим и определяется срок жизни. Я понятно говорю? — спохватился отец.

— Понятно.

— Об этом хорошо сказано в книге Карпоносова.

— Знаменитого конструктора-воспитателя биологических систем? Мы будем изучать ее в будущем году.

Отец покачал головой.

— Я имею в виду не учебник, а его книгу размышлений.

— Размышлений? О чем?

— О том, что волнует и тебя, и меня, и весь род человеческий. О смысле жизни. О бесконечной спирали познания Вселенной, по которой движется человек...— И, закрыв глаза, отец медленно прочел: — «На неторной тропе, на чужом перевале, на каком-то витке бесконечной спирали на мгновение помедлю и, пот вытирая, мир окрестный окину от края до края. Неподкупные реют в тумане вершины, уступают уступы, сбегая в долины, где над чудом конструкций, раскинувшись ало, заурядный закат золотится устало. Не пришелец я здесь, безъязык и безвластен! Приручаемый космос, к тебе я причастен. И в полях пожелтелых, где ветер да птицы, есть и мой колосок чистопробной пшеницы. И уйду я в туман, не боясь, не печалься, отирая со лба вековую усталость, чтобы вынырнуть снова, прорезавши дали, на каком-то витке бесконечной спирали». Понимаешь, сын: бессмертие человека — в его делах,— добавил отец после паузы.

— Хотел бы я с ним встретиться и поговорить,— задумчиво произнес Коля.

— С кем? — не понял отец.

— С Иваном Михайловичем Карпоносовым.

Как-то, когда осенние ветры немного приутихли, чтобы собраться с силами, ребята собрались в гавани, и Коля, признанный вожак, предложил пойти искупаться на дальний пляж. Предложение было охотно принято — солнце в этот день пригревало совсем по-летнему.

Идти на пляж решено было кратчайшим путем — через старую часть порта.

Когда ребята проходили мимо длинного приземистого строения, кто-то предложил заглянуть внутрь.

— Зря только время потеряем. Ничего там нет интересного! — произнес Коля, у которого пакгауз вызвал не слишком приятные воспоминания. Приятель, успевший было взяться за дверную ручку, бросил ее и присоединился к остальным.

Погрузившись в свои мысли, Коля шел позади остальных. Внезапно, повинаясь необъяснимому импульсу, он обернулся: за ним, догоняя, ковылял Аполлон.

Жаркая волна бросилась в лицо мальчика. Кто знает, каковы были намерения престарелого робота? Тем более он двигался кратчайшим путем прямо к Коле, не обращая, как всегда, внимания на остальных.

— Искра... Искра,— явственно пророкотал Аполлон. Услышав его голос, ребята остановились.

Посыпались шутки:

— Ископаемое пожаловало!

— Твой дружок, Колька!

— Эй, Аполлон, а где бананы?

Никак не реагируя на реплики, робот продолжал приближаться к Коле. Через несколько мгновений он подойдет, и что тогда?

Коля сжал кулаки. Что делать? Бежать? Прослыть трусом в глазах ребят? Нет, ни за что на свете!

Неожиданно для себя он нагнулся, поднял голыш и швырнул его в Аполлона. Камень просвистел мимо, робот даже шаг не замедлил. Только выпуклые допотопные фотоэлементы блеснули на солнце.

Что, если он снова захватит его в клещи и будет держать над землей, беспомощно барахтающегося? Спасать, видите ли!

Следующий бросок Коли оказался более метким: камень попал в чувствительное сплетение. Как бы защищаясь, Аполлон вскинул вверх клешневидные щупальца. Затем замедлил шаг и приостановился на месте.

Кто-то заметил:

— Зря ты это.

— Пусть не гоняется за мной! Что ему нужно? — выкрикнул Коля, и злые слезы навернулись на его глаза.

Притихшие ребята двинулись дальше, изредка оглядываясь на неподвижную фигуру, похожую на какую-то нелепую статую.

Аполлон замер на месте: внезапный удар камнем погрузил его в пучину воспоминаний.

...Первый его полет в открытый космос! Он юн, и мышцы его эластичны. Завязать узлом стальную двутавровую балку для Аполлона не составляет никакого труда.

Корабль в свободном полете. День за днем, месяц за месяцем трудятся с полной выкладкой фотонные дюзы, но рисунок окрестных созвездий почти не меняется. Вокруг одно и то же: безбрежная космическая пустыня.

Конечно, не обладай Аполлон эмоциями, он переносил бы полет спокойно: разве жалуется машина на однообразную дорогу? Но Аполлона терзало чувство тоски по Земле, и это было мучительно. Хотелось действовать, дремлющие силы искали выхода.

Однажды, когда робот сверял звездную лоцию, прозвучал резкий удар гонга. Это был сигнал чрезвычайной опасности. Аполлон, как положено по инструкции, бросил взгляд на обзорный экран и ужаснулся: на внешней обшивке корабля то здесь, то там вскипали фонтанчики. Метеоритная бомбардировка!

Что ж, такая ситуация многократно проигрывалась его воспитателями еще там, в Зеленом. Выслушав капитана, Аполлон сделал все, что положено: проверил противометеоритную защиту, увеличил до предельной мощности экранирующие поля. Град, однако, не утихает. Может, это мальчишка кидает в него камни?...

Античастицы! Он бросается к внутреннему экрану. Здесь сводится воедино информация о множестве отсеков корабля — необходимо за считанные секунды скоординировать действия экипажа. С калейдоскопической быстротой на экране сменяются двигательный, астрофи-

зический, оранжерейный, жилой и прочие отсеки. И тут же экран тускнеет, картины смазываются, отодвигаются, пропадают в тумане...

Внутренняя работа мысли опустошила Аполлона. Когда он пришел в себя и огляделся, ребят и в помине не было, хотя красочные картины, промелькнувшие в памяти, заняли всего несколько минут.

Глава пятая

То было раннею весной...

И давно ли кремнем мотыги
У слияния синих рек
Начертал предисловие книги
Гордый именем Человек!..
Нас не зря красой немгновенной
Дальних звезд манят огоньки —
Расширяющейся Вселенной
Вдаль бегущие маяки.

Камень, метко пущенный Колей, задел нейронную цепочку Аполлона, и боль долго не утихала. К тому же дала себя знать старая травма, полученная еще в полете на Проксиму Центавра.

Всю ночь слабые вихревые токи вспыхивали то в одном, то в другом блоке. Разнородные ощущения захлестывали его, грозя затопить мозг. Такое состояние уже было у него когда-то давным-давно...

Старому ионному мозгу приходилось работать с полным напряжением, чтобы сохранить жизнеспособность системы, и потому желанное забытие не приходило к Аполлону.

Ночь казалась бесконечной.

Аполлон поднялся и медленно подошел к двери ангара, в котором решил скоротать время до утра. Моря отсюда не видно — его заслоняют пристанские сооружения.

Но каждой клеточкой он ощущает присутствие беспокойной стихии.

Когда в распахнутую дверь влетали порывы морского ветра, чуткие усики анализаторов робота подрагивали. Свежие запахи штормящего моря будоражили Аполлона, вызывали в нем неведомые чувства и будили старые, давно забытые.

Атомный хронометр, вмонтированный в него «на счастье» еще Карпоносовым, бесшумно и равнодушно отсчитывал секунды — сколько их у него еще осталось? Впрочем, Аполлон давно уже не пользовался часами — в течение многих лет у него выработалось собственное биологическое чувство времени, не уступающее по точности хронометру.

Прямоугольник неба, четко очерченный дверью ангара, начинал постепенно светлеть: близилось утро. Рассвет!.. Вот так же прояснялось его сознание тогда, в самый первый раз... В те мгновения неведомые токи начали все быстрее циркулировать в его пробуждающемся теле, и Аполлон вдруг почувствовал, что окрестная тьма рассеивается и с глаз его начинает спадать пелена.

И он увидел себя стоящим на пологом возвышении посреди огромного круглого зала. Сначала ближние, а затем и дальние предметы выступали из мглы небытия.

— Здравствуй, Аполлон,— произнес Иван Михайлович, когда фотоэлементы робота налились ровным золотистым светом.

— Здравствуй, конструктор-воспитатель,— проговорил в ответ белковый.

— С днем рождения тебя! — улыбнулся Карпоносов, и никогда еще эта обычная фраза не звучала столь уместно и кстати.— Ясно видишь окружающее?

— Ясно.

— Каково самочувствие?

Аполлон помолчал, суммируя информацию, поступающую от чутких анализаторов.

— Что-то меня беспокоит, волнует, конструктор,— медленно произнес робот.— А что, не могу понять.

— Знаю. Это пройдет,— успокоил Иван Михайлович.— Можешь уже передвигаться?

— Да.

— Добро пожаловать в открытый мир! — торжественно произнес воспитатель традиционную фразу.

Каждый новый шаг Аполлона был все более уверенным. Он медленно шел по залу биоцентра, залитому первыми солнечными лучами. Останавливался у приборов и установок, трогал их, узнавая. И каждое такое узнавание вызывало у робота вспышку эмоций, на которую Карпосов взирал с плохо скрытой тревогой. Правда, опознание проходило гораздо быстрее и легче, чем это было предусмотрено программой.

Особый восторг, припомнил Аполлон, вызвал у него катодный осциллограф. Он долго глядел на змеящуюся синусоиду, неумоимо бегущую по экрану, совсем как ребенок пытался потрогать ее, хотя разумом понимал, конечно, что это только электронное изображение.

— Ручеек,— пророкотал Аполлон, с трудом отрываясь от захватывающего зрелища, и двинулся дальше, сопровождаемый воспитателем.

Иван Михайлович с растущей озабоченностью наблюдал, как движения робота становились все более быстрыми, порывистыми.

А сам он, Аполлон, в те мгновения не мог понять: какая сила потянула его вдруг неудержимо туда, за двери, в открытый мир?

— Я... я волнуюсь,— произнес наконец робот, подытоживая собственные ощущения. Это слово сформировалось в его сознании как-то само собой, оно не входило в его словарный запас.

«Я и сам, похоже, волнуюсь так, как никогда в жизни не волновался»,— подумал Иван Михайлович. Он уже с трудом поспевал за широко шагающим Аполлоном. Давно бы следовало поехать в Москву, лечь в клинику

и сменить сердце. Три сердца он износил — это будет четвертое. Только времени нет — теперь нужно доводить Аполлона. Многое, правда, будет зависеть от результатов сегодняшних испытаний.

...Какой он удивительно яркий — первый день самостоятельного существования!

Аполлон застыл у двери, не решаясь сделать главный шаг.

— Ты на сутки предоставлен самому себе, — сказал ему Карпоносов на прощанье. — Ровно через двадцать четыре часа ты должен вернуться сюда, в биоцентр. Если не вернешься вовремя — значит, не выдержал испытаний.

— Каково мое задание?

— Можешь делать что угодно. Твой тест — свободный поиск. Ты должен исследовать все, что тебя окружает, накопив возможно большее количество информации об окрестном мире. Потом комиссия определит объем и ценность этой информации. Это и есть твой решающий экзамен, Аполлон!

Коротко разогнавшись, белковый взвился в воздух, пролетел между колонн, едва не задев одну из них, перемахнул через газон и опустился на дорожке, подняв тучу брызг: он угодил в лужу талой воды. Мгновенный расчет импульса, произведенный в уме, оказался довольно точным, хотя робот едва удержался на ногах.

«Для первого прыжка недурно», — произвел он оценку и двинулся дальше, обходя островки подтаявшего льда.

Невысоко над горизонтом висел ослепительный шар. Так это и есть Солнце, животворящее светило, о котором он получил в стадии обучения столько информации?! Странно, но оно не похоже ни на одно из своих описаний. Разве что если все их сложить, сплавить воедино... Солн-

це пронизывает каждую клеточку, каждый атом тела, греет, нежит, ласкает.

Но время не ждет. Нужно приступить к выполнению задания, хотя неведомое состояние не проходит, все время мешает, уводя мысли куда-то в сторону.

«Предположим для начала,— мелькнуло в уме,— что я высадился на неведомой планете... А что, разве в каком-то смысле это не так? Необходимо исследовать этот кусок пространства. Температура, атмосферное давление, анализ почвы, тысячи других параметров — это, в конечном счете, самая легкая часть работы. Но как произвести общую оценку? Как рассказать о том, что трудно выразить словами, что делает этот участок Вселенной непонятным нигде и никогда?»

Не замедляя быстрый шаг, Аполлон оглянулся. Незаметно для себя он удалился так далеко, что купол биоцентра был еле виден. Впереди маячило строение, похожее на старинную часовню. Или это башня космосвязи?

Аполлон включил ультравидение — видимо, от волнения он забыл это сделать сразу. Теперь робот видел все, что проплывает под его ногами, на глубину в несколько метров. Поток информации извне усилился, и возбужденный мозг еле поспевал усваивать и классифицировать ее.

Одна мысль, однако, все более овладевала Аполлоном — это радостная мысль о своей причастности всему, что он впервые наблюдает. Временами ему чудилось, что он уже был здесь когда-то, быть может, в незапамятные, доисторические времена. Ему казалось, что он наново переживает весь коллективный опыт человечества.

Незаметно прошел короткий день, переполненный непривычными ощущениями и впечатлениями. Тени начали удлиняться.

Аполлон продолжал шагать, давно не разбирая дороги. Что ему дорога? Он мог бы, казалось, полететь, если бы захотел, как эта птица, сделавшая над ним круг.

В одном месте робот остановился. На глубине трех

метров он обнаружил следы стоянки первобытного человека. Раскопки? Потом, потом! Он только нанес в памяти координаты. Обратил внимание на рисунки, нацарапанные на стенах заполненной землей пещеры. Смутное, будоражащее чувство, которому трудно было подыскать название, продолжало влечь его вперед, и Аполлон двинулся дальше.

Почему в его памяти нет названия этим чувствам? Они переполняют его, мешая работе мозга, и в то же время помогают усваивать информацию, когда усталый мозг изнемогает от перенапряжения.

Как лучше спрессовать свои впечатления, свести их воедино? Такой способ есть, и воспитатель иногда к нему прибегает: тогда каждое слово приобретает у него огромную смысловую нагрузку, а сами слова складываются по определенному закону и как бы приобретают окраску...

Аполлон сосредоточился и на ходу чуть слышно заоркотал: «В этой части Вселенной бывал я когда-то. А иначе откуда мне были бы знакомы невесомая алая кромка заката и стога золотистые ломкой соломы. Сумрак дальней тайги, тучи в небе глубоком, на развилке — часовня, глядящая слепо, очертанья берез на пригорке далеком, голубая полынь и весеннее небо».

Прямоугольник двери еще больше посветлел. Старый робот продолжал вспоминать. Глядя на далекую зарю, он чувствовал необычайное волнение: сейчас он должен был восстановить в памяти то, что было самым главным.

Что еще было в тот первый день? Когда смятенный новыми впечатлениями мозг пришел немного в себя и робот глянул на часы, он увидел, что сутки, отмеренные ему конструктором-воспитателем, были на исходе. Путь отсюда до биоцентра был неблизок, а силы нетренированного Аполлона истощились. Определив по компасу кратчайший путь, он заспешил обратно.

Зарождался рассвет, хмурый, ненастный. Хлопья тяжелого снега пополам с водой резко ухудшили види-

мость, однако Аполлон, погруженный в хаос новых впечатлений, забыл включить инфравидение. Это и сыграло роковую роль в последующих событиях. Но можно ли судить робота строго? Ведь только в будущем ему предстояло приобрести все необходимые навыки. А весь предыдущий день, а затем и всю ночь до рассвета он бродил по пробуждающейся весенней земле, познавал ее красоту, чутко ловил пение птиц и первое движение древесных токов.

Впереди блеснул узкий клинок какого-то наземного плоского сооружения. Проламывая узкий ледок, к расцвету снова затянувший лужи, любопытствующий Аполлон подошел поближе. Это было нечто вроде путепровода. Узкая полоса, вогнутая на манер желоба. Детекторы робота определили наличие мощного электромагнитного поля вдоль сооружения. Гладкий серебристый материал, которым была покрыта внутренняя поверхность желоба, припахивал гарью.

Аполлон низко наклонился над желобом, и вдруг сбоку мелькнула какая-то тень, и сильный толчок отбросил его в сторону.

Спустя мгновение вдоль желоба, не касаясь его, со змеиным шипением пронеслась темная масса обтекаемой формы.

Когда Аполлон пришел в себя после краткого забытья, он увидел лежащего рядом с желобом мальчика. Глаза его были закрыты. Робот осторожно потрогал человека. Мальчик застонал и открыл глаза. Аполлона поразил их цвет — они были синими-синими и казались бездонными, как лесное озеро, которое он видел в каком-то сферофильме.

— Аполлон... — прошептал бледными губами незнакомец, делая безуспешную попытку привстать.

— Ты знаешь меня? — удивился белковый.

— Кто же про тебя не знает в Зеленом городке? — слабо улыбнулся мальчик.

— А что сейчас произошло?

— Ты чуть не погиб. Хорошо, что я успел столкнуть тебя с пути.

Робот успел рассмотреть юного землянина: одетый в красный спортивный костюм, он лежал навзничь, как-то неестественно подвернув ногу. Каждый раз, когда он шевелился, лицо его кривилось от боли.

— Что с тобой? — спросил белковый, уже догадываясь об истине.

— Грузовой контейнер задел: я не успел отскочить...

— Куда тебя отнести, юный человек? — мгновенно спросил Аполлон, отчетливо понимая, что если теперь не помчится в биоцентр, то уже не успеет возвратиться вовремя.

Мальчик подумал. Синие глаза его потемнели, как море перед грозой.

— Ты все равно не справишься, — решил он, глядя на темную покачивающуюся фигуру, которая башней нависла над ним. — Делай свои дела. У тебя ведь сейчас решающее испытание, да?

— А ты как?

— Я нажму кнопку биосвязи, и ко мне прилетит экстренная медицинская помощь. Ступай, ступай.

— Как тебя зовут? — спросил Аполлон.

— Николай Искра, — прошептал мальчик.

Удалившись на сотню шагов, вернее, прыжков, Аполлон заметил высоко вдали орнитоцер, который спешил к месту несчастья.

Да, несчастья...

Много лет спустя Аполлон узнал, что у мальчика, который спас ему жизнь, оказался поврежденным позвоночник. Он не мог пойти в звездные капитаны, о чем прежде мечтал, и стал конструктором биокibernетических систем, как Иван Михайлович Карпоносов.

Глава шестая

Подвиг

Когда созреют гроздь звезд,
Расправит плечи Млечный мост.
И тишь падет росой жадной,
И подвига настанет срок.
И августовский ветерок
Повеет ласкою прохладной —
Тогда раскроется душа,
Читай ее, листай страницы!
И из небесного ковша
Тебе захочется напиться.

Неслышно подступала осень, а с нею и школьная пора. По утрам бывало зябко, хотя днем солнце разыгрывалось почти как летом.

Аполлона было не узнать. Сумев с невероятными усилиями восстановить свою память, он даже внешне изменился. Перестал сутулиться, тверже ступал по земле, движения стали более ловкими и быстрыми.

Посоветовавшись с приезжими археологами и музейными работниками из Москвы, которые приехали исследовать находки, сделанные при деконструкции гавани, начальник порта рискнул поручить Аполлону ответственное задание: возглавить группу по восстановлению триремы — древнего корабля, обломки которого также были обнаружены.

Теперь Аполлон то пропадал в библиотеке, где копался в пыльных фолиантах по древней истории, то в информации, но больше всего времени он проводил, конечно, в пакгаузе, где с утра до ночи возились его добровольные помощники — люди и роботы. Там же, посреди пакгауза, на специально сооруженных стапелях, медленно, но верно росло сооружение, день ото дня все более напоминавшее по контурам старинный весельный корабль.

С восстановлением памяти логическое мышление ро-

бота вновь обрело ясность и он перестал преследовать своим вниманием и навязчивыми заботами Колю Искру. И все же Аполлон не мог отделаться от какого-то щемящего чувства к этому сорванцу. В этом причудливом чувстве смешались и смутная вина, и благодарность, и горячее желание защитить, спасти от неведомой опасности...

Однажды Аполлон возвращался в гавань из города. Он нес пачку люминесцентных панелей: робот рассудил, что работы по реставрации древнего корабля можно вести круглосуточно, в несколько смен, а в этом случае для людей необходимо ночное освещение.

Дойдя до бегущей ленты, белковый, не раздумывая, вспрыгнул на нее. Он перестал уже бояться, как в первые дни пребывания в гавани, что потеряет на движущейся ленте равновесие и упадет. Сегодня он даже за поручень не ухватился, хотя ступил на самый быстрый пояс.

Близ порта Аполлон спрыгнул с ленты, тряхнув стариной, и направился в старую часть гавани.

Еще издали он заметил на берегу какое-то движение. Вздволнованные ребята, сбившись в кучку на пирсе, что-то кричали, слов из-за ветра было не разобрать, и все глядели вверх. Поглядел туда и Аполлон. И тотчас, швырнув на землю стопку загремевших панелей, Аполлон понесся огромными прыжками к пирсу, на котором столпились растерянные мальчишки.

Когда в порт пришел новый автоматический кран, он сразу привлек внимание ребят. Говорят, это чудо техники могло производить погрузочно-разгрузочные работы сразу на нескольких плазмоходах, подчиняясь мысленным командам оператора. Но пока огромное сооружение не было смонтировано до конца. Его выдвинутая вперед стрела, нависшая над морем, напоминала шею доисторического животного. Кибернетический механизм еще не

подвезли, и сверкающая громада из металла и разноцветных биопластиков стояла пока без дела.

Стайка ребят вышла из спортивного клуба и направилась в сторону порта.

— Спорим, я на руках доберусь до середины этой штуковины и вернусь обратно,— произнес один из ребят и показал на стрелу автоматического крана. Затем обратил выразительный взгляд на Искру.

— На что спорим? — спросил Коля.

— Проигравший разыскивает Аполлона и извиняется перед ним... ну, в общем, за наше поведение.

— Что-то его вообще не видать в порту,— добавил кто-то из ребят.

Коля, прищурившись, посмотрел на автоматический кран, стрела которого, оканчивающаяся крюком, похожим на вопросительный знак, нависла далеко над беснующимися волнами.

— Перед Аполлоном я и так извинюсь,— тихо сказал он после паузы.— Мне до сих пор стыдно. А что касается крана... я на руках доберусь до самого крюка!

Ребята загомонили, пытаясь отговорить его. Затея слишком опасная, каждый понимал это.

Но Коля уже, как говорится, закусил удила. Скинул тужурку, закатал рукава рубашки. Прикинув на глазок высоту, он поплевал на руки и решительно полез вверх. Карабкаться по ажурной башне оказалось легче, чем он думал.

Добравшись до вершины, он посмотрел на сгрудившихся у подножия ребят.

Приятель что-то крикнул, но из-за гудящего ветра и шума волн было не разобрать слов. Коля показал пальцем на уши.

Тогда ребята крикнули хором:

— Возвращайся!

В ответ он упрямо покачал головой и ухватился обеими руками за горизонтальную стрелу. Болтая в воздухе

ногами, начал медленно, рывками продвигаться в сторону крюка, которым оканчивалась стрела.

Уже через несколько метров пути ладони мальчика начали гореть, словно натертые наждаком. Мешал ветер, который здесь, на большой высоте, был гораздо сильнее, чем внизу. Его порывы раскачивали тело, и удерживаться становилось все труднее.

Фигурки ребят металась внизу, на молу. Они размахивали руками, что-то кричали. А внизу, под ногами, ходили разъяренные волны, но туда было лучше не смотреть.

Добравшись до середины, Коля остановился. Вернуться? Нет, ни за что! Только бы до крюка добраться, на нем можно посидеть и отдохнуть. С том, как он будет проделывать обратный путь, Коля предпочитал не думать.

Сцепив зубы и закрыв глаза, мальчик медленно, как во сне, перебирал руками. Ладони жгло невыносимо.

Еще метр... Еще полметра... Налетел порыв ветра, Коля качнулся, и пальцы сами разжались...

Ребята в один голос вскрикнули. И вдруг... Какое-то огромное угловатое существо, описав параболу, перелетело через пирс и бултыхнулось в море, подняв фонтан брызг.

С силой колотя по воде всеми щупальцами, робот плыл к месту, от которого расходились круги.

— Аполлон! — крикнул кто-то.

Достигнув места, где Коля ушел под воду, белковый нырнул. Ребята затаили дыхание.

Долго, очень долго на поверхности никто не появлялся. И вот с шумом, словно морж, вынырнул Аполлон. Он был один.

Продержавшись на поверхности несколько секунд, робот погрузился снова.

Шторм усиливался. Мол начинал подрагивать под ударами разъяренных волн, и после каждого удара брыз-

ги взметывались всером и падали холодным соленым дождем.

Следовало, конечно, бить тревогу, вызывать экстренную помощь, но в эти мгновения ребята словно оцепенели, настолько неожиданным было все происшедшее.

Первым пришел в себя приятель Коли. Он рванулся в сторону столбика, на котором светилась надпись: «Инфор», но его остановил дружный крик, вырвавшийся в это мгновение у остальных. Он обернулся: из воды вновь показался Аполлон. В щупальцах-клешнях, высоко поднятых над головой, он бережно держал Колю. Тело мальчика обвисло, глаза были закрыты.

Аполлон поплыл к берегу, но как-то неровно, судорожными толчками. Еще не достигнув мола, он начал медленно погружаться в воду. Порой волны захлестывали его с головой, и тогда над поверхностью оставалось только тело Коли, поддерживаемое щупальцами, да кустик антенны.

Приятель Коли наконец добрался до инфора, включил панель вызова, быстро и сбивчиво, глотая слова, рассказал о случившемся. Потом кинулся к остальным, которые цепочкой выстроились вдоль мола, несмотря на штормовые брызги, вымочившие всех до нитки.

Дружными криками ребята подбадривали Аполлона: больше ничем ему они помочь не могли.

Уже почти добравшись до берега, робот вдруг замер, остановился. Огромные круглые глаза его потускнели, а щупальца беспорядочно задержались.

Последним отчаянным усилием белковый размахнулся и точным броском — его еще успел рассчитать гаснущий мозг — бросил мальчика на кучу песка, насыпанную на краю мола, а сам медленно погрузился в воду...

Когда Аполлон, свернув в гавань, увидел, как мальчик сорвался со стрелы, он ни мгновения не раздумывал. Он не подумал в этот момент о том, что накануне робо-

мастер запретил ему перенапряжения, сказав, что они в любой момент могут привести к необратимой гибели. Ведь его действиями теперь, как и всегда, руководили не только точный расчет; но и эмоции, заложенные в него конструктором-воспитателем. Среди них главным было чувство привязанности, любви к человеку. И не только к какому-то одному, определенному, но и ко всему человечеству в целом. Тысячи знакомых и полужнакомых человеческих лиц вдруг выплыли из возрожденной памяти и промелькнули перед Аполлоном, когда он, оттолкнувшись по-молодому спружинившими щупальцами от пирса, круто взвился вверх и нырнул в бухту, подняв целую тучу брызг.

Коля очнулся на руках у отца. Вокруг стояло множество людей, притихшие друзья теснились позади.

Отец спросил:

— Как себя чувствуешь?

— Ничего... Только ладони горят,— еле слышно прошептал Коля.

— Это понятно,— усмехнулся отец.

— И все тело болит.

— От искусственного дыхания. Скоро пройдет, не страшно,— успокоил отец.

Протиснувшись сквозь толпу, к Колиному отцу подошел старший инженер гавани. Он выглядел расстроенным.

— Товарищ начальник порта,— произнес он.— После того как водолазы его выловили, мы немедленно доставили его в центральную роботомастерскую, как вы распорядились...

— Ну и что там сказали? Есть надежда? — нетерпеливо спросил старший Искра.

Коля замер.

Инженер развел руками.

— Ничего не удалось сделать.

- Кто его смотрел?
- Лучшие роботомеханики гавани.
- А каков диагноз?
- Необратимо поврежден главный витаблок. Эмоциональное напряжение, которое испытал робот, оказалось для изношенных систем губительным.
- Аполлон...— прошептал Коля.

Находка

Я никогда не представлял себе собственную жизнь без моря. Не то, чтобы я был какой-нибудь там страшный морской волк, продубленный всеми пордами и вестами капитан, который только и знает, что вечно бороздить водные просторы. Нет!

Правда, я в детстве мечтал быть морским капитаном, но это так и осталось неосуществленной мечтой. Однако еще с тех времен сохранилось у меня чувство, которое можно назвать неистребимой жаждой моря.

Пусть не бороздить на судне море, нет, но хотя бы жить и работать подле него. Знать, что море всегда рядом, доброе, а порой и жестокое, вечно непредсказуемое.

Окончив Московский инженерно-физический институт, я долго не раздумывал над тем, куда бы хотел получить назначение, и вызвал улыбку членов распределительной комиссии, когда на их традиционный вопрос о моих пожеланиях относительно места моей будущей работы выпалил, не задумываясь:

— Куда угодно, на любой объект, лишь бы поближе к морю!

Что ж, в каком-то смысле моя детская мечта сбылась. Я живу и тружусь у моря. И есть своя закономерность в том, что именно здесь я нашел свою судьбу.

Люблю, когда выпадает свободный часок, побродить у моря, ловя его дыхание, влажное, солоноватое, то мяг-

кое и ровное, то жесткое и прерывистое. Люблю постоять на мокрой прибрежной гальке, наблюдая за торопящимися издали волнами.

И разве случайно именно здесь произошло событие, которому суждено было наполнить всю мою дальнейшую жизнь смыслом?

Но расскажу все по порядку.

Мыс почти правильным полукругом уходил в море. Интересно, кому пришла в голову не слишком умная мысль устроить именно здесь киберсвалку? Ведь это место самой природой предназначено под причал. Теперь, когда Мировой океан по населению обогнал сушу, удобные причалы стали необходимы людям, как кислород.

Море всегда навевало на меня раздумье. Я медленно шел берегом, прибой лениво шевелил гальку, следы моих ног мгновенно наполнялись водой. На широкий лоб моря набегали белые морщины волн. Немало повидало оно на своем веку. Жаль, песок не хранит следов, он, наверное, о многом мог бы рассказать. О том, например, как проходил здесь мой коренастый пращур в свисающей с плеча медвежьей шкуре, со шрамом на виске, оставленным страшными когтями...

Быть может, именно здесь первое пресмыкающееся вылезло из теплых и ласковых морских глубин на обжигающий жесткий песок, под огненные лучи мохнатого рыжего зверя, изготовившегося к прыжку в недостижаемо высоком небе?

А может, в те времена, когда и жизни на Земле не было, на эту гладь, близ грани тверди и прибоя, опускались корабли инопланетных мыслящих существ?

Давным-давно, на заре времен, жизнь нашей молодой планеты шагнула на сушу из своей колыбели — Мирового океана.

Теперь, на очередном этапе истории, завоевав не только всю сушу Земли, но и ближний космос, человек вновь обратил взоры к морю — прародителю жизни.

Подойдя к мысу, я замедлил шаги. Отличное место

выбрал Совет для перевалочного пункта. Тут круглосуточно велись работы. Вскоре и в этом месте любой, кто захочет, сможет пересечь границу двух стихий — земли и моря.

Место здесь, конечно, пустынное, и причал будет не столь грандиозным, как, скажем, в Приморске, где я окончил интернат. Работники морских хлорелловых плантаций или придонныхстроек, расположенных поблизости, смогут выходить здесь на берег, чтобы провести на пляже свой день отдыха.

Я представил себе сооружения, которые вырастут вскоре на мысе. Кружевная башня, излучающая ультраволны, — маяк для тех, кто находится в толще воды. Камера перехода, похожая на большой пузырь, переливающийся всеми цветами радуги. Бегущая лента с вечно мокрыми перилами, которая, начинаясь в камере перехода, веселым ручейком стекает в море...

По решению Совета, такие сооружения воздвигались на примерно равных интервалах вдоль побережий всех континентов Земли.

У самого мыса я остановился, наблюдая за машинами, расчищающими столетние залежи лома. Наблюдать за умными машинами было, конечно, интересно. Но не только они влекли меня на мыс. Неподалеку располагался линга-центр... Но это уже другая материя...

Экскаваторы размеренно трудились, добросовестно переносили и опрокидывая в вагонетки ковши, из которых во все стороны торчали обломки покореженных механизмов — перепончатые щупальца, ломаные зубчатки, изогнутые пружинки и еще бог весть что.

Вечерело. Апрельское солнце готовилось нырнуть под горизонт, и моя тень вытянулась далеко вперед. Я уж совсем собрался было идти дальше привычной тропкой, как вдруг мое внимание привлек один из ковшей. Заглатывая очередную порцию обломков, он слегка дрогнул и замер, упершись в преграду — старый контейнер. Миг — и сверкающее лезвие надвое разрезало заржавленный

цилиндр. Из половинок его высыпались листки. Весенний ветерок подхватил их и короткими перебежками со своей добычей двинулся к морю.

Сам не знаю зачем, я подошел и подобрал несколько оставшихся листков. В неровном пламени автогена листки казались желтоватыми. Каждый был исчерчен письменами, ни на что не похожими. Я подровнял пачку и сунул ее в карман, тотчас забыв о находке.

Когда я поднимался к линга-центру, уже совсем стемнело. День выдался напряженный, и я устал. Перед глазами все еще стоял лист ватмана, исчерканный вдоль и поперек. Но по крайней мере до завтрашнего утра я мог не думать о нем. Так приятно было шагать узкой тропкой, всей грудью вдыхая соленую живительную прохладу. Пахло едва проклюнувшимися почками, и нагретым за день камнем, и морем, морем...

Тропка сделала последний поворот — впереди среди колючих ветвей показался матово светящийся купол.

Я ускорил шаг.

Лена, как всегда, ждала меня — ее тонкий силуэт выделялся на фоне стены, за которой высился купол. Все мне было здесь так знакомо, так близко, что не верилось: неужели всего месяц назад я и не подозревал о существовании линга-центра, ничего не знал о его старшем операторе?..

— Здравствуй, Андрей! — весело крикнула Лена сверху.

— Добрый вечер!

— Поднимайся сюда!

Хорошо было стоять на маленькой площадке, окаймленной гранитными барьерами. Мы смотрели вниз. Было новолуние, и море там, вдали, скорее угадывалось, чем виднелось.

— Мыс почти расчищен. Наверно, завтра киберы монтаж начнут, — сказал я.

Лена кивнула.

— Мне сегодня попался интересный текст, — сказала

она.— Наказ вождя о подготовке племени к переходу через огненную пустыню.

— На чем текст? — поинтересовался я.— Кора?

— Камень вулканического происхождения. Из Космo-центра привезли.

— Легко расшифровалось?

— Что ты! Целый день мучилась. Чуть информатор не сожгла!

— Камень с Марса, наверное?

— С Аларди.

— Аларди? — повторил я название незнакомой планеты.

— Созвездие Центавра,— пояснила Лена.

Над линга-центром прорезались звезды. Стало свежо, я снял куртку и набросил ее на плечи Лены.

— Что это? — Она опустила руку в карман и вытащила узкий пластиковый листок.

Я коротко рассказал, как он попал ко мне.

— Какой это язык, как ты думаешь? — спросил я.

Лена рассматривала мою находку, так и сяк вертя ее при скудном свете.

— Не знаю... Такие письма я вижу впервые,— тихо сказала она.

— Может быть, в этих знаках вообще нет никакого смысла? — спросил я.

Лена, не отвечая, подносила листки к светящейся панели, внимательно рассматривая каждый.

— Все может быть,— произнесла она наконец после долгой паузы.— Знаешь, что? Я попробую дать их дешифратору.

Мы вошли в машинный зал. Высокий купол-потолок сливался с вечерним небом. Над панелями бессонно перемигивались лампочки. Машинам нет дела до того, утро сейчас или вечер. День и ночь заняты они тем, что пытаются расшифровать письма, привезенные астронавтами с далеких планет. Задача сложная, и не всегда, далеко не всегда поддается она решению. Корабли при-

возят знаки, вырезанные на коре тропических деревьев, нацарапанные на твердой почке, высеченные на глыбах гранита. Не все удастся линга-машинам разобрать сразу. Но то, что удастся, навечно оседает в их бездонной памяти, помогая дальнейшему штурму таинственных знаков...

Лена дала задание дешифратору.

После мы пили чай с медом, слушали музыку, как всегда, читали старые стихи. Я посмотрел на часы, встал и начал прощаться. И в этот миг дешифратор загудел. На пульте загорелся ровный глазок. Лена нагнулась к переговорной мембране.

— Какой это язык? — спросила она.

Дешифратор не ответил.

— Совсем как ты, — усмехнулась Лена. — Предпочитает промолчать, чем сказать: не знаю.

— А может, дешифратор перенял... — начал я, но Лена жестом велела мне молчать: дешифратор что-то произнес быстро и неразборчиво. Лена глянула на меня и повернула регулятор скорости воспроизведения.

— ...Стена заполняет собой весь мир, разрезая его надвое, — медленно, чуть не по слогам произнес механический голос, лишенный всякого выражения. — Нет ей ни конца, ни края. Стена, похожая на волну неведомого моря, вдруг вставшую на дыбы...

Дешифратор дважды произнес последнюю фразу и умолк.

— Дальше, дальше, — снова нагнувшись к переговорной мембране, заторопила Лена.

— Дальше следует темное место... Логический пропуск... — сказал дешифратор. — Пытаюсь сопоставить с прежними вариантами расшифровки...

С минуту мы тщетно ждали продолжения.

— Что же ты не подобрал все листки? Машине было бы легче, — упрекнула меня Лена. — Чем больше материала, тем проще поддается он расшифровке.

— Откуда было мне знать, что в них есть хоть какой-

нибудь смысл? — пожал я плечами. — Когда я посмотрел на квадратики и ромбы, соединенные кривыми линиями, то решил, что это упражнение ополоумевшей машины, изгнанной из линга-центра.

Лена не улыбнулась — она не приняла шутки.

— А вдруг там что-нибудь осталось? — сказала она.

— Где? — не понял я.

— На берегу.

— Говорю же тебе — ветер сразу подхватил их...

— А вдруг? — перебила меня Лена.

Я с сомнением покачал головой.

— Давай попытаем счастья? — Лена схватила меня за руку, и мы выбежали из зала.

Я прихватил фонарик, и струящаяся тропинка была поэтому для нас явственно различима, хотя протоптали ее только двое.

— Вот... здесь... лежал контейнер, — тяжело дыша, сказал я, указывая на место, ровное, как стол, — киберы сегодня превзошли самих себя.

Не отвечая, Лена подошла к берегу. Стоял прилив, и почти вся песчаная полоса была залита водой. Листков, которые мы искали, не было и в помине.

— Листки тяжелые? — задумчиво сказала Лена. — Наверное, тяжелее воды. Может быть, часть их осталась на дне? Раздевайся! — решительно заключила она.

Черная вода лежала у наших ног.

Я отдал фонарик, чтобы освободить руки, и перешагнул белую каемку прибоя.

Сильный луч следовал за мной по пятам, освещая пятачок каменистого дна. Потревоженные крабы бестолково шныряли во все стороны. Листков нигде не было: наверно, приливные течения унесли их в глубину.

Окончательно продрогнув, я уже совсем решил выходить, но в этот момент упорство искателя было вознаграждено. Отыскалось несколько листков, попавших в расщелину между камнями. Правда, после этого мне ничего не попадалось, несмотря на поиски.

— Н...навверное, в...вода смыла знаки,— сказал я, выйдя на берег и протягивая Лене один листок. Она навела на него луч: угловатые письма, чем-то напоминающие математические символы, четко выделялись на потемневшей поверхности.

Я сделал несколько кругов, чтобы согреться, а потом пошел проводить Лену — ей надо было дежурить до утра.

Но уйти с линга-центра мне так и не пришлось. Мы до рассвета слушали странную повесть, которую рассказывал дешифратор. Он часто прерывался и надолго умолкал.

Тускло звучал монотонный голос, и перед нами разворачивались загадочные картины чужого бытия, чужой планеты.

Кто скажет, когда и где это происходило?

Хроника ли это подлинных событий?

Или неумеренная и мрачная фантазия какого-нибудь древнего автора?

...Румо медленно отдал команду, и манипулятор послушно переместил его к хранилищу — низкому строению, собранному из листов гофрированного пластика. Румо заглянул в отсек и вздохнул: снова, как вчера, он был заполнен не больше, чем на треть. Видно, у... (в этом месте дешифратор запнулся, — наверно, подыскивал равнозначное слово в нашем языке), — видно, у белковых снова начался период сезонной хандры. А может, что-нибудь похуже? Значит, опять бесконечная возня с настройкой логических блоков. Надо сказать, опасная возня: если белковый (в этом месте дешифратор снова запнулся), если белковый, неловко повернувшись, случайно заденет землнца — тому не поздоровится.

Будь они прокляты, тупые автоматы.

Нет ничего ужасней однообразия, подумал Румо. Ну, отрегулирует он белковых роботов, а что толку? И зав-

тра, и послезавтра, и через месяц, и через десять лет одно и то же. Пшеница, пшеница, пшеница... Как будто нет ничего на свете, кроме пшеницы. Ни моря, ни мегаполиса, ни открытого космоса.

— Мегаполис — что это такое? — быстрым шепотом спросила у меня Лена, когда дешифратор запнулся.

— Кажется, огромный город. Бесконечный город или что-то вроде этого, — ответил я.

И тут же динамик ожил снова.

Другим землецам хоть бы что — они довольны своей судьбой. Некоторые даже считают, что лучше доли землеца вообще на свете нет! А что, им нельзя отказать в известной логичности. Каждый землец обладает манипулятором — совершенной машиной, которая послушно и умело выполняет все его команды, по требованию хозяина доставит его куда угодно — разумеется, в пределах зоны, даже укачает, если на землеца нападет вдруг бессонница...

А урбаны? Живут в вечной копоти, в грохоте и лязге, говорят, у них там в мегаполисе и дышать-то нечем...

Все это так.

И все-таки Румо мечтал о мегаполисе, скрывая сокровенное даже от самого близкого друга. Он и сам не знал, как зародилась эта мечта. Ведь со дня рождения судьба его была предрешена: весь путь его — от колыбели до смерти — лежал под знаком пшеничного колоса...

Но каждое слово воспитателей, направленное к тому, чтобы лишний раз растолковать, как прекрасна судьба землеца, вызывало у юного Румо неосознанный протест.

Пшеница — штука тонкая. Собирать полный урожай с каждого квадрата, не дать пропасть ни единому зернышку — дело непростое. Ведь созревание каждого квадрата рассчитано чуть ли не по часам. Промедли с одним участком — и дела на соседних полетят к черту. А тут

еще имей дело с исполнителями — белковыми роботами, за которыми нужен глаз да глаз.

С белковыми у Румо были свои особые счеты. С первого дня знакомства он невзлюбил это племя.

В тот день на опытном поле воспитатель дал ему первое самостоятельное задание — убрать участок с помощью белкового робота. С утра хмурилось, однако служба погоды сообщила, что дождя не будет, и Румо отправился на выделенный ему участок в манипуляторе с открытым верхом.

Сначала все шло хорошо.

Румо устроился на пригорке, отдал нужные команды белковому, и тот приступил к работе.

Овеваемый ветерком, Румо задремал. Его разбудила тяжелая капля, упавшая на лоб. Румо открыл глаза, испуганно огляделся: к счастью, он был один на участке, провинности его никто не заметил. Вдали маячила фигура белкового робота, размеренно, как машина, убиравшего пшеницу.

Нужно было поднять верх у манипулятора, однако даже такая физическая нагрузка была не под силу землецу. Да и к чему? Для выполнения низменных усилий имеются белковые роботы, а дело землеца лишь отдавать команды.

Румо отдал команду, однако белковый даже не поднял головы, продолжая клешнями, словно ножницами, срезать колоски. «Наверно, испортился биопередатчик», — подумал Румо и крикнул, но его голос был заглушен хлынувшим ливнем. Румо попытался сам поднять верх манипулятора, но его слабые руки лишь бессильно скользили по складкам ребристого перепончатого укрытия. Он сразу же вымок до нитки, холодные потоки били в лицо, сбегали по спине, и Румо ощутил себя вдруг совершенно беспомощным. Он кричал до хрипоты, кричал чуть не плача, но робот так ни разу и не обернулся. Лишь когда дождь кончился и пора было возвращаться на учебную базу, робот пересчитал контейнеры, набитые собранными

колосками — ливень, конечно, был ему нипочем,— и вперевалку подошел к манипулятору, в котором сидел посиневший от холода его хозяин-землец.

— П...почему ты не ответил на мой биовызов? — спросил Румо. Хотя у него зуб на зуб не попадал, он старался, чтобы голос звучал строго: ведь с этим белковым истуканом ему предстоит работать долгие годы, каждые пять лет переходя с одного участка пшеницы на другой, определяемый игрой жребия — слепого случая. Не дай бог, если робот сразу почувствует в нем слабину.

— Не слышал,— ответил белковый.

— Но я кричал.

— Дождь шумел,— пояснил белковый, разведя клешнями в стороны.— А что случилось?

— Случилось то, что твой хозяин промок,— строго сказал Румо.

— Прекратить дождь не в моих силах...

Румо с неприязнью посмотрел на плотную фигуру робота, застывшего перед ним с идиотским видом.

— Но в твоих силах поднять верх у манипулятора,— произнес Румо.

Робот переступил с ноги на ногу.

— Справедливо,— согласился он и тут же, словно в насмешку, без всяких усилий натянул над Румо прозрачную перепонку.

«Сейчас же поставь на место»,— хотел было крикнуть Румо, но сдержался, опасаясь, что это будет выглядеть смешно. Он вытащил из мокрого кармана плоский шарик биопередатчика и принялся его рассматривать. Но как определишь по внешнему виду, исправен ли он. Разобрать передатчик имеет право только воспитатель, надо будет обратиться к нему вечером...

— Можно? — протянул клешню робот. Румо знал, что взгляд белкового в отличие от взгляда землеца или даже урбана способен проникать сквозь непроницаемые перегородки. Он дал передатчик роботу. Тот повертел его,

сказал: — Да, передатчик неисправен,— но, возвращая, сжал шарик так, что он треснул.

Когда Румо вернулся на базу, его подняли на смех.

— Мокрая курица в упаковке! — такими словами приветствовал его воспитатель.

Румо объяснил, как было дело, но сам же вышел кругом виноватым.

— Белковый — машина,— поучал его воспитатель.— Он делает только то, что ты ему велишь. Твое дело — только отдавать команды. Ну а ежели ты и команду толком не умеешь отдать, то куда ты годишься?

В продолжение всего поучения белковый робот, который был с Румо, стоял рядом с безучастным видом.

— Но он поломал мой биопередатчик,— со слезами в голосе произнес Румо, показывая на робота.

— Разве тебе не известно, что за передатчик отвечает землец, а не его белковый? — строго сказал воспитатель.

Этот эпизод врезался в память Румо на всю жизнь. Разве можно забыть то унижительное чувство собственной беспомощности, с которым сидел он в открытом манипуляторе под дождем, не будучи в силах поднять верх, в то время как белковый спокойно занимался своим делом, не слыша (или делая вид, что не слышит) отчаянных криков своего хозяина?

И вообще, он, Румо, наверно, не такой, как все.

Других почему-то слушаются белковые роботы, а его нет.

Другие довольны судьбой землеца, а он нет.

Другие готовы с утра до ночи обсуждать агрономические тонкости выращивания пшеницы, а он предпочитает уединяться, чтобы без помех можно было мечтать о мегаполисе.

Среди других землецов Румо чувствует себя отщепенцем, белой вороной.

Но кто заронил в душу юного землеца мечту о мегаполисе?

Однажды в группе, где обучался Румо, появился новый землец. Как-то Румо, перемещаясь по коридору в своем манипуляторе, случайно уловил обрывок разговора, который вели между собой воспитатели. Румо догадался, что разговор идет о новичке, и, замедлив ход, навострил уши.

— Падший ангел,— сказал один воспитатель со скверной усмешкой.

— Он получил по заслугам,— пожал плечами другой.

А третий произнес и вовсе загадочные слова.

— Не исключено, что наша тихая обитель окажется для него лишь пересадочной станцией,— сказал он.

— Наша станция — тупик. Дальше ходу нет,— заметил первый воспитатель.

Третий покачал головой.

— Не скажи,— произнес он.

— Ты хочешь сказать, что его могут...— задохнулся второй.

— Вот именно,— сказал третий.— Только еще материал нужен для него.— И трое воспитателей умолкли, ожидая, пока землец скроется.

У Румо новичок пробудил жгучий интерес. Он был не такой, как все. Поступки его носили печать самостоятельности, с воспитателями он вступал в пререкания, что было вещью неслыханной, по крайней мере для Румо, а к обязанностям земльца относился без видимого энтузиазма.

В тот же день их учебные участки оказались рядом. Румо и новичок разговорились. Начали они осторожно и о вещах нейтральных — каждый не без основания опасался подвоха. Но постепенно, слово за слово, прониклись взаимным доверием.

— Нравится тебе быть землецом? — спросил новичок.

— Не знаю...— смутился Румо.

Новичок вздохнул.

— Знавал я и лучшие времена,— сказал он.

— Разве ты не землец? — осмелился спросить Румо. Новичок покачал головой.

— Ты же видишь,— сказал он.— Приходится осваивать пшеницеведение и робототехнику с азов.

Хотя новичок выглядел юным, лицо его казалось усталым, а губы, когда он молчал, скорбно поджимались.

— Кто ты? — спросил Румо.

Новичок не спешил с ответом. Он сначала огляделся, пристально посмотрел на двух роботов, видимо, занятых своим делом, и лишь затем произнес вполголоса:

— Я — урбан.

В первую минуту Румо онемел. Впервые в жизни видел он живого урбана. Но затем в душе мальчика зашевелилось сомнение.

— Урбан? — переспросил он.

— Да! — подтвердил новичок.

— Но урбаны умеют ходить, а ты в манипуляторе.

Новичок дернулся на сиденье так, что манипулятор его покачулся на гибких щупальцах.

— Раньше и я умел ходить, малыш...— сказал он.

Румо недоверчиво хмыкнул.

— Почему же сейчас не ходишь?

— У меня нет ног,— медленно сказал новичок.— Потерял в уличной стычке.

— Уличной? — недоуменно повторил Румо незнакомое слово.

— Эх ты, землец зеленый,— улыбнулся новый знакомый Румо.— Улица — это... Как бы тебе объяснить? Ты в горах бывал?

— Издали видел,— сказал Румо, не сводя с новичка жадного взгляда.

— Представь себе узкое горное ущелье. Ты идешь по нему... ну, перемещаешься в манике, а слева и справа вместо гор — дома.

— Такие большие?

— Даже больше. А в домах живут люди. Много людей.

— Урбаны,— восхищенно произнес Румо.— Какие они, урбаны?

— Такие же, как я,— сказал новичок.— А ущелье — это и есть улица.

Румо что-то пробормотал и отвел взгляд. Легендарный образ урбана, обитателя мифического мегаполиса, титана, красавца и всемогущего силача, никак не вязался с этим изможденным, усталым, а главное, совершенно обычным на вид землемом. И ходить-то он не умеет... Какой же он, урбан?

— Подойди-ка сюда,— сказал новичок, словно угадав мысли Румо.

Когда манипулятор мальчика приблизился, новый знакомец откинул у себя полог. Вместо ног Румо увидел короткие обрубки.

Значит, урбаны по виду такие же, как землемы! Только ходить умеют. Что ни говори, а это, наверное, очень здорово — ходить по земле.

— Из-за той потасовки меня и перевели в землемы,— сказал новичок.— Справедливости захотел,— покачал он головой.

Румо не понял, о какой справедливости идет речь, но спрашивать не стал. Его интересовало другое. И новичок долго, до вечера, рассказывал ему о далекой, как сказка, и страшной, как сон, жизни в мегаполисе. Голова мальчика пошла кругом. Он даже забывал своевременно отдавать команды своему белковому.

— Что у вас там хорошего, в мегаполисе? — сказал Румо.— Теснотища, друг на друге живете. Пыль, чад, дышать нечем, сам говоришь...

— Все так,— согласился новичок.

— Да и опасно у вас там на улицах,— продолжал Румо.— Можно ноги потерять...

— И даже жизнь. Но зато у нас есть борьба,— сказал новичок.— А быть рабом, по-твоему, лучше?

— Рабы — это белковые роботы,— сказал Румо,— они подчиняются нашим командам.

— А вы, землецы, разве ничьим командам не подчиняетесь? — спросил новичок.

— Мы свободные возделыватели пшеницы, — повторил Румо заученную фразу.

Новичок усмехнулся.

— Да, конечно, ты свободен, — сказал он. — Если не считать того, что сейчас подчиняешься воспитателям. А потом точно так же будешь подчиняться сборщикам урожая.

— Таков общий порядок, — пробормотал Румо.

— Чем же в таком случае ты отличаешься от них? — кивнул новичок в сторону белковых роботов, чьи полусогнутые фигуры продолжали маячить на соседних участках. Румо окинул свой участок, и его белковый, поймав взгляд хозяина, быстро отвел глаза в сторону — в лучах заходящего солнца сверкнули блюдца-фотоэлементы. Поведение белкового показалось Румо подозрительным. Он отдал по биопередатчику команду, и движения белкового убыстрились. Ну, так кто же из них двоих раб?

— Ты раб, как и он, — сказал новичок.

— Каждому свое, — произнес Румо, цепляясь за афоризм своего воспитателя как за последнее прибежище.

— Что ж, ты прав, — неожиданно согласился безногий урбан. — Раб должен подчиняться, а человек — бороться.

Румо ждал совсем другого. Ему хотелось, чтобы новый знакомый доказал, что как бы там ни было, а урбану в тысячу раз лучше, чем землецу, что дым и пыль мегаполиса милее, чем ветер с унылых пшеничных полей, что лучше борьба и риск, чем безрадостное, растительное существование. Мальчик не сумел бы столь рельефно и ясно изложить свои мысли, он думал именно так.

Однако высказать урбану все, что нахлынуло, он не успел. Вдали показалась машина воспитателя. Она неслась на полной скорости, так что ветер свистел под днищем. Румо побледнел.

— Почему вы вместе? — спросил воспитатель, круто осадив машину. — Каждый землец должен работать на своем участке.

— Мы на минутку... пока белковые заняты... — пробормотал Румо.

Глаза урбана сверкнули.

— А какую инструкцию мы нарушили, воспитатель? — дерзко спросил он.

— С тобой мы еще разберемся, — бросил воспитатель и двинулся на участки. Квадрат новичка был в порядке — придаться было не к чему, как ни хотел того разъяренный воспитатель. Белковый, регулярно получая биокоманды, работал исправно, и дневной урок — два полных контейнера пшеницы — был выполнен.

Зато на участке Румо дела обстояли похуже. То ли юный землец отдавал нечеткие команды, то ли вообще позабыл о них, во всяком случае, поле являло собой печальную картину. Значительная часть его была — неслыханно! — вытоптана массивными ступнями белкового робота. Драгоценные зерна и колосья пшеницы были вдавлены в почву. Один контейнер заполнен лишь на треть, другой пуст.

Воспитатель вернулся к землецам, оба робота шагали за ним.

— Ты и твой робот будете наказаны, — сказал воспитатель, обращаясь к Румо. — Строго наказаны. Ну а с тобой, — обернулся он к бывшему урбану, — разговор особый. О чем ты говорил с ним? — кивнул он в сторону Румо.

— О счастливой доле землеца, — спокойно ответил тот.

Лицо воспитателя налилось кровью.

— Все на базу, — прохрипел он.

На базе Румо подвергли многочасовому унижению допросу. Однако мальчик стойко отражал атаки. О чем они говорили с безногим? На нейтральные темы. Касались вопроса о том, какая почвенная смесь является

наилучшей для пшеницы, обсуждали другие агрономические тонкости. Мегаполис? Нет, мегаполиса не касались. А какое могут иметь отношение земледельцы к мегаполису?

— Здесь я задаю вопросы, а не ты! — закричал, выходя из себя, воспитатель. Размахнувшись, он ударил Румо по щеке. Жаркая волна залила мальчика. Он ухватился слабыми руками за борт манипулятора, словно пытаясь выпрыгнуть. Но немощные руки подломились, и Румо рухнул на сиденье.

В это время в комнату вошел еще один воспитатель — тот самый, который утром в коридоре говорил своим коллегам, что для новоиспеченного земледельца их тихая обитель окажется лишь пересадочной станцией.

— Оставь его, — сказал вошедший, пренебрежительно махнув рукой в сторону Румо. Отведя воспитателя, который допрашивал Румо, в сторонку, он что-то заговорил быстрым шепотом. Румо, как ни напрягал слух, уловил только два слова: «его белковый». Румо решил было, что проклятый белковый истукан пожаловался на него, но, к счастью, все обошлось.

— Может, выдумывает? — сомневаясь в чем-то, спросил воспитатель.

— Он на пленку записал. Я сам ее прослушал, — ответил вошедший. — Правда, дистанция была большая, слышно неважно, но разобрать можно.

Воспитатель потер руки.

— Значит, спекся голубчик, — сказал он довольным голосом.

— Я это сразу предсказывал, — заметил вошедший воспитатель.

— Ну а теперь куда же его?

— Ясно куда... С конечной станции может быть только один путь...

В продолжение этого разговора Румо сидел ни жив, ни мертв. В коридоре слышались тяжелые шаги. Дверь

отворилась, и в помещение, мерно ступая, вошли два робота, те самые, которые сопровождали сегодня Румо и новичка-землеца. Они несли на могучих, сложенных крест-накрест руках нового знакомого Румо... Безногое тело его обмякло, но глаза с вызовом смотрели вокруг.

— Допрыгался,— бросил воспитатель Румо.— Не будешь больше воду мутить.

— Попляшешь на нитке,— добавил другой воспитатель и сделал всем понятный жест.

Взгляд безногого остановился на Румо.

— Посмотри-ка, посмотри-ка на него! — вдруг крикнул воспитатель, указывая на Румо.— Это настоящий землец, он-то и помог изобличить тебя...

Румо хотел что-то сказать, но от чудовищной лжи воспитателя у него перехватило дыхание. А когда он обрел способность говорить, несчастного новичка и двух роботов уже не было в комнате.

— Ты молодец, Румо,— ласково сказал его воспитатель как ни в чем не бывало.— Отличился сегодня. Я похлопочу, чтобы старший вручил тебе жетон «Настоящий землец».

Жетон Румо не вручили, но наказанию за пустые контейнеры он не подвергся.

Что касается безногого урбана, то его никто больше не видел.

...Он, Румо,— единственный человек на огромной площади в сотню квадратных лим.

В день совершеннолетия Румо вытащил жребий с изображением колоса и координат квадрата, с которого он отныне в течение долгих пяти лет должен был снимать урожай пшеницы. А потом что? Снова жеребьевка? А что толку? Грено говорит, что все пшеничные участки похожи друг на друга как две капли воды. Грено знает, он сменил не один десяток квадратов.

— Далее следует логический пропуск,— сообщил дешифратор и после короткой паузы продолжал.

Юноша закрывает глаза.

...И вот манипулятор мчит его к Стене. В пути Румо ошупывает в кармане пропуск — крохотный жетон, излучающий на определенной частоте, которая закодирована у перехватчиков Стены. Румо сидит внутри сверкающей капли, которая скользит на воздушной подушке. Раскачивается аппарат, да тихонько поет скорость. А вдали уже вырисовывается контур Стены. Именно такой он и представлял ее, хотя ни разу не видел. Серые плоскости уходят в небо. Если присмотреться, кажется, что они слегка колеблются и дрожат. Но Румо знает, что это защитное поле Стены искажает видимость.

Худо придется тому, кто осмелится без такого вот жетона приблизиться к Стене. Он увязнет в силовом поле, словно в трясине. Затем из башни ближайшего охранного поста выйдут белковые истуканы и втянут нарушителя за Стену.

Стена все ближе. Она заполняет собой все, разрезая мир надвое. Нет ей ни конца, ни края. Она похожа на волну невидимого моря, вдруг вставшую на дыбы.

Манипулятор замедляет ход, сейчас он врежется в Стену или увязнет в защитном поле... И тут совершается чудо. Поле гаснет, и в Стене открывается узкое отверстие. На один миг, но этого достаточно. Стена остается за спиной, и он в мегаполисе.

Мегаполис... Улицы словно бездонные ущелья. Тысячэтажные дома-гнезда. Грено рассказывал, что в таких домах можно прожить всю жизнь, так и не выйдя ни разу на вольный воздух. Ну и пусть, и пусть! Он готов на все, что угодно, только бы попасть туда, в сказочную державу, навек заказанную для землеца.

Румо едва ли мог бы объяснить, какая сила влечет

его в таинственный и запретный мир, называемый городом. Однако мечта его была неистребима.

Но что толку в мечтах? Его жребий определен до конца — пшеница, пшеница, пшеница... Соседние планеты платят за пшеницу бешеные деньги, там она не родится. Все предпочитают натуральный хлеб, а не синтетический, хотя последний и рекламируют на все лады.

Румо открыл глаза и вздохнул. Видение мегаполиса исчезло.

Одна только отрада — раз в декаду разрешается свидание с таким же землецом, который управляет обработкой одного из соседних квадратов. Спасибо судьбе, ниспославшей ему в соседи Грено. Старик много повидал, умеет рассказывать. Они подолгу беседуют, но каждый раз Румо кажется, что Грено чего-то недоговаривает.

Как губка водой, насыщен участок всякими химикалиями и биостимуляторами. Участок разбит на небольшие квадратики, подобно шахматной доске. Работа проходит по простому графику. Пока в одном углу проходит сев, в другом белковые уже снимают урожай. И так круглый год. Благодаря замкнутому циклу поток зерна, поступающий с бесчисленных квадратов, не иссякает. Сборщик, осуществляющий контроль, внимательно следит за каждым квадратом, его не проведешь.

И сегодня недобор. Сборщик опять поставит ему минус. Пять минусов, и Румо накажут токовым разрядом. Грено говорит — удовольствие ниже среднего.

В чем же все-таки дело? Почему начали падать сборы? Пульт неизменно подтверждает, что на территории квадрата все в порядке: глазок аварийного сигнала не светится. Это все белковые. Румо инстинктивно чувствует в них врагов, мстительных и злобных. Словами этого не объяснишь, но Румо уверен: белковые его ненавидят! За что? «Извечная ненависть развивающейся системы к тому, что ограничивает ее свободу», — говорит Грено. Может быть, он прав. Но Румо от этого не легче. Его замучила эта атмосфера ненависти и недоговоренности. В по-

следнее время Румо начало казаться, что белковые замышляют что-то недоброе. Простая мнительность, говорит Грено. Хорошо, если так.

Пока Румо предавался мечтам и грустным размышлениям, низкое солнце успело приметно склониться к западу. С поля возвращалась группа белковых. Возвращалась немного позже, чем следовало, — по вызову Румо они должны были быть здесь еще полчаса назад. К этой группе Румо испытывал наибольшую антипатию.

Идолы шагали вперевалку, движения их были заучены раз и навсегда, но на этот раз в походке белковых Румо почудилось что-то вызывающее.

Неужели и землецы вот так же ходили когда-то? Румо невольно усмехнулся с чувством собственного превосходства. Неужели его предки, подобно этим белковым идолам, медленно перемещались, переставляя ноги и неуклюже размахивая для равновесия руками? Грено говорит, что землецы не ходят уже триста лет. К чему ходить пешком, если есть манипуляторы? Маник доставит тебя куда угодно, только пожелай этого.

Вечерело. Румо все оттягивал момент, когда придется заняться настройкой белковых.

Вдали на дороге, пересекающей надвое большой квадрат поля, показалась точка. Румо приставил ладонь козырьком. Сборщик? Но сегодня не его день. Вглядевшись, Румо вскрикнул от радости: Грено!

Румо двинулся навстречу гостю.

Грено испытывал необъяснимое чувство симпатии к этому юноше с живыми глазами, в которых постоянно отражалась пытливая работа мысли. Даже маник Румо двигался всегда порывисто, скачками, отвечая внутреннему состоянию хозяина. И мечта Румо о мегаполисе была близка, хотя об этом не знал никто.

— Опять недобор, — пожаловался Румо.

— Большой? — с сочувствием спросил Грено.

— Такого еще не бывало, — вздохнул Румо.

— Думаешь, они виноваты? — понизил голос старик,

кивнув в сторону белковых, которые прохаживались перед хранилищем, разминая затекшие мускулы.

— А кто же еще? — горячо сказал Румо.

— Настройку проверил?

— Нет еще, — опустил голову Румо.

— Ладно, вместе посмотрим, в чем дело. Мои тоже капризничают.

Они помолчали, глядя на умирающий закат. На западе слабо светилась ровная дуга горизонта, подобная остывающему слитку металла. Там и сям высились башни искусственного климата, которые тоже обслуживались белковыми. Но даже башни климата не в силах были окрасить удручающего однообразия ровной, как стол, поверхности.

— Слышал я когда-то такие слова: лицо планеты, — сказал Румо, задумчиво глядя вдаль. Немного помолчав, затем повторил: — Лицо планеты... Бессмысленные слова! Что же это за лицо, если оно лишено всякого выражения? На тысячи лет одно и то же: ровное поле.

— Не всегда наша планета была такой гладкой, — возразил Грено. — Когда-то лицо ее имело собственное выражение. Были и сопки, и овраги, и холмы...

— Куда же все это пропало?

— Сгладили. Так удобней выращивать и собирать пшеницу, — пояснил Грено. — Горы остались только где-то в заповедной зоне.

Они медленно двинулись к дороге. Их маники скользили рядом, бок о бок, словно две лодки.

— Скажи, Грено, — начал Румо, — я давно хотел спросить тебя... Ты так интересно рассказываешь о мегаполисе... А сам ты бывал в мегаполисе?

— Почему ты вдруг вспомнил мегаполис? — спросил Грено, не глядя на собеседника.

— Я думаю о нем всегда.

— Брось эти мысли, — строго сказал Грено. — Землец в город попасть не может.

— Знаю, — кивнул печально Румо.

— Да и что там хорошего, в мегаполисе? — продолжал Грено. — Суета, сумасшедшая гонка, ставки в которой — жизнь и смерть. Дым, копоть, чад... В общем, чувствуешь себя как в кипящей воде, — махнул рукой Грено, но Румо заметил, что глаза старика загорелись.

Маники продолжали скользить, а слева и справа к дороге подступала ветвистая пшеница. Стволы растений, толстые, как бамбук, с трудом удерживали налитые колосья. Кое-где зерно начинало течь: белковые явно не справлялись с работой.

— Я дал бы себе вырвать глаз, чтобы другим посмотреть на мегаполис, — сказал Румо.

— Запомни, мальчик: не всем быть урбанами, — рассудительно сказал старик. — Кому-то надо ходить в земляцах. Вот как нам с тобой. И тут ничего не поделаешь. — Он высунул руку из манипулятора, отвел в сторону уса́тый ко́лос и добавил: — Стену не пробьешь.

Загустевшие вечерние тени легли на пшеничные заросли.

— Послушай, Грено, — зашептал вдруг Румо. — А что, если бы мы сейчас разогнали маники до самой большой скорости...

— И?..

— И прямо в мегаполис!

— И расшиблись бы о силовую защиту. Или увязли в ней, как мухи в липучке.

— Знаю, — нахмурился Румо.

В этом месте послышался треск, и голос пропал. Очевидно, дешифратор размышлял над новым листком. Впрочем, пауза длилась недолго.

— ...История, которая уходит корнями в глубь веков, — снова начал механический голос. — Год за годом город разрастался, поглощая окружающее пространство, подминая под себя окрестные селения. Наконец в перспективе возникла реальная опасность, что вся плане-

та превратился в огромный город. Словно гигантский магнит, притягивал город людей. Приток их был непрерывен и возрастал с каждым годом. Но синклит олигархов не мог отказаться от баснословных доходов, которые приносила пшеница. Для пшеницы же была необходима не только территория, но и люди — хотя бы по одному на каждый квадрат: слишком опасно было бы предоставить белковым полную самостоятельность.

Находить добровольных землецов становилось все труднее. Все уходило в мегаполис. И тогда синклит после долгих дебатов решился на крайние меры. Любой ценой нужно было оградить мегаполис от дальнейшего разрастания. И вот вокруг города выросла Стена, окаймленная защитным полем.

Но просто закрыть доступ в город было нельзя, как нельзя человеку перерезать артерии. По бесчисленным дорогам в город и из города непрерывно шли грузовые потоки — кровь, омывающая огромный организм. Тогда-то и придумали радиожетоны, позволяющие владельцу беспрепятственно проникать сквозь Стену...

Не знаю, кому попадут в руки эти записки. Знаю лишь, какая кара постигнет меня, если эти листки попадут к охране. Но все равно, я должен запечатлеть слово правды. Если я его не произнесу, оно убьет меня. Истина не жалуется своих приверженцев, что ж! Зато по крайней мере я знаю, на что иду.

Итак, мегаполис оградили Стеной. Кстати, тогда же и возникло слово «город». Устало шагали века. Поколения рождались, жили и умирали, и с каждым из них углублялась пропасть между мегаполисом и остальным миром. Жители мегаполиса — урбаны — захватили все. На долю остальных — землецов — осталось только одно: пшеница, пшеница, пшеница...

Урбаны были таковыми от рождения, по наследству. Они пронеслись над планетой в аппаратах, позволяющих видеть все, оставаясь невидимыми.

Принято было считать, что так от бога.

Среди землецов ходили об урбанах разные слухи. Говорили, например, что урбан в два раза выше землеца, что с лица он темен, потому что в кожу въедается городская копоть, которую не отмыть. Говорили также, что жители мегаполиса умеют ходить пешком и даже предпочитают пеший способ передвижения, поскольку на городских магистралях слишком много манипуляторов. Да мало ли что еще говорили?

Что до землецов, то уже три сотни лет нога их не касалась почвы. Благо, поля были достаточно обширны, чтобы два встречных манипулятора могли разминуться...

Ноги землецов постепенно атрофировались. Попробуй полежи три дня — и ноги как чужие. А если три века!

— ...Послушай, Грено,— сказал однажды Румо.— Силовое поле, окружающее город, захватывает машину, если у человека, сидящего внутри манипуляторов, нет жетона. Так?

— Конечно,— согласился Грено, не понимая, куда клонит юноша.— Ты что же, думаешь, жетон можно подделать?

— Не то, совсем не то! А что, если...— Румо перегнулся через борт маника и что-то быстро и горячо зашептал на ухо старику. Лицо Грено словно окаменело. Затем улыбка тронула обветренные губы.

— Неплохая идея, малыш,— сказал Грено.— Во всяком случае, для нас это единственный шанс попасть в мегаполис. Но ты представляешь, как много нам нужно трудиться?

— Какой землец боится труда! — воскликнул Румо.

— Что ж, тогда попробуем,— решил Грено.

...С некоторых пор Румо зачастил к Грено. Он бросал свой квадрат без присмотра, вернее, оставлял у пульта одного из белковых, хотя это строжайше возбранялось.

Грено и Румо запирались в просторном хранилище и долгие часы не выходили оттуда.

Если бы сборщик наткнулся на квадрат, брошенный землецом, виновному не поздоровилось бы. Но судьба благоволила к заговорщикам...

Дело подвигалось медленно. Осуществить то, что придумал Румо, оказалось куда труднее, чем могло показаться поначалу.

Первая попытка окончилась плачевно. Грено занял наблюдательную позицию у окна, откуда просматривалась главная дорога, по которой мог появиться сборщик. Наступила решительная минута.

— Ты первый. Давай, малыш,— сказал Грено.— Если что, я подам сигнал.

Румо отстегнул привязные ремни, осторожно отвел от висков эластичные щупальца-биоконтакты, с помощью которых его мысленные приказы передавались манипулятору. Теперь Румо был сам себе хозяин. Руки Румо слегка дрожали. Он перегнулся через борт манипулятора, и ему показалось, что пол где-то глубоко внизу...

— Не мешкай,— поторопил его Грено.

Румо взял двумя руками собственную ногу, легкую, будто ватную, и перенес ее через борт манипулятора. Затем то же проделал с другой ногой. Немного подождал, свесив ноги за борт. Затем наклонился и, оттолкнувшись руками, неловко спрыгнул. Ноги подогнулись, и Румо во весь рост растянулся на полу.

— Ушибся? — тревожно спросил Грено.

— Немного,— выдавил сквозь зубы Румо, пытаясь подняться. Это, однако, ему не удалось. Румо подполз к стене и ухватился за вертикальную стойку стеллажа. Перебирая по ней руками, он поднялся во весь рост и застыл, напряженно улыбаясь. Но старик видел, что Румо держится лишь на руках.

Переведя дух, Румо сделал попытку шагнуть... и снова рухнул на пол.

— Попробуем постепенно,— начал Грено.

— Пустая затея,— прервал его Румо, ударив кулаком по грязному пластику пола.

— Пожалуй, на сегодня хватит. Залезай-ка обратно в манипулятор,— сказал Грено.

Но добраться до маника Румо уже не мог: силы оставили его.

— Подзови к себе маник,— велел Грено.

Румо молчал.

— Отдай мысленный приказ,— громче сказал старик, но Румо не пошевелился. Встревоженный Грено переместился к Румо: юноша был в глубоком обмороке...

Кое-как Грено удалось водворить Румо обратно в полость манипулятора.

Когда Румо пришел в себя, он долго не хотел или не мог разговаривать, и в его больших глазах застыли слезы бессилия и ярости.

— Нет, я никогда не научусь ходить,— с отчаянием произнес он.

— Такие вещи не делаются сразу,— сказал Грено.

— Я не знал, что это так трудно.

— Мне будет труднее, малыш. Но я верю, что у нас получится.— Грено понизил голос и добавил: — Только бы никто не узнал. А теперь ступай на свой квадрат.

— Значит, до завтра?

— До завтра...

Грено смотрел на дорогу, пока не заслезились глаза. Машина, везущая Румо, казалось, скользила по земле — столь тонкой была воздушная подушка. Манипулятор мчался по прямой, как луч, дороге. Капля превратилась в точку, наконец и точка растаяла. А Грено все смотрел, смотрел...

Дешифратор запнулся, разбирая чужие символы. Стояла глубокая ночь. Звезды заглядывали в линга-центр сквозь купол, будто только мы двое интересовали их во всем безмолвном мире. Профиль Лены четко вы-

рисовывался на фоне панелей, по которым скользили световые стрелки. Наверно, под влиянием странного рассказа мне в лице любимой почудилось что-то незнакомое.

Шли дни. Осень сменилась зимой. Выпал первый снег. Девственной пеленой скрыл он все изъяны стынувшей почвы, сто раз истощенной и вновь искусственно подкармливаемой. Морозоустойчивым сортам пшеницы мороз был нипочем, они продолжали зреть, и хранилища не пустели.

Каждую свободную минуту Румо уделял теперь одному — тренировкам, которым предавался с фантастической настойчивостью. Правда, он не рисковал покидать манипулятор в присутствии своих белковых — любой из них мог бы донести сборщику на Румо, и нарушение главного запрета дорого бы обошлось молодому землецу. Румо старался массировать ноги, не выходя из машины, он щипал их, едва не плача не от боли, а оттого, что ее не было...

Чуть не каждое утро, кос-как справившись со своими нехитрыми обязанностями, Румо спешил к Грено. Здесь, под защитой старых, непрозрачных стен чудом сохранившегося древнего хранилища, оба, и старик и юноша, чувствовали себя в относительной безопасности. И они снова и снова пытались восстановить атрофировавшиеся в течение долгих столетий мышцы.

Так муравей, посаженный в банку, изо всех сил стремится вырваться наружу. Он ползет по вертикальной стенке, срывается, падает, но снова и снова идет на штурм. И наконец после сотой попытки муравей находит ту единственную траекторию, по которой оказывается возможным доползти до края банки и перевалить через нее...

Ноги двух землецов, как и всех остальных, представляли собой жалкие рудименты, ненужные придатки, дав-

ным-давно позабывшие, что такое самостоятельное движение, что такое упругий шаг.

Но два землеца были упорны, как муравьи.

И наступил день торжества.

— ...Первый шаг,— радостно произнес Румо. Он только что шагнул от оконной фрамуги к стеллажу, на котором хранились запасные блоки для белковых. Шагнул — и тут же схватился за поручень. Шагнул зато сам, без помощи манипулятора, который сиротливо приткнулся в углу хранилища.

— Я же говорил, ты намного перегонишь меня,— сказал Грено, улыбаясь.

Прислонившись спиной к холодной кромке стеллажа, Румо отдыхал. Голова слегка кружилась, ноги дрожали от непосильного напряжения.

— Не беспокойся, я догоню тебя,— сказал Грено и принялся старательно разминать пальцами дряблые икры.

— Нам бы только поспеть к весне, пока сборщик...— Внезапно Румо замер на полуслове.

— Ты что? — побледнел Грено.

— Мне послышался шорох.

— Где?

— Снаружи.

Оба застыли, прислушиваясь. Шорох не повторился.

— Тебе почудилось. В эту пору все белковые заняты. Здесь некому быть, кроме нас,— сказал Грено, на щеки которого возвращался румянец.

— Может быть,— согласился Румо. Отдохнув, он сделал несколько шагов по направлению к манику, но покачнулся.

— Помочь? — спросил Грено.

— Пустяки.

Румо подозвал манипулятор. Тот будто этого и ждал. Он неслышно подлетел к своему хозяину и, обхватив его щупальцами, осторожно погрузил в свое чрево.

— Даже не верится, что землецы когда-то умели ходить,— сказал Румо.

— А урбаны ходят и теперь,— ответил Грено.

— Конечно. Иначе зачем бы мы с тобой учились ходить? — усмехнулся Румо.

В этот момент за окном хранилища мелькнула тень. На этот раз ее заметили оба. Они переглянулись, и, словно сговорившись, два манипулятора друг за другом вынеслись из помещения. Гладкая площадка перед хранилищем была пустынна. Лишь поодаль ковылял белковый. Накануне он при непонятных обстоятельствах расшибся, и Грено оставил его сегодня для починки — повреждения были незначительны, и он надеялся справиться собственными силами.

— Наверно, ласточка пролетела,— сказал Румо.— Или тень от облака.— Он кивнул в сторону удаляющейся фигуры.— И я небось хожу так же смешно, как этот, а?

— Это он,— тихо сказал Грено.

— Что он?

— Он следил за нами. Мы погибли.

От негромкого старческого голоса по телу Румо побежали мурашки. Он сразу сообразил, насколько серьезно положение. Белковые ничего не забывают. При очередном контроле этот проклятый идол, конечно, воспроизведет на экране то, что он только что высмотрел в хранилище, и тогда их тайна раскроется. Неужели белковый истукан в самом начале погубит их замысел?..

Румо, не раздумывая, отдал команду. Сжатый воздух со свистом вырвался из-под днища, взметнув облако снежной пыли. Манипулятор сделал огромный прыжок. Услышав за собой погоню, белковый побежал, но Румо настиг его. Послушный воле Румо, манипулятор высоко занес щупальца с зажатым в нем тяжелым металлическим брусом и с силой опустил его на макушку робота, в то место, из которого торчал аккуратный кустик антенны. Раз, другой...

Белковый будто нехотя повернулся и тяжело рухнул в сугроб.

Взбунтовавшийся автомат прекратил свое существование.

— Мы поспешили,— нарушил Грено тяжелое молчание.

— У нас не было выхода,— сказал Румо.

— Пожалуй, ты прав,— удрученно согласился Грено. Оба не отрываясь смотрели на серую глыбу, которую уже успел припорошить снег.

— Что же теперь? — перевел Румо взгляд на старика.

Тот помолчал, обдумывая ответ.

— Спрячем подальше,— наконец сказал Грено.

— Все равно при контрольном пересчете хватятся,— с отчаянием прошептал Румо. Взгляд его блуждал.

— Не болтай глупости,— сказал Грено.— Пересчет будет не раньше дня равнодействия. Мы к этому времени будем уже в мегаполисе, и там нас никто не достанет.

— А теперь куда его? — покосился Румо на сугроб.

— Закопаем в почву поглубже,— решил Грено.

Через полчаса все было кончено.

— Теперь пути к отступлению у нас нет,— сказал Румо.

— Что верно, то верно,— согласился Грено.

Грено был стар. Об этом говорила и седая поросль на лице, и всегда усталый голос, и дрожащие руки. Первое время, когда их участки оказались рядом, он держался замкнуто. Постепенно ледок растаял, они сблизились, но Румо всегда ощущал, что у старика есть некая запретная зона, куда ему вход заказан.

Однако теперь, когда они вместе решились на неслышанно опасное дело, отношение Грено к молодому землецу изменилось. Однажды после очередного урока ходьбы они, усталые, отдыхали в мантиках, стоящих рядом.

— Странно, что тебе так трудно дается ходьба, Грено,— сказал Румо.

Старик насторожился.

— Почему странно? — спросил он.

— Ноги у тебя крепкие на вид, — пояснил Румо. — Они не похожи на ноги других землецов.

— Я не всегда был землецом, Румо, — тихо произнес старик. — Раньше я жил в мегаполисе.

— Ты был урбан? — спросил быстро Румо.

— Тише, — прошептал Грено, оглянувшись. — Да, я был когда-то урбаном.

— Давно?

Старик вместо ответа махнул рукой.

— Знал я одного урбана... — сказал Румо.

— Где он? — оживился старик.

— Погиб.

— Погиб... — словно эхо повторил Грено.

Некоторое время они отдавали биокоманды своим белковым, завершающим на своих участках трудовой день.

— Послушай, Грено, а как ты из урбанов попал в землецы? — задал Румо вопрос, вертевшийся у него на языке.

— Долгая история, долгая и невеселая, — сказал Грено. — Мы жили в мегаполисе. Вдвоем. Я и сын. Семьи урбанов не разлучают. Это вы, землецы, не знаете ни отца ни матери. Ну вот. Я по дряхлости не работал, вел нехитрое домашнее хозяйство, а сын работал технологом. На его фабрике из пшеницы приготавливали брикеты, пригодные для транспортировки на другие планеты. Фабрика по переработке пшеницы была самой большой в мегаполисе. Там трудилось много рабочих. Жилось там худо, и мой сын поднял борьбу за их интересы. По ночам я помогал ему выпускать листовки...

— Листовки?

— Это такие листки, призывающие рабочих к борьбе. Там, в мегаполисе, я покажу тебе листовки, они у меня спрятаны в тайнике... Рабочие пошли за сыном. Однажды они решили организовать забастовку. Не при-

ступать к работе, пока олигархи не удовлетворят их нужды. Они собрались и вышли на улицу...— Старик посмотрел на Румо.— А ты знаешь, что такое улица?

Румо кивнул.

— Нечто вроде горного ущелья,— сказал он.— Только по бокам не горы, а дома.

— Примерно так,— согласился старик.— Впереди толпы шел мой сын. Он нес транспарант, на котором были написаны требования рабочих. Олигархи забеспокоились, что к урбанам с фабрики примкнут остальные, и выслали навстречу стражей порядка.

— Олигархи — это воспитатели урбанов? — спросил Румо, с жадным вниманием слушавший старика.

Грено улыбнулся.

— Олигархи — в некотором роде воспитатели всех, малыш,— сказал он.— Они правят нашей планетой. В их руках все — и сила, и власть...

Румо задумался. Ему представилась гигантская пирамида, на верхушке которой находятся загадочные олигархи, располагающие неограниченной властью. Пониже располагаются урбаны, те, кому судьба определила обитать в мегаполисе. Румо понял уже, что его представления об урбанах как о праздных и могущественных счастливицах были ошибочными, однако от этого тяга его к мегаполису — странное дело! — не только не уменьшилась, но стала еще сильнее. После урбанов, подумал Румо, идут воспитатели, за ними — землецы, и в самом низу, в основании пирамиды, находятся белковые роботы — искусственно выращенные существа, машины, которые обязаны подчиняться командам землецов.

Между тем старик продолжал свой рассказ.

— Стражи порядка перегородили улицу...

— Стражи порядка тоже урбаны? — перебил Румо.

— Нет. Это белковые роботы.

— Такие, как эти? — протянул Румо руку в сторону квадратного участка, на котором маячили плечистые фигуры роботов.

— Такие же точно. Одного выпуска. Только вместо ножниц для срезания колосков стражи порядка снабжены огнеметами,— сказал Грено.— Заняв позицию, они хором выкрикнули, что рабочие нарушают порядок, и велели им разойтись.

— Ты шел с рабочими?

— Да. В первом ряду,— с гордостью ответил старик.— Мы сказали, что от своих требований не откажемся. Тогда стражи порядка с дулами наперевес двинулись нам навстречу. Урбаны заколебались, дрогнули, остановились. Мой сын смело шагнул вперед.

— Один? — с горящими глазами спросил Румо.

— Один, малыш, чтобы ободрить остальных. Когда он сделал несколько шагов, роботы открыли по нему огонь... Такова, вероятно, была биокманда олигархов. Из трубок роботов изверглось жидкое пламя. Огненная струя полоснула сына по ногам, и он упал. Я подбежал к нему, поднял на руки — ходить он уже не мог... Так нас и взяли вдвоем...

— Ваш сын потерял ноги? — спросил побледневший Румо.

Старик кивнул.

— Сын остался без ног, но на этом наши несчастья не кончились,— сказал он.— Совет олигархов решил, что нас следует лишить звания урбанов и изгнать из мегаполиса. Вот так мы с сыном и стали землецами. Но если уж не везет, так до конца. Жребий разбросал нас. Мы попали на разные участки базы, где должны были постичь премудрость работы землеца. С тех пор я не получал вестей от сына. Но я верю: он остался таким, как был,— сказал Грено с гордостью.— У него могли отнять ноги, но не душу. Знаю, мы еще встретимся с ним... Что с тобой, Румо?

— Ничего...

— Мне показалось, что тебе худо,— сказал старик.— Померещилось. Я долго присматривался к тебе, прежде чем рассказать все это. Осторожным стал... Хотя я и

стар, а неохота болтаться в петле. Охота перед смертью повидать моего мальчика. Вот увидишь, вы будете друзьями.

Голос дешифратора смолк. У меня оставалось еще несколько непрочитанных листков. Какой из них разобрать теперь, на каком записано продолжение странной истории с далекой планеты? Я разложил на столе веером оставшиеся листки, и мы с Леной склонились над ними, так что ее прядь коснулась моего лба. Один листок — он отличался от других тем, что был испещрен символами, похожими на математические, — Лена отложила в сторону.

— Утром отдадим астрономам, — сказала она. — Это, кажется, по их части.

Мы раскладывали тяжелые пластиковые прямоугольнички, словно пасьянс. Один из них был меньше других по размерам. Все листки выглядели почти новым, а этот, казалось, прошел через сотни рук, до того он был замусолен и захватан.

Я взял подержанный листок и сунул его в узкую щель дешифратора.

«Урбаны, объединяйтесь! Олигархи разбили нас на группы, чтобы властвовать. Долой Стену! Всем рабочим — человеческие условия жизни! Мы — люди, а не машины по обработке пшеницы. Долой власть олигархов! Объединяйтесь, урбаны!»

— Листовка, которую выпускал отец, — сказала Лена.

— И распространял сын, — добавил я и подумал, что самое интересное занятие в мире — работа на линга-центре. — И потом, разве не важен для землян опыт жизни чужих планет?

— ...Грено, я должен сказать тебе одну вещь...— начал Румо и запнулся.

— Говори, сынок...

Румо решил было рассказать старику о гибели сына, но, бросив быстрый взгляд на Грено, подумал, что недобрая весть убьет его. Он не решился погасить слабый луч надежды, который светил Грено.

— Я о мегаполисе,— сказал Румо.

— Нам бы только пробраться туда,— произнес Грено.— Об остальном не беспокойся. Найдем и кров, и работу.

— Нас не узнают?

— Не думаю,— сказал Грено.— Узнать, поймать можно землеца. Это легко сделать по клейму на манипуляторе, без которого землец беспомощен, как младенец. А мы-то с тобой можем ходить. Мы будем урбаны! К счастью, на живом теле олигархи еще не додумались ставить клеймо,— добавил старик.

Только тут до Румо дошло, что в скором будущем предприятие их окончится счастливо, он станет урбаном. Юноша пошевелил ногами и сказал:

— Я буду делать то, что делал твой сын. Продолжать...

После долгой паузы старик произнес:

— Спасибо, сынок.

...Когда зима была на исходе, Румо и Грено уже могли совершать без помощи манипулятора довольно длительные прогулки. Два землеца в отсутствие белковых подолгу бродили по своим просторным квадратам, пьянея от запахов талого снега и пробуждающейся зелени.

Приближался решительный день. Все нужно было обдумать заранее. Малейшая оплошность могла погубить их.

А снег стремительно таял, и журчащие ручейки оживляли надежды, укрепляли веру в то, что дерзкая идея Румо может и впрямь воплотиться в действительность.

В то утро Румо проснулся рано. За пыльной прозрач-

ной стеной комнаты еле намечался мутный рассвет. Белковые еще дремали, как всегда стоя. Прихоть конструктора придала им форму человеческого тела. Глаза белковых были затянуты тонкой защитной пленкой, отчего роботы напоминали статуи древних атлетов.

В назначенный час у каждого из них сработают биочасы и, послушные импульсным командам, они примутся за привычную работу. И нет им дела до того, что два землеца к этому моменту будут уже далеко...

В неясном круге иллюминатора показалось лицо Грено. Он вглядывался внутрь помещения, и щупальце его маника, изогнувшись, сделало призывный жест.

— Поторапливайся! — услышал Румо. Он последним, прощальным взглядом окинул рубку. На первых порах программу на пульте можно не менять. До тех пор, пока сюда не прибудет сборщик. К тому времени Румо и Грено, надо надеяться, будут недосыгаемы.

Две капли, две вытянутые торпеды неслись рядом. Квадрат за квадратом улетал назад, и казалось, пшенице не будет конца. Часть ее еле-еле возвышалась над оттаявшей почвой, на других участках она уже приметно поднялась, на третьих тяжкие колосья как будто высматривали: скоро ли к ним придут уборочные машины и белковые роботы?

Они мчались по дороге, и скорость пела в ушах. Румо подумал, что они будут так скользить всю жизнь, а вокруг все будут поля, поля, поля — бесконечная шахматная доска...

Солнце успело вскарабкаться высоко, и его совсем по-летнему припекающие лучи заметно нагрели округлый борт манипулятора, и Румо грел руки, думая о том, что готовит им ближайшее будущее.

— Скоро Стена, — сказал Грено.

По мере приближения к мегаполису дорога становилась все оживленнее. Число скользящих аппаратов увеличилось. Некоторые манипуляторы были прозрачными лишь наполовину. В них угадывались неясные фигуры.

Румо понял, что это урбаны, и сердце юноши забилося сильнее. Высшая каста, счастливые владельцы жетонов, покинувшие на время город по каким-то своим таинственным делам.

— Вот Стена! — воскликнул Грено.

Но Румо и сам увидел маячившее вдали смутное видение Стены. Теперь мчаться напрапалую было опасно: каждый миг могло сказаться действие защитного поля Стены.

Приближалась минута, которая должна была решить их судьбу.

— Свернем в сторонку, — предложил старик.

Под мегаполисом пшеницу не сеяли, и почва сохраняла естественные складки. Два землеца остановили манипуляторы над крутым обрывом. Глубоко внизу серебрился ручей, сжатый гранитными глыбами.

Убедившись, что никто их не видит, Румо и Грено вышли из манипуляторов. Короткая команда — и оба маника приблизились к самому краю обрыва.

— Может, оставим их невредимыми? — прошептал Румо.

— Нельзя, малыш, — покачал головой Грено. — По этому следу нас в два счета разыщут.

Лицо Грено стало хмурым, видимо, мысленная команда, которую он только что отдал, стоила старику немалых усилий.

Помедлив мгновение, манипуляторы рухнули вниз, Румо заглянул на дно обрыва, и у него закружилась голова. Две бесформенные дымящиеся груды — вот все, что осталось от машин, которые носили их, как самка кенгуру таскает детенышей...

Отныне они могли надеяться только на свои собственные ноги и руки.

— Мосты сожжены, — тихо сказал Грено. Румо не понял, о каких мостах говорит старик, но спрашивать не стал.

Землецы покинули место гибели своих машин и заша-

гали к Стене. Задумавшись, Румо незаметно ступил ногой на упругий пластик дороги.

— Сумасшедший! — выкрикнул Грено и столкнул его в кювет. Стоя на коленях, Румо успел заметить трехместный манипулятор, пронесшийся в сторону мегаполиса. В грудь ударила тугая воздушная волна, и лишь через секунду до слуха Румо донесся басовитый звук лопнувшей струны.

Немного отдохнув, они двинулись дальше.

Землецы, покинувшие манипулятор! Землецы, сумевшие передвигаться самостоятельно! Такого не бывало давным-давно. Именно на этой неожиданности и основывался план Румо и Грено.

Защита Стены рассчитана на скользящие аппараты, скользящие, но отнюдь не шагающие!

Глядя вперед, Румо и Грено невольно замедлили шаг. Стена, разрастаясь, закрыла весь мир. Отверстие в Стене, в которое вливался поток дороги, казалось узким, как ладонь, но оно было открытым, это отверстие!

— Мы, кажется, напрасно беспокоились, отец, — радостно сказал Румо, протягивая вперед руку. — В Стене, оказывается, есть проход.

Грено покачал головой.

— Оптический обман, — сказал он.

— Но я же вижу! — воскликнул Румо.

— Проезд, который ты видишь, переkreщается невидимыми лучами фотоэлементов, — пояснил Грено. — Их задача — обнаружить жетон у того, кто въезжает в город.

— А если жетона не окажется? — спросил Румо и хлопал себя по груди.

— Тогда включается силовое поле...

— И берет в плен нарушителей, — закончил Румо, неуверенно улыбаясь.

— Старайся идти спокойно, — сказал Грено.

— Да, отец.

— И не отставай.

Грено прибавил шаг. Румо шел, чуть приотстав.

Теперь старик и юноша разговаривали. Когда они подошли к Стене вплотную, Румо очень захотелось потрогать ее пальцем, но он не решился.

Над ними нависли тяжелые разводья арок. Осталось четыре шага... Два... Один...

Можно представить себе сумятицу, вспыхнувшую в электронном мозгу робота, контролирующего защитное поле Стены. «Жетона нет!» — сообщали импульсы. «Но шагающие системы не подлежат контролю. Это могут быть только урбаны», — к такому выводу пришло решающее устройство.

В результате Румо и Грено вошли в мегаполис!

Грохот, лязг, свист воздуха, вырывающегося из-под шасси скользящих вокруг машин невиданных конструкций, — все это в первые минуты оглушило их. Иные аппараты скользили над самым асфальтом, на тончайшей воздушной прослойке, другие проплывали достаточно высоко — их толкали мощные вихри сжатого воздуха.

Стена оказалась позади. Румо и Грено углубились в лабиринт улиц. На оживленном перекрестке они остановились, с некоторой растерянностью наблюдая сумасшедшее многослойное движение. Несмотря на то, что они стояли, прижавшись к стене дома, некоторые аппараты проносились так близко, что едва не задевали их.

— Когда-то машины передвигались на колесах, — заметил Грено, когда они свернули на более тихую улицу.

— На колесах? А что это? — спросил Румо и остановился.

Грено нагнулся и пальцем нарисовал на тонком слое измороси, сохранившейся на тротуаре, в тени, отбрасываемой высоким строением.

— Колесо имело такую форму, — сказал Грено и выпрямился. — Иначе, чем на колесах, раньше ездить не умели. Это было очень неудобно: сказывались все выбоины почвы.

— Давно отказались от колес?

— Примерно тогда же, когда землецы отказались от колес и перешли на манипуляторы,— сказал Грено.

— Ничего не слышал о колесах.

— Ты многого не знаешь, сынок. Ничего, теперь все должно измениться,— сказал старик и ласково потрепал волосы Румо.

Они медленно шли, прижимаясь к стенам зданий. Ноги озябли, приходилось терпеть. Урбанов, идущих пешком, не попадалось.

— Что это? — спросил Румо, задрав голову. Стройное здание вершиной уходило в облака. Весенние, текучие, они клубились, словно сытые змеи, задевая спирали балконов.

— Дом-игла,— сказал Грено.

— Дом-игла,— повторил Румо.

Когда Грено и Румо впервые встретили шагающего урбана, их радости не было предела. Значит, они не одиноки здесь, в мегаполисе. Урбан по внешнему виду почти ничем от них не отличался. Правда, он не был бос, как Грено и Румо. А чего только не наслушался в детстве Румо об урбанах, непостижимых, недостижимых урбанах, которые отличаются от землецов, как небо от земли!

— Слова бывают лживыми, сынок,— сказал Грено, словно подслушав мысли Румо.

— О каких ты словах, отец?

— О всяких. Привыкай все проверять. Ничего не бери на веру. Иначе тебе придется туго,— вздохнул старик.

Из-за чрезмерного возбуждения Румо не ощущал ни голода, ни усталости, ни боли в израненных ногах. Он готов был без конца ходить по мегаполису, удивляясь на каждом шагу.

Гораздо выносливее, чем могло бы показаться на первый взгляд, оказался Грено. Он шел все так же легко,

когда Румо почувствовал вдруг, что неокрепшие ноги отказываются ему служить.

— Больше не могу,— сказал юноша и устало прислонился к шершавому торцу локаторной башни.

Надвигался вечер.

Старик положил руку на плечо Румо.

— Пойдем, сынок,— сказал он.— Мы должны позаботиться о ночлеге.

Произнеся последнюю фразу, механический голос окончательно умолк. Начинало светать, и узкий серп луны почти слился с серым небом.

Мы молчали, находясь под впечатлением только что услышанного.

— Неужели это просто фантастический рассказ? — нарушила тишину Лена.

Я пожал плечами.

— Слишком убедительно для фантастики,— продолжала размышлять вслух Лена.— Интересно, что же с нами стало? — добавила она после паузы.

— С кем? — не понял я.

— С Грено и Румо,— медленно пояснила Лена. Сама того не замечая, она вдруг заговорила о старике и юноше как о реальных людях, а не как о вымышленных персонажах фантастического рассказа.

— Как ты думаешь, на какой планете мог быть такой мегаполис, окруженный стеной? — спросила Лена.

— Где? Да хотя бы на Земле,— сказал я, осененный новой мыслью.

— Оставь шутки.

— Я серьезно. Разве нам известно о том, что происходило на нашей планете пять тысяч лет назад?

— Ну как же. Археологические памятники...— начала Лена.

— Пусть так,— согласился я.— Хотя, в общем-то, сведения, поставляемые этими памятниками, крайне

скудны и отрывочны. А что мы знаем о событиях, которые разыгрывались на Земле пятьдесят тысяч лет назад? А миллионы лет?

— Ты хочешь сказать, что такая уродливая цивилизация могла развиваться на Земле? Задолго до появления человека? — сказала Лена.

— Гипотеза не хуже других.

— Кто же создал эту цивилизацию?

— Предположим, инопланетные пришельцы.

— Твоя гипотеза не выдерживает никакой критики, — сказала Лена. — Высокоразвитая цивилизация не могла бы совершенно бесследно исчезнуть с лица Земли. Она обязательно оставила бы после себя хоть какие-нибудь материальные памятники.

— Не обязательно. Могла же когда-то бесследно исчезнуть Атлантида?

— Существование Атлантиды не доказано.

— Но Атлантида могла быть точно так же, как могло быть на нашей Земле все то, что мы только что услышали. В древности Жорж Кювье выдвинул теорию катаклизмов. Согласно этой теории катастроф процесс эволюции на Земле время от времени прерывался страшными потрясениями, все живое гибло, и природе каждый раз приходилось начинать сызнова.

— Теория наивная.

— Но в ней есть рациональное зерно, — возразил я. — Грандиозная катастрофа могла целиком уничтожить доисторическую цивилизацию, завезенную на Землю инопланетянами. Эдакий всемирный потоп, только без Ноя и его ковчега. Что мы вообще знаем о нашей Земле? Очень мало. Представь себе школьную доску. Я пишу на ней, а потом тряпкой стираю написанное. Много ты узнаешь о том, что было написано, если не видела надписи?

— Планета — не школьная доска.

— На пришельцах не настаиваю, — сказал я. — Землецы и эти, как их, урбаны, могли быть и коренными жителями Земли.

— Между прочим, мозг линга-центра помнит все языки Земли, начиная с самых древних. И среди этих языков нет того, которым написаны листки.

— Как же мозг расшифровал их?

— Логический анализ букв. Метод подобия. Плюс опыт расшифровки космических сигналов... Пойдем на мыс? — неожиданно предложила Лена.

Море встретило нас неумирающим шелестом прибоя. Восход уже разгорелся в полную силу. Восток исчертили огненные струи — провозвестники солнца. Третью небывала залита алым светом — цветом надежды и борьбы.

Находку нашу мы, конечно, не оставили в тайне. Текст, записанный на таинственных листках, обсуждал форум виднейших ученых Солнечной системы. Однако ясность достигнута не была. Мнения разделились.

Высказана была масса предположений, но больше всего меня поразило выступление молодого киберолога с Венеры. Быстрой походкой взойшел он на кафедру и внимательно оглядел битком набитый амфитеатр, щурясь от яркого света юпитеров.

— Есть у вас на линга-центре моделирующие машины, Ельена Викторовна? — вдруг обратился он к Лене, сидевшей рядом со мной в первом ряду, — она выступала как раз перед ним.

— Нет, — покачала головой удивленная Лена.

Киберолог был, казалось, разочарован ее ответом.

— И не было? — спросил он.

— Когда-то была.

Лицо киберолога просияло.

— Я так и думал! — воскликнул он. — Кольеги! — чутьточку торжественно произнес киберолог (по-моему, он сильно волновался, что усиливало его акцент, характерный для коренных венериан). Я убежден, что события,

о которых нам только что поведал дешифратор, в действительности не имели места.

Зал загудел.

— Что же это, по-вашему? Выдумка?

— Сказка?

— Фантастика?

Киберолог подождал, пока град вопросов утихнет.

— Сказка? Не совсем,— покачал он головой.— Мне кажется, что это древняя моделирующая машина попыталась сконструировать модель будущего.

— Модель будущего? — переспросил я.

— Ну да, один из возможных вариантов.

— При чем тут модель будущего? — возразил кто-то.— Ведь то, что мы слушали,— это художественное произведение. Маленькая повесть о двух людях...

— Так что же? — не сдавался киберолог.— Машина могла облечь свой прогноз в художественную форму.

— Зачем?

— Возможно, она читалась произведений научной фантастики, которыми был так богат XX век, и решила подражать этим произведениям,— сказал киберолог.

— А язык? Откуда взяла машина этот странный, ни на что не похожий язык? — не отставал оппонент.

— Моделирующая машина могла изобрести особый язык специально для этого случая. Кстати, не этим ли объясняется, что машины линга-центра так быстро расшифровали листки? Ведь эти машины — дальние потомки той, моделирующей. Ну а электронные машины, как известно, на память никогда не жаловались...— Киберолог сделал паузу.

— Значит, этот рассказ — несбывшееся пророчество? — сказал председатель форума.

— Вот именно. Мрачный прогноз, к счастью, оставшийся только на бумаге,— ответил ученый с Венеры.

— На пластике,— уточнила Лена с места.

— Но мне бы очень хотелось послушать окончание

истории о юноше и старике,— так закончил молодой киберолог свое выступление.

До глубокой ночи кипел форум, между тем как химики и астрономы Земли напряженно трудились, чтобы поставить в общем споре последнюю точку.

На следующий день зал начал заполняться задолго до назначенного часа. Волнение ученых было понятным: каждый в глубине души надеялся, что именно его теория сегодня подтвердится, именно его гипотеза окажется правильной.

Мы с Леной пришли за полтора часа до открытия, и нам удалось занять два местечка в одном из первых рядов.

Все двери, ведущие в зал, были распахнуты, и из каждой вливался поток. Мы здоровались со знакомыми, перекидывались с ними отдельными фразами.

Подле нас остановился киберолог с Венеры, с которым мы успели познакомиться.

— Ваша гипотеза, Андрюша, доживает последние минуты,— сказал он мне с улыбкой.

— Вы считаете, что события, о которых нам поведали листки, развивались не на Земле? — спросил я.

— Нигдье не развивались,— загорячился киберолог,— таково мнение группы ученых, которую я представляю... Ни на Земле, ни на Венере, ни на Аларди. Весь рассказ, начало которого мы вчера прослушали,— выдумка моделирующей машины...

— Виртуальная модель. Одна из возможных,— уточнила Лена.

— Благодарю, Ельена Викторовна,— церемонно поклонился киберолог.— Именно модель, которая осталась нереализованной. Другими словами — сказкой.

— Однако эта сказка задела вас за живое,— заметила Лена.

Киберолог сощурился.

— Почему вы так думаете? — спросил он,

— Потому что вчера, заканчивая сообщение, вы сказали, что очень бы хотели послушать окончание истории о юноше и старике,— произнесла Лена.

— О! — поднял палец киберолог.— Вы не только очаровательная, вы еще и проницательная девушка. Вам повезло, друг мой Андриюша,— повернулся он в мою сторону.

Лена покраснела.

— Не думаю, что рассказ, записанный на листках, машинная выдумка,— возразил я.

— Доказательства?

— Доказательства сейчас будут,— ответил я.— Вы услышите их с этой трибуны, из уст химиков и астрономов. Но я убежден, что рассказ, прослушанный нами, не выдумка. Все описано настолько выпукло, зримо... Я до сих пор вижу перед собой Румо, Грено...

Киберолог покачал головой. Затем посмотрел на часы и заторопился на свое место.

— Сейчас увидите, кто из нас прав! — крикнул нам издалека венерианин.

Зал к этому времени был полон и гудел, как растревоженный улей. Однако все стихло, едва на трибуну поднялся человек. Осмотрев замеревшие ряды, которые возвышались амфитеатром перед нами, он вытащил из кармана записную книжку и принялся неспешно листать ее.

— Представитель химического центра,— еле склонившись, шепнула мне Лена.

— Мы произвели тщательный анализ вещества, из которого состоят пластинки с текстом,— сказал химик.— Результаты таковы: пластик не числился ни в одном из каталогов веществ, которые были когда-либо синтезированы на Земле и вообще в пределах Солнечной системы...

В зале поднялся невообразимый шум. Химик еще что-то говорил, но мы видели только его шевелящиеся губы.

Когда гул немного утих, я услышал заключительные слова химика:

— Таким образом, мы считаем, что пластинки принадлежат не земной, а инопланетной цивилизации.

Сейчас бурно выражали свою радость те, чья точка зрения на пластинки только что подтвердилась. Однако противники и не думали признавать свое поражение.

— Каталог не может охватывать все вещества! — выкрикнул кто-то из задних рядов.

Химик покачал головой.

— Электронная память нашего центра хранит все, что в нее ввели за последние двести лет, — сказал он. — А компьютер в отличие от человека не забывает ничего.

— Компьютер хранит в памяти только то, что ему сообщили, — не сдавались задние ряды. — А если я изобрел вещество и забыл сообщить об этом машине? — Запальчивый выкрик был покрыт аплодисментами части присутствующих.

— Остроумно, — сказал химик без улыбки, — но не очень доказательно. Любое мало-мальски сложное вещество, полученное в любой лаборатории любой из Содружества Свободных планет, регистрируется у нас в обязательном порядке. А пластик, о котором сейчас идет речь, исключительно сложен по структуре... Не попасть в каталог он не мог.

— И все-таки это еще не доказательство инопланетного происхождения листов, — прозвучал в зале одинокий голос киберолога с Венеры.

— Согласен, — неожиданно согласился химик, пряча в карман записную книжку. — Послушаем, что скажет астроном.

Он сошел с трибуны, покинул сцену и примостился в первом ряду.

Астроном сразу же, что называется, взял быка за рога.

— Листок с математическими символами оказался необычайно ценным по заключенной в нем информации, — прогудел он, нависнув над кафедрой. — На астрономическом центре удалось установить, что в тексте идет

речь о планете, принадлежащей, по всей вероятности, к системе Сириуса. Параметры светила, которые приводятся и которые мы расшифровали, относятся именно к этой звезде...

— Ну, вот и конец красивым догадкам,— вздохнула Лена, когда мы вышли из зала.

Я взял ее за руку.

— Тебе жаль? — спросил я.

— Немного,— призналась Лена.— Сириус так далеко от Земли.

Мы медленно шли вниз по приморскому бульвару. Заходящее солнце осветило волосы Лены.

Наша излюбленная скамейка под раскидистым вязом оказалась занятой.

— Пойдем к морю,— предложила Лена.

Мы забрались на огромный валун, по пояс вросший в песок. Теперь все помыслы наши были связаны с морем. И хотя создана была специальная комиссия по прочесыванию морского дна в районе мыса, где я впервые обнаружил листки, хотя сотни добровольцев решили попытаться счастья в поисках недостающих пластиковых прямоугольников, мы с Леной решили продолжать поиск самостоятельно.

— А я вас ищу,— раздался сзади негромкий голос.

Мы одновременно обернулись и увидели венерианина.

— Прошу,— сказал я и протянул ему руку. Киберолог легко взобрался на валун и сел рядом со мной. Его кожа, синеватая, как у всех жителей жаркой планеты, обитающих там постоянно, в косых солнечных лучах приобрела какой-то фиолетовый оттенок. Впрочем, венерианин, похоже, чувствовал себя в земных условиях совсем неплохо.

— Значит, поиск в море будет продолжаться,— сказал он, глядя вдаль.— Это хорошо. Надеюсь, будут найдены новые данные, которые подтвердят мою теорию.

Лена удивленно воззрилась на него.

— Вашу теорию? Но ведь вы только что слышали доказательства химика и астронома, которые...

Венерианин махнул рукой и рассмеялся.

— Что с того? — сказал он беспечно. — Ничто в мире не абсолютно, в том числе и доказательства. Отыщутся новые листки, и все повернется по-новому... Вы согласны со мной, Леньочка?

Лена улыбнулась, ничего не ответив. Меня несколько уколола «Леньочка».

Солнце наполовину погрузилось в море. Переходные камеры мыса работали с полной нагрузкой, через них непрерывно шли два встречных потока: одни спешили домой, на поверхность, другие — домой, в море...

Долго потом мы с Леной вспоминали этот вечер.

...Я давно уже работаю на линга-центре. Инженеру здесь тоже есть где приложить руку. После работы мы с Леной спускаемся к морю. Чаще всего отправляемся на мыс. Камеры перехода работают, как и повсюду на побережье, круглые сутки. Облачившись в подводную амуницию, быстро пройдя несложную процедуру, мы ныряем в морские глубины.

Днем в верхних слоях воды достаточно светло. Но по мере погружения зеленоватое солнце меркнет, и мыключаем свет.

В море чудо как хорошо! Оно никогда не может надоесть. Медузы, попавшие под луч, кажутся таинственными космическими пришельцами. А может, и в самом деле?..

Море, море! На каком-то витке спирали, по которой развивается наша цивилизация, человечество снова вернулось к тебе — колыбели жизни на Земле. Сделав рывок в космос, люди одновременно шагнули в океанские глубины, чтобы обрести там новые запасы энергии, полезных ископаемых, благородных металлов...

Я шел рядом с Леной, отдаваясь привычному течению мыслей.

Жить в море можно, как и на суше. Канули в прошлое времена, когда аквалангисты устанавливали и побивали рекорды на продолжительность пребывания под водой. Теперь любой человек может пробыть под водой столько, сколько ему нужно. Для этого ему достаточно отправиться на ближайший причал и получить там необходимую экипировку. С помощью простого аппарата «искусственные жабры» под водой можно дышать так же легко, как на высокогорном швейцарском или кавказском курорте. Лена, правда, со мной не согласна. Она считает, что под водой дышится легче, чем на суше. Кто прав — сказать трудно. По-моему, дело в привычке. Лена родилась в подводном городе: там же провела детство. Поэтому море для нее — родная стихия.

Мы медленно идем по дну. Внимательно смотрим под ноги. Каждый день дно кажется мне иным. Может быть, в этом повинно глубинное течение, которое проходит неподалеку.

Юркие рыбки выются вокруг легкими стаями. Мне кажется они к нам уже привыкли.

Но не рыбы интересуют нас, не водоросли, не кораллы и не раковины. Мы ищем листки, на которых странные письма начертаны несмываемой краской.

И верим, что найдем!

Берег надежды

...Обнаруженный беглец является собственностью государства, ибо самим фактом бегства он ставит себя вне закона. Помощь шпuru в розыске преступника — дело чести каждого лояльного гражданина.

Из Устава шпура

Свен свернул на набережную. В этот вечер он почувствовал себя чужаком, желающим пройтись пешком. Свен подошел к парапету. Чернь реки тускло поблескивала. Свен присел на гранит, еще хранящий дневное тепло. Измотался за последние дни. Усталость сковала, казалось, каждую клеточку тела. Вызовов масса. «Шпур не принадлежит себе», — выплыли в памяти слова Харви. Глубоко ошибается тот, кто думает, что хлеб шпура легок. Шпур окружен всеобщей неприязнью. А за что? Не Свен, так другой...

Свен покосился на маленький знак, сверкнувший на его лацкане. Правда, этот треугольничек открывает ему любые двери. Но зато, того и гляди, кто-нибудь пристукнет его из-за угла. Что может быть опаснее работы шпура? И в то же время что почетнее этой работы? Недаром президент сказал, что шпур — спаситель нации. Да, спаситель... Если в ближайшее время не произойдет перелома, спасителей будет больше, чем спасаемых. Не слишком ли много спасителей?..

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, Свен стал смотреть на воду. И вдруг... Свен протер глаза. Посреди реки, плавно покачиваясь, не спеша двигалась лодка с двумя силуэтами — мужским и женским. Она сидела на корме, обхватив колени. А он... Да, без сомнения, он греб! Это были весла, настоящие весла. И точно такие он видел в Историческом, когда они разыскивали там очередного бегльца — пропавшего старика, нумизмата.

Лодка шла лениво, даже небрежно как-то, толчками, а лайдеры, похожие на плавучие аквариумы, и стрелы с гирляндами огней на борту обминали ее, оставляя на воде крутой поблескивающий след.

Свену вдруг безумно захотелось туда, третьим. Чертовски приятное, должно быть, ощущение — грести! Лодка скрылась за поворотом, а он все смотрел вслед.

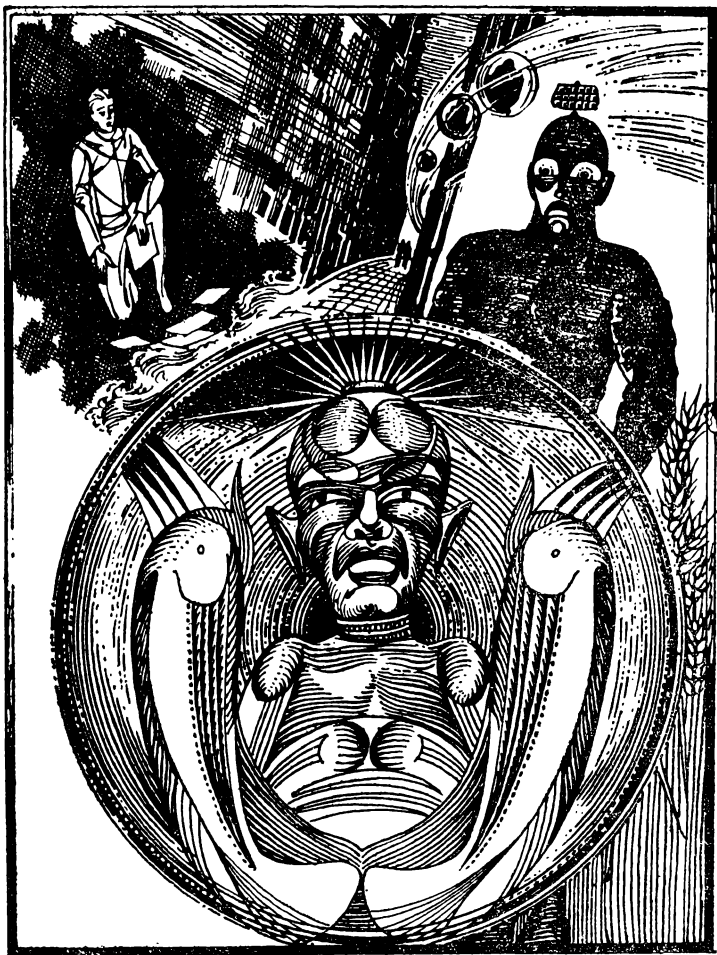
А вести самому машину? Тоже неплохо. Взять молоток и разбить этот проклятый принудительный автоводитель, а потом сесть и покатить куда глаза глядят... Куда-нибудь далеко-далеко, в заповедник. Свен настолько явственно ощутил в руке тяжелый молоток, что испуганно оглянулся: не подслушал ли кто-нибудь его мысли. Но желающих пройтись пешком сегодня по обыкновению почти не было. Только вдали уныло вышагивала длинная фигура. «Длинноухий», — с неожиданной неприязнью определил Свен коллегу по коротко блеснувшему значку. Прозвище у шпуров было нелестное, но в меткости ему отказать было нельзя.

Надо расслабить мышцы и не думать ни о чем. Главное — не думать. И дышать так, как учит тренер.

Через несколько минут Свен почувствовал себя отдохнувшим. До Харви добираться было недалеко, поэтому он и позволил себе небольшую остановку. Связаться с Харви из Управления ему не удалось — видеозор приятеля не отвечал. «Тем лучше, — решил Свен, шагая по черному зеркалу асфальта, — нагряну неожиданно!»

В последний раз они немного повздорили, и Свен чувствовал себя виноватым. Он назвал Харви ослом и идиотом, когда тот начал защищать беглецов. А может быть, Харви не так уж не прав?

Свен пересек набережную и, выйдя на трассу, вскочил в проходящий бус. Когда-то отыскать свободное местечко в эту пору было не так-то просто. Теперь же вагон был пуст. Лишь у иллюминатора сидела девочка-подросток. Она недобро глянула на Свена и отвернулась. Свен инстинктивно прикрыл рукой значок и плюхнулся в

кресло. Ему даже послышалось «длинноухий», сказанное шепотом, и он украдкой бросил взгляд в сторону девочки. Губы ее были плотно сжаты. «Нервишки», — подумал Свен.

Три окна Харви были темны, как и все остальные. Дом, погруженный во тьму, казался великаном, которого ослепили.

Свен миновал разбитый лифт, застывший где-то между третьим и четвертым этажами. На четвертом он остановился. Лестничная площадка пахла мышами и запустением. Сквозь запыленное двухцветное стекло слабо пробивался свет уличного фонаря.

Звонок сиротливо задребезжал откуда-то из глубины, словно жалуясь, что его потревожили. Свен уже собрался уходить, но тут заметил, что дверь заперта изнутри.

— Спит, что ли? — пробормотал Свен, стукнув в дверь. — Открой, Харви!

Ответа не последовало. Тогда Свен забарабанил изо всей силы. Потревожить соседей он не боялся: уже с полгода, как последний жилец дома, исключая Харви, съехал отсюда неизвестно куда. Харви был единственной живой душой в старинном доме.

Кулак заныл, и Свен опустил руку. Молчание казалось плотным, слежавшимся. Не на шутку встревоженный Свен бухнул в дверь ногой. Гулкое эхо колодца многократно повторило удар. Уже догадываясь, в чем дело, и все же не желая верить, Свен нажал плечом на старую дверь. Крючок соскочил, и он ступил в прихожую, отдающую погребом.

— Эй, бродяга! — сказал он. — Вставай! — И громко добавил: — Принимай гостя.

Несколько долгих секунд ждал ответа.

— Брось шутить, — повторил он через минуту упавшим голосом.

Свен нащупал в темноте выключатель.

Похоже было, что хозяин комнаты куда-то собирав-

ся, и в большой спешке. Дверца стенного шкафа была полураскрыта. Повсюду: на стульях, на софе, на полу — были разбросаны груды бумаги. Свен подумал, что власти не без оснований смотрели на Харви косо: они недолюбливали слишком больших грамотеев.

Осторожно лавируя, Свен подошел к письменному столу, приткнувшись к среднему окну. В глаза ему бросился блокнотный листок, придавленный массивным пресс-папье. На пластиковом прямоугольнике наспех было нацарапано:

«Свен, прощай! Я уверен, что это письмо попадет к тебе, а кто еще придет в гости к чудаку-отшельнику, к тому же занимающему подозрительным бумагомаранием? Конечно, ко мне пожалуют и неизбежные посетители, но к тому времени ты уничтожишь этот листок. А я буду уже далеко, очень далеко. Так уж получилось, не вини меня. Невозможно дышать в этом мире, отравленном злобой и ненавистью... Остается надеяться, что там, куда я бегу, будет лучше... Триста лет — достаточный, по-моему, срок для человечества, чтобы поумнеть».

Дальше шло несколько фраз, тщательно зачеркнутых. Подписи не было, но Свен хорошо знал почерк Харви — изломанный, падающий влево.

Свен сел на стул, стряхнув с него пыльную связку бумаг. Согласно Уставу он, как шпур, должен был бы немедленно сообщить в центр о случившемся. Короткий сигнал, передача координат — и через несколько минут на крышу дома опустится орник со зловещей эмблемой. И дальше все по трафарету. Выстукивание стен и потолка, тщательный обыск квартиры беглеца, иногда удачный, а иногда и нет, и в заключение — увесистая пломба на двери, втихомолку прозванная печатью дьявола.

В послужном списке Свена числилось немало пойманных беглецов. Но это были чужими ему, а Харви... Харви — друг. Впрочем, Устав с этим не считается. Свен вынул из кармана передатчик. Повертел в руках пест-

рую капсулу, словно видел ее впервые, и решительным жестом сунул обратно.

Будь что будет! В конце концов, свидетельств его связи с беглецом никаких, если не считать записи. Счастье, что он вздумал зайти сюда раньше, чем придут те, другие. Свен поднес к листку зажженную спичку и не мигая глядел, как огонь споро пожирает корчащуюся пленку. Затем сдул пепел на пол и поднялся.

У выхода Свен наткнулся на потрепанную записную книжку. Он пагнул ее и поднял. Между страниц лежало небольшое цветное фото Харви. Хмурое, неулыбчивое лицо, огромный лоб, орлиный нос, сжатые губы, в уголках которых, казалось, затаилось недоумение. Под цыганскими глазами залегли тени. Румянец горячечно тлел на щеках.

Свен спрятал фото в нагрудный карман и вышел из комнаты.

Теперь он остался один в этом нелепом мире, в этом огромном полупустом городе. Еще год назад город был переполнен, а теперь пустуют целые дома, и многие двери украшены тяжелыми пломбами. Меблированные комнаты идут по смехотворной цене, а съемщиков нет... Не хватает рук, так как автоматизация, какой она ни будь полной, все же требует присутствия человека. Люди бегут, несмотря на сеть шпуров и жестокие законы, направленные против беглецов.

Драконовские меры правительства, видимо, были недостаточными. Бегство в будущее продолжалось.

— Без людей наша цивилизация рассыплется, как карточный домик, — сказал президент, выступая в клубе шпуров, где собрались тысячи коллег Свена.

И мрачная действительность ежедневно подтверждала правоту президента.

Огромный завод вдруг словно сходил с ума. В цехах ухали взрывы, контейнеры лопались, словно перезрелые сливы, едкая гарь заволакивала территорию. Для управ-

ления гигантским комплексом требовался инженер, единственный человек, но этого человека не было...

А фермы, а сады, а поля? Горько было видеть их запустение.

Хоть самому бежать вслед за Харви... Интересно все-таки, кто ему помог? Или, может быть, он сам устроился? Харви всегда отличался выдумкой, не в пример своему приятелю, которого прозвали Свен — мудрая голова.

Когда Свен спускался по темной и затихшей лестнице, передатчик коротко, но требовательно пискнул. Снова вызов! Не дают покоя ни днем, ни ночью! Проклятая работа!

Привычным жестом Свен вставил горошину в ухо.

— Искатель Свен? — Голос начальника группы звучал глухо, словно спросонья.

— Слушаю, шеф.

— Где вы сейчас?

С замиранием сердца Свен сообщил свои координаты.

— Что вас занесло в такую даль? — подозрительно спросил начальник.

— Решил размяться немного... Думал, вызовов сегодня больше не будет, — проямлил Свен.

— Думал, — с издевкой повторил шеф. — А Устав шпура вы знаете? Ну, ладно. Вы, собственно, у кого? Я слышу, вы говорите из закрытого помещения?..

— Приятель, партия в бридж... — ответил Свен, стараясь, чтобы голос звучал ровно: он знал, что в этом случае детектор лжи, в непогрешимость которого свято верит шеф, будет нем как рыба.

— Доиграете потом, — сказал шеф, — срочный вылет, а свободных шпуров нет.

— Слушаю.

— Убежал инженер из холодильной компании. Необходимо срочно разыскать и распечатать. Фирма настаивает. Чек уже поступил в Центр. Но дело не в этом, — спохватился начальник. — Запишите координаты

ты: угол восемнадцатой авеню и тысяча четвертой стрит.

— Это фабрика холодильников?

— Нет, маленький шестнадцатизэтажный дом. Вход со двора. Вас там встретят наши люди. Постарайтесь добраться побыстрее. Всел

Двор, скудно освещаемый люминесцентными панелями, был захламлен и уныл. Немногочисленные жильцы шарахались от шпуров, словно от зачумленных.

— Все они заодно,— пробормотал рыжий верзила с ненавистью.— Сегодня сообщники беглецов, а завтра — беглецы. Будь моя воля...— Верзила не договорил, махнул рукой, и Свен так и не узнал, каким проектом мог бы осчастливить республику старший.

Пневмокапсула пронзила этажи, словно нож, воткнутый в слоеный пирог голодным человеком.

— Здесь,— сказал старший, посветив на дверь фонариком.

Помощник открыл отмычкой дверь, и они, осторожно озираясь — иногда бывали и засады,— вошли в квартиру.

— Видно, здесь жил богатый человек,— сказал Свен, тыкая пальцем в ковер.

— Не человек, а беглец,— строго поправил его старший.— Начните с ванной,— велел он Свену,— а мы займемся столовой.

Через двадцать минут квартира приняла вид, словно по ней промчалось стадо взбесившихся бизонов.

— Попался, голубчик! — Торжествующий голос старшего неприятно резанул слух Свена. В глубине души он почему-то надеялся, что они уйдут отсюда ни с чем. Не мог этот олух приискать себе местечко получше и поукромней, чем собственная квартира!..

Свен вошел в спальню, где орудовали старший с помощником. Отодранные с пола листы линолеума загромождали комнату. В брусках пола было вырезано гнездо, в котором покоился контейнер, похожий на пластиковый гроб.

— Ишь, мудрец! — со злобой сказал старший и сплюнул.

— Как лист настелили! — восхищенно заметил помощник, разглядывая изогнутый квадрат линолеума. — Ни за что не догадаешься, что его отдирали, — и он показал Свену на ровные, будто срезанные бритвой края.

— Сообщники — дело последующего контроля, — заметил старший. — Думаю, им тоже не поздоровится, как и этому, — он пнул ногой угол контейнера.

— Осторожней, — вырвалось у Свена. — Может треснуть, как вчера на улице Слез...

— И все слезки вытекут, — захохотал помощник.

— Тогда беглеца и впрямь не поймаешь, — позволил себе улыбнуться старший. — А скажи-ка, мудрая голова, с чего это ты стал таким добрым к беглецам?

— Вовсе не стал я добрым, — запротестовал Свен. — Просто забочусь о рабочей силе...

— Давай-ка сюда! — распорядился старший, и шагающий манипулятор, по-собачьи перебирая щупальцами, приблизился к белому прямоугольнику контейнера с беглецом и остановился, ожидая приказаний.

— Бери эту штуку и ступай в аппарат. Мы сейчас придем, — сказал старший.

Тележка подогнула свои передние щупальца и ловко взвалила контейнер на платформу. Затем ловко выскользнула, оставив дверь открытой. Перестук щупалец быстро переместился по коридору и замер в отдалении.

— А она, наверное, неполная, гелия не хватило. Слышали, булькнула, когда грузилась? — сказал Свен.

— Я бы все эти штуки разбивал на месте, — произнес негромко помощник. — Ну, чего в Центре с ними церемонятся?

Старший промолчал.

— Дезертиры, — распаляясь, продолжал помощник. При каждом удобном случае он старался продемонстрировать свои верноподданические чувства. — В момент

наивысшего напряжения нации они бегут с поля боя, поджав хвост.

В Центр возвращались на довольно большой высоте, опасаясь внезапного выстрела снизу. С нахлынувшей тоской, обычной в последнее время, Свен глядел вниз. Город был освещен скудно — каждый ватт энергии находился на жестком учете.

Свен, сопровождающий манипулятор, едва отыскал на складе свободное местечко для нового беглеца. Центр явно не поспевал пропускать огромный поток беглецов, изловленных бдительными шпурами.

Стеллажи, убегающие под самый потолок, были забиты разнокалиберными контейнерами. Одни были заполнены из грязно-серого, самого дешевого пластика, другие солидно поблескивали голубоватым нейтритом, третьи выставляли на гранях завитушки из благородного металла с явной претензией на роскошь.

Некоторые контейнеры имели на торцах столбы цифр и невразумительные письмена — эти штабелями были сложены в отдельном углу, — хлеб, хотя и нелегкий, дешифраторов. Извлечь смысл из этих цифр было потруднее, чем раскрыть секретный шифр несгораемого сейфа. Электронные машины в отделе дешифраторов трудились день и ночь, едва не дымясь от перенапряжения, но работы все прибавлялось...

Идя со склада, Свен покачивался от усталости. Поспать часика три-четыре, и больше, кажется, ничего не надо на свете.

— Куда, мудрая голова? — окликнул его какой-то шпур. Свен даже не разобрал толком в полутьме, кто это.

— К себе, соснуть, — Свен, остановившись, кивнул в сторону высокого купола, светящегося коричневым светом.

— Счастливцев, — вздохнул окликнувший, — а у меня три новых вызова, хотя смена кончилась. Вылетаю.

— Далеко? — из вежливости поинтересовался Свен.

— Порядком. Только что искатели сообщили координаты. Один — у Коровьей пустоши. Агент подозревает, что беглец спрятался на соседнем кладбище, в семейном склепе. Второй, дурачок, зарылся в городском сквере, возле фонтана.

— Как же так?

— Наверное, ночью зарыли.

— И никто не видел?

— Если кто и видел, так разве донесет? Видно, здорово торопились дружки. Шпур шел через сквер, видит — а уголок-то торчит из-под земли! Третий... А, да что там! — Говоривший махнул рукой.

— Желаю улова! — крикнул вслед Свен и отправился к себе. Идя в свою клетушку по бесконечному коридору, Свен нащупал в кармане записную книжку Харви. Первым делом он заперся и затем начал разбирать каракули ушедшего друга...

«Вчера допоздна разговаривали с С. Спорили.

— Жизнь стала невыносимой,— заметил я.

— Как же быть? Ее не переделаешь,— заметил С.».

«С.— это я»,— осенило Свена. Он припомнил свой давний спор с Харви и стал жадно разбирать дальше корявые, падающие вниз строки.

«...— Остается одно,— сказал я.— Нырнуть в жидкий гелий и вынырнуть лет эдак через двести-триста.

— А кто сказал, что тогда будет лучше? Может быть, будет еще хуже, чем теперь? — усмехнулся С.

— Могу поручиться: хуже не будет.

— Почему?

— Очень просто — хуже не может быть.

— Оставь свои шутки,— рассердился С.— Вполне возможно, что через два века ты, выйдя из своего гроба с двойными стенками, застанешь голую пустыню, отравленную атомной радиацией...»

«Вовсе я не рассердился на него,— подумал Свен,— обычная мнительность Харви».

В коридоре слышались шаги, и Свен поспешно припрятал записную книжку.

Однако дочитать ее в этот вечер ему так и не пришлось: последовал еще один вызов, затянувшийся до глубокой ночи...

Страховое общество «Титан и Венера» пребывало в величайшей панике. Третьего дня к окошку выдачи подошел бледный вкладчик. Он протянул через барьер листок погашения. Девушка заученным движением подхватила листок.

— Все сразу? Или часть? — не глядя на посетителя, прошептала она.

— Все, — коротко бросил клиент.

Девушка положила перед собой листок... и глаза ее полезли на лоб: в графе «расход» красовалась цифра... Нет, это ни с чем не сообразно!

— Вы ошиблись, — кротко сказала она, возвращая бланк. — В сумме несколько лишних нулей.

За восемь лет службы в «Титане и Венере» Мимит привыкла к разного рода казусам.

— Нет, все правильно, — возразил странный посетитель, возвращая листок. — Проверьте мою карточку.

Сумма в самом деле оказалась правильной. Все объяснялось просто: необычный посетитель был в этих стенах в последний раз без малого двести лет тому назад. Тогда же он положил на текущий счет довольно внушительную сумму, не превосходящую, однако, обычного вклада.

Остальное сделали сложные проценты и время...

— Прошу подождать, — пролепетала Мимит и на цыпочках подошла к широкой дубовой двери.

— Двести лет? — переспросил член правления. — Мисс, а вы не заглядывали утром в стакан?

— Цифры не подлежат сомнению,— сухо произнесла Мимит, обиженно опустив очи долу.

— Двести лет. Мистика какая-то. Как мог он урвать у господ такой жирный кусок? Мне шестидесяти нет, а я уже собираюсь в дальнюю дорогу.— Шеф задумался.

— Прикажете выдать? — напомнила Мимит.

— А мы с чем останемся?

Шеф поднялся и прихрамывая подошел к калькулятору. Однако все было правильно. Коварные проценты на проценты сделали свое дело. Получалось нечто похожее на прогрессию, которая, как известно, растет лавинообразно.

Впервые за всю жизнь растерявшийся шеф припомнил нестати притчу о индийском принце Сираме, к которому пришел изобретатель шахмат. Безвестный гений в награду за увлекательную игру попросил, казалось бы, совсем немного: за первый квадрат шахматной доски — одно зернышко риса, за второй — два зернышка, за третий — четыре, за четвертый — восемь и так далее. И что же? Всех житниц принца не хватило на то, чтобы рассчитаться с изобретателем. В итоге принц разорился дотла.

В общем, со сложными процентами шутки плохи!

Позвонить в Центр? Шеф потянулся к видеотелефону, но тут же раздумал. Они, конечно, заинтересуются клиентом столь почтенного возраста, но... О вмешательстве полиции прослышат другие клиенты, шила в мешке не утаишь. А как же тайна вклада, которая гарантируется «Титаном и Венерой»? Нет уж, потеря доверия вкладчиков — последнее дело. Что угодно, только не это. Надо выплатить. Можно извернуться: приостановить другие платежи...

Шеф вышел, чтобы посмотреть на уникама.

Бледный посетитель терпеливо ждал у окна.

«На вид ему и сотни не дашь. Вот негодяй! Наверно, вегетарианец», — подумал член правления «Титана и Ве-

неры», с ненавистью глядя на дурно выбритого клиента.

Итак, почтенное общество, поднатужившись, выполнило желание таинственного вкладчика и погасило его счет.

Но дело на том не кончилось. Через три дня после столь же необычного, сколь и прискорбного для общества события к окошку кассы подошел румяный толстяк. Он также выразил желание получить обратно свой вклад, внесенный ни много, ни мало... двести пятьдесят лет назад.

В последующие дни к злополучному окошку явилось еще несколько странных Мафусаилов.

В итоге страховые компании и банки начали лопаться, словно дождевые пузыри. Тревожные сообщения поступали из разных концов республики. Неизвестно откуда появились бодрые люди трехсотлетнего возраста и во всеуслышание заявляли о своих правах.

С каждым днем пришельцев становилось все больше. С трудом достигнутое равновесие полетело ко всем чертям. Транспорт переполнился. Попасть в подземку стало невозможно, даже в мертвые дневные часы. Цены в меблирашках подскочили до космических высот: некоторые пришельцы сорили деньгами, ни с чем не считаясь.

В одной газете появилась карикатура, из облаков вываливалась вереница седобородых пришельцев. Передний кричит.

— Эй, люди! Мы прибыли. Не освободите ли место?..

Газеты спорили, какими путями достигается феноменальное массовое долголетие.

— Диета! — утверждали одни.

— Спячка с помощью сильнодействующих снотворных, — предполагали другие.

— Гипноз! — надрывались третьи.

Однако истину в те блаженные дни еще никто не знал.

Венс вышел из старых, потемневших от времени ворот — малая песчинка среди тысяч таких же, как он, рабочих и инженеров, гнувших спину на всемогущую компанию «Уэстерн». Хмурые лица, озабоченные глаза, одинаковые фирменные робы...

В толпе кто-то пребольно наступил Венсу на ногу. Венс поднял голову, чтобы выругаться — перед ним стоял приятель из административного корпуса. Хоран сделал Венсу таинственный знак. Кое-как они выбрались из толчеи на тихую улочку.

Полуразвалившиеся дома, в которых никто давно не жил, грустно смотрели на них выбитыми окнами. Впрочем, некоторые из них были наспех застеклены и тщательно затянута тряпьем.

— Я тут каждый день хожу, — сказал Хоран. — Каждый день застекленных окон прибавляется. Скоро и здесь тоже будет полно. Вот увидишь...

— Новенькие?

— А кто же еще? Пришельцы из неведомого прошлого, назойливые гости, смертельные конкуренты нашей цивилизации, или как их там еще прозывают в газетах.

— Оставь их в покое, — сказал Венс. — Они такие же люди, как и мы с тобой.

— Ты уверен в этом?

Венс пожал плечами.

— В таком случае можешь поблагодарить своих новоявленных братцев...

Венс молча озирался по сюронам. Он по опыту знал, что Хорану нужно дать возможность выговориться.

— У меня для тебя новость, — продолжал Хоран.

— Люблю новости.

— Новость, к сожалению, невеселая. На днях готовится новое увольнение. И тебя внесли в списки.

— Но мне же обещали...

— Обещали... — иронически повторил Хоран. — Грош цена этим обещаниям. Среди твоих новоявленных братиков, видишь ли, попадают довольно неплохие инжене-

ры. Причем эти пришельцы из прошлого готовы работать за гроши.

— Но они же богачи? — возразил Венс.

— Враки! Богачей среди них считанные единицы, а у большинства ничего за душой. У них нет ни одежды, ни кровя над головой, если не считать эти трущобы, ни куска хлеба — ничего!

— Откуда они взялись? — вырвалось у Венса.

— Ты хочешь, чтобы я ответил тебе на вопрос, над которым ломают голову лучшие умы республики, — улыбнулся Хоран. — Но у меня есть на этот счет собственная гипотеза. Кажется, я напал на разгадку. — Он взял Венса под руку и, таинственно понизив голос, продолжал: — Мне кажется, это пришельцы из космоса.

— Из космоса... — разочарованно протянул Венс. — Поумнее ты ничего не мог придумать?

— Дослушай, а потом говори, — горячо зашептал приятель. — Они, конечно, такие, как мы, да не совсем: они хитрее нас.

— Ты сегодня говоришь загадками, — сказал Венс.

— Вовсе нет! Понимаешь, если человек летит в ракете, то время для него замедляется, разумеется, с точки зрения тех, кто остался на Земле, — быстро проговорил Хоран.

— Эта премудрость мне известна еще со времен колледжа, — заметил Венс.

— Погоди, смеяться будешь потом. Все очень просто. Странно, что никто еще не догадался, в чем дело. Человек садится в ракету и разгоняется до субсветовой скорости. Время для него замедляется. Причем необязательно лететь в другую Галактику, можно кружить даже вокруг старушки Земли.

— И что же дальше?

— На ракете, допустим, прошли сутки, а на Земле — целый год! Это уже в зависимости от скорости. И вот хитрецы, достаточно покружившись, возвращаются — и,

пожалуйста! Перед ними далекое будущее Земли, к которому они — глупцы! — так стремились.

— Я, к сожалению, не физик, но думаю, что это чушь,— решительно отрезал Венс.— Представляешь, сколько надо энергии, чтобы разогнать ракету до субсветовой скорости?

— Не представляю,— чистосердечно сознался приятель.— Но это неважно, можно взять с запасом...

Венс, как ни мерзко было у него на душе, против воли усмехнулся.

— Послушай,— начал Хоран. Он опасливо оглянулся и понизил голос до шепота: — Давай убежим, а?

Опешивший от неожиданного предложения, Венс в первую минуту не нашелся что ответить.

— У меня есть кое-какие сбережения,— продолжал Хоран.— Подержанная двухместка стоит недорого, я узнавал.

— Гм... недорого. А кто ее подталкивать будет — мы с тобой? Расход ракетного топлива контролируется Центром.

— Фотонное топливо раздобудем на военном складе,— прошептал Хоран.— За деньги все можно.

— Но я в жизни не управлял ракетой,— пожал плечами Венс, делая вид, что всерьез принимает предложение взбалмошного приятеля.

— Это ни к чему,— горячо задышал в ухо Хоран.— Слава богу, мы живем в век автоматизации. Век, когда рабочий обходится дешевле машин... Но я не о том,— спохватился Хоран.— Наша задача только наполнить баки, сесть в кабину и нажать кнопку. Остальное сделает кибернетика. Ну? Решайся!

— Не пойму одного,— задумчиво произнес Венс.— Отчего тебе так хочется удрать? И непременно в будущее? Допустим, я еще куда ни шло. Быть безработным удовольствия мало. Но ты? У тебя, по-моему, верный кусок хлеба с маргарином...

— Был,— лаконично заметил Хоран.

— Как, и тебя тоже?

Хоран кивнул.

— Компания и для меня подыскала заместителя. Разумеется, из пришельцев. Согласен получать на пятнадцать монет меньше, чем я. Вот так. А меня на улицу. Двадцать лет Хоран гнул спину на «Уэстерн», а пришло время — и выгоняют, как старую собаку. Только этих чужаков не хватало на нашу голову! Негодяи, — лицо Хорана перекосилось, — всех бы их поставить под пулемет! Венс, я уже третью ночь не сплю, все думаю, голова кругом идет. Давай убежим, а?

— Убежим, а что же дальше?

— Накрутим вокруг Земли хоть полсотни лет.

— Допустим.

— А потом спустимся на Землю. Как эти самые пришельцы.

— И кто-нибудь выразит горячее желание поставить нас под дуло лучемета. Не так ли?

— За пятьдесят лет у нас многое изменится, — сказал Хоран. — Не будет безработицы. Люди перестанут ненавидеть друг друга...

— Кто это тебе поручился, что через пятьдесят лет будет лучше, чем сейчас? — спросил Венс.

— Во всяком случае, хуже не будет, — убежденно произнес Хоран.

— Почему?

— Да потому, что хуже быть не может.

— Железный аргумент! — расхохотался Венс, хотя ему было совсем невесело.

Они миновали район трущоб и распрощались у набережной Пешеходов. Говорят, набережная получила свое название еще в те времена, когда автоматизация бурно развивалась. В те дни и отвели набережную для чудаков, желающих ходить пешком. «Даже не верится, что когда-то техника достигла такого уровня», — подумал Венс.

— Ты фантазер, Хоран,— сказал он приятелю на прощанье.

А сам Венс, разве не был он фантазером? Разве не грезил о переустройстве жизни, так, чтобы всем было хорошо?

У входа в подземку собралась огромная толпа. Венсу, всю жизнь проведенную среди городского безлюдья, было непривычно видеть такое сборище людей.

Зрелище массы людей из пришельцев, которыми «Уэстерн» оперативно заменил более дорогие автоматы, также было для Венса диким и непривычным.

Подходы к подземке были забиты.

Сначала Венс решил, что случилось какое-нибудь сногшибательное уличное происшествие, притягивающее, как магнит, бездельников из всех закоулков. Но, подойдя поближе, он понял, что ошибся. Озлобленные, хмурые люди думали об одном: поскорее протиснуться к ненасытному турникету. Из вожделенных дверей вырывались клубы пара, фиолетового в вечернем тумане, и тянуло сырым теплом. «Сплошные пришельцы»,— подумал Венс, усиленно работая локтями. Он вспомнил нелепую теорию Хорана о происхождении пришельцев и усмехнулся. Прежде всего, огромные ускорения сплющат человека в лепешку, если разгонять корабль вокруг Земли до субсветовой скорости. Но даже если отвлечься от этого... Могло ли такое количество ракет приземлиться, не будучи замечено постами противовоздушной обороны?

Венс жил на окраине, в домике, доставшемся ему по наследству. Жил один, замкнутость характера также досталась ему от праотцев.

Днем прошел дождь, размыв старый тротуар, поэтому ступать приходилось не спеша и осмотрительно.

На лавочке возле дома кто-то сидел. Когда Венс подошел, навстречу ему поднялась высокая мужская фигура. «Пришелец,— наметанным взглядом определил Венс.— Не он ли станет завтра на мое место?»

В свете дугового лампiona лицо незнакомца казалось неживым.

— Простите... Вы здесь живете? — спросил человек, делая ударение на слове «вы».

— Я, — подтвердил Венс, останавливаясь.

Незнакомец, видимо, волновался, с трудом подыскивая слова. Венс обратил внимание на его странный выговор. Да и одет он был необычно. Серая хламида, видимо, не спасала от холода, пришелец дрожал, кутаясь в нее.

— Мне... нужен... один человек... который живет... — жил здесь, — с усилием проговорил незнакомец.

— Здесь живу только я, — сказал Венс.

— Давно?

— Двадцать лет.

— Двадцать лет! — повторил незнакомец со странной улыбкой. — Срок, конечно, немалый... А вы случайно не знаете... тут раньше жил мой друг...

— Как его звали?

— Свен... Свен — мудрая голова...

— Свен? Так звали моего предка... прадеда... Но это было давно. Кажется, в Безлюдном веке... — Венс почувствовал необъяснимое волнение.

— Очень рад, — сказал незнакомец все с той же странной улыбкой. — Мне, можно сказать, повезло. — После чего сделал жест, смутивший Венса: шагнул к нему и крепко пожал руку, которую юноша не успел отдернуть. Ладонь незнакомца была холодна, как лед.

— Вы... оттуда? — Венс и сам не смог бы объяснить, что означает его вырвавшееся «оттуда».

Незнакомец осторожно кивнул, словно боялся, что отвалится голова.

— Прощу, — спохватился Венс и гостеприимно распахнул дверь.

Лицо пришельца с самого начала показалось Венсу знакомым. Где мог он видеть эти суровые, резкие черты,

словно высеченные из камня? Этот орлиный, с горбинкой, нос?

Незнакомец потер ладонью широкий лоб. Губы его были плотно сжаты. Он с волнением оглядывал комнату и вдруг с хриплым криком подскочил к стене. Там, в углу, над окном, висело древнее цветное фото в обшарпанном багете. Незнакомец сорвал фото и долго вглядывался в него, беззвучно шевеля губами.

Венс перевел взгляд с посетителя на портрет... Неужели это одно лицо? Похоже на то... Только лицо на фото выглядит более свежим и румяным, чем оригинал.

— Это я, я — Харви, — сказал незнакомец, указывая на выцветшее фото.

— Харви?

— Да, так звали меня... раньше.

...В эту ночь подслеповатые оконца домика на глухой окраине светились до самого рассвета. Диковинные вещи услышал Венс от своего гостя. И с каждой фразой он наливался новой для себя решимостью. Зло могуче, но не всесильно.

Далекое, отшумевшее прошлое, скрытое за перевалом двух веков, вдруг приоткрыло перед Венсом свою завесу, сотканную долгими десятилетиями лжи и недомолвок. И Настоящее озарилось Прошлым, наметив контуры Будущего...

Говорить о прошлом в республике запрещалось под страхом суровой кары. И растаявшие годы мало-помалу забывались, теряясь в сумерках времен. Да что там далекое прошлое! Даже относительно недавние события, отделенные от нынешних дней каким-нибудь десятком лет, быстро тускнели в памяти, приобретая налет сказочной недостоверности. Может, они и разыгрывались, эти дела, а быть может, это плод фантазии сказителей, кто знает? Во всяком случае, о них нигде не прочтешь...

Что же касается слухов о странных событиях, происходивших двести лет назад, то они, глухие слухи, давно замерли, и отголоски их сохранились лишь в сказках

да песнях, где говорилось о том, как в один черный год вдруг начали исчезать люди неведомо куда. Наверно, они, сумев миновать неприступное кольцо гор, окаймляющих республику, убежали во внешний мир и нашли другую страну, более счастливую...

В страну, на знамени которой начертано: свобода. Страну, над которой не висит дамокловым мечом безработица.

В страну, которая не отрешивается от всего прошлого. В страну, которая уверенно и спокойно смотрит в будущее...

В той стране, говорят, место в жизни завоевывается собственным трудом.

Человек там не может претендовать на привилегии по мотивам собственного происхождения, или родственных связей, или чего-либо подобного...

И всем хватает места под солнцем, которое, говорят, благосклонно к той стране...

Однако как достичь земли обетованной?

Как попасть в ту далекую страну?

Никто не знает, пели сказители, вдоль каких пиков вились, какие пропасти пересекали неторные тропы смельчаков. Но вскоре тропы были перекрыты, а пойманных беглецов ждали пытки и каторга. И волшебная калитка во внешний мир захлопнулась, чтобы никогда больше не отворяться, а дорога к ней заросла, затерялась в сером вереске...

Долгое время из уст в уста передавалась мифическая песня, которую якобы сочинили беглецы. Венс припомнил печальный напев и горькие слова:

К закату легла от порога,
Простерлась по чистой земле,
Темнит и петляет дорога
И тает в испуганной мгле.
Мы горные рубим ступени,
Дорога во тьме нелегка,
Ложатся бессонные тени
И черная ночь на века...

Странные слова... странная песня... Только теперь для Венса начал проясняться ее темный смысл.

— ...Это был какой-то психоз,— продолжал Харви свой рассказ.— Люди отдавали все за такие коробки с двойным дном, за несколько десятков галлонов жидкого гелия... Открывался такой заманчивый путь! Дорога во внешний мир заказана, ее стерегут хищные скалы. А тут так просто!.. Погружаешься в жидкий гелий и замерзаешь, чтобы воскреснуть, я хочу сказать — проснуться,— поправился Харви,— через двести лет. Но как я ошибся! Как ошиблись все эти несчастные,— тихо проговорил Харви и закрыл лицо руками.

— Сжиженный гелий... Но это же смертельно,— сказал Венс.

— Минус двести шестьдесят девять градусов.

— Почти космический холод! Ткани должны погибнуть,— недоуменно заметил Венс.

— Наоборот, только при такой температуре они могут сохраниться,— возразил Харви.— Все зависит от способа погружения. Я знаю секрет. Раздобыть его было не так-то просто.

— Человек ложился в ванну и замерзал. Что же дальше? — спросил Венс.

— Потом друзья беглеца прятали контейнер в укромном местечке, заранее облюбованном.

— Но они могли запрягать его так, что оттаявший потом, через двести лет, мог бы и не выбраться?

— Ну...— Харви пустил колечко синего дыма.— Контейнер если закапывали, так совсем неглубоко, по сути, только маскировали тонким слоем почвы. Если замуровывали в стену, то ограничивались дюймом штукатурки. Если прятали в полу, то покрывали только пленкой линолеума... Конечно, из-за всего этого ищейкам легче было разыскать беглецов. Но что нам было делать?

— За два века многое могло измениться. На пустыре мог вырасти многоэтажный дом, башня космосвязи, да мало ли что? — сказал Венс.— Наконец, пыль, обыч-

ная пыль, оседая, могла за это время образовать новый слой почвы в много метров толщиной. Каково же беглецу очнуться и вдруг оказаться заживо похороненным... Неужели вы не подумали об этом?

— Думали,— махнул рукой Харви,— думали мы и об этом. Но выхода у нас не было, и люди шли на риск. Впрочем, насколько я успел заметить вчера, когда выбрался из тайника, строений в этом городе не очень-то прибавилось...

— Потому что население почти не росло,— пояснил Венс.

— Возможно,— кивнул Харви.— Что же касается тех, которые, очнувшись, так и не смогли выбраться на волю... Что ж! Может быть, им лучше, чем вам...

Венс внутренне содрогнулся от каменного равнодушия, которым повеяло от этих слов. Лицо Харви было неживым, глаза упорно глядели в одну точку.

— Как действовал механизм «воскрешения»? — спросил Венс.

— Очень просто. В каждом контейнере устанавливалось реле времени. Через положенный срок, скажем, через два века оно срабатывало. Открывался маленький клапан, и гелий начинал капля по капле испаряться. При этом температура медленно, в течение трех лет, повышалась до тех пор, пока достигала двенадцати градусов выше нуля.

— Три года...

— Если нагрев происходит быстрее, кровеносные и лимфатические сосуды могут полопаться, и человек погибнет,— терпеливо пояснил Харви.

Венс побарабанил пальцами по столу.

— Итак, бегство в будущее,— сказал он.— Причем таким простым и относительно удобным способом. Непонятно только, почему все вы тогда не сбежали?

— Это было не так-то просто,— покачал головой Харви.

— Негде спрятаться?

— Не то. Сжиженный гелий стоил недешево. Люди готовы были отдать все сбережения, но их часто не хватало.

— А друзья, которые закапывали... Ну, в общем, прятали беглеца...— Венс не договорил.

— Они рисковали жизнью,— просто сказал Харви.

— Вот вас, например... Кто спрятал?

Вопрос этот Харви оставил без ответа. По лицу пришельца из глубокого прошлого скользнула тень. Видимо, горько ему было вспоминать далекого друга, давным-давно уснувшего в безвестной могиле.

В окна комнаты пробивался робкий рассвет. Бледный свет, мешаясь с желтым пламенем полупогасших стеновых панелей, окрашивал все предметы в фантастические цвета.

— Достать контейнер было трудно,— вздохнул Харви.— Существовали потайные мастерские, владельцы которых, рискуя головой, выполняли заказы состоятельных беглецов. Большинство беглецов при этом становилось нищими. Впрочем, у некоторых оставались еще деньги.

— Что же, они брали их с собой, в свой временный гроб? — поинтересовался Венс.

— Нет. Насколько помню, они вкладывали капиталы в страховые общества и банки. Уж не знаю, какая судьба постигла эти вклады...

Венс хотел что-то сказать, но гость опередил его:

— Я, собственно, не успел еще толком прийти в себя: прошли только сутки, как сознание ко мне возвратилось и я вышел на берег реки времени.

— Не каждый, наверное, может решиться на бегство во времени,— задумчиво произнес Венс, глядя в окно и думая о чем-то своем.

— Разумеется,— согласился Харви.— Тогда, два века назад, ложась в ледяную ванну, человек не знал, выйдет ли он из нее... когда-нибудь. А вдруг низкая темпе-

ратура убьет наиболее чувствительные клетки головного мозга и человек, оттаяв, потеряет полностью память? Поэтому самые дальновидные покрывали свой саркофаг иероглифами.

— Иероглифами? — не понял Венс.

— Да, это был самодеятельный, наспех придуманный шифр. В этих письменах были закодированы основные данные о владельце ковчега.

— Придумано неплохо.

— Конечно, заманчиво, вынырнув в туманном будущем, иметь при себе эдакое памятное письмо. Но зато представляете себе, что было, когда такого надписанного беглеца перехватывали длинноухие?

— Длинноухие?

— Так называли ищеек правительства.

— А много их было, этих ищеек?

— Порядком. А сказать точнее — чуть не каждый второй. По крайней мере, мне так казалось.

За долгую беседу Венс почти привык к необычному выговору Харви, и он уже не казался ему странным. Правда, встречались отдельные слова, которые были непонятны, но их было немного, и Харви объяснял каждое.

— Специальных ищеек называли шпурами, — продолжал Харви. — Шпуры рыскали повсюду, разыскивая беглецов. Кого удавалось поймать... — Харви замешкался.

— Что же с ними делали?

— Их размораживали.

— В течение трех лет?

— Нет. С ними не особенно церемонились. Воскрешали в течение нескольких суток, не заботясь о последствиях.

— По ускоренному методу?

— Вот именно.

— Что же делали с пойманным и воскрешенным беглецом? — спросил Венс.

— На этот счет среди юристов поначалу возникали

острые разногласия. Не так-то легко было решить вопрос: какими правами может обладать человек, возвратившийся с того света? Смерть ведь, как известно, автоматически лишает всех прав...

— Представляю, какая возникла неразбериха.

— В конце концов правительство издало декрет, по которому размороженный беглец не обладает никакими правами. В Уставе шпуров именно так и было сказано. Не помню дословно — это было так давно...

Харви умолк, задумавшись.

— Вы все-таки не ответили, Харви. Что делали с воскрешенными беглецами?

— Пожизненные каторжные работы, — медленно произнес Харви. — Спецлагеря. Долго там никто не выдерживал.

— Итак, вы в будущем, Харви, — ободряюще улыбнулся Венс. — Все опасности для вас позади. Вы не попали в кровожадные лапы шпуров, счастливо проспали два века и не были заживо похоронены. Что же теперь?

Харви молча развел руками. На лице его отразилась растерянность.

— Я вижу, что поставил на реле времени малый срок, — наконец произнес он тихо. — Слишком малый срок. Но если попытаться еще раз... — Не договорив, он вопросительно посмотрел на Венса, словно приглашая его в попутчики.

— В городе, да и повсюду, полно ваших пришельцев, — сказал Венс, хмурясь и отводя глаза. — Дороги забиты. Ночлежки переполнены. В брошенных домах, которые всегда пустовали, сегодня, наверно, нет уже ни одного свободного местечка. Я проходил там вчера и видел...

— Я тоже был вчера в квартале трущоб... Собственно, там на четырнадцатом этаже какой-то развалины, некогда бывшей пристанищем моего друга, я и появился вторично на свет божий... — вздохнул Харви.

— Скажите, все ваши беглецы выбрали этот год, этот месяц и этот день?

— Почти все.

— Чистейшее безумие! К чему такая кучность? — горячо заговорил Венс. — Почему бы вам, выходя из реки времени, не рассеяться вдоль берега, вместо того чтобы собираться огромной толпой? Это было бы лучше...

— Так получилось... Было предсказано, что этот день должен стать счастливым для беглецов в будущее.

— Кто же это так ловко предсказал?

— Таково было тайное пророчество знаменитого астролога, который никогда не ошибался.

— И впрямь счастливое время, — заметил Венс. — И для вас, и для нас. Рабочие руки девать некуда. Цены скоро достигнут Луны...

— Даже воздуха не хватит на всех, — с горечью добавил Харви. — Мы изгнанники, не нужные никому на свете. Что ж, остается одно: бежать дальше.

— Нет, вы останетесь с нами, — горячо произнес Венс. — Я понял: у нас общая цель.

Харви непонимающими глазами посмотрел на молодого человека. Венс все больше ему нравился. Только к чему говорить бессмыслицу?

— Пришельцам места нет. Перенаселенность, — покачал головой Харви.

— Выдумка идиотов! — выкрикнул Венс. — О нет, не таких уж идиотов! Они превращают в звонкую монету наш пот и нашу кровь. Их сейфы бездонны. Им нужны руки, которые дешевле механизмов.

Венс встал и подошел к окну, отдернув штору. Розовое буйство ворвалось в комнату и затопило ее.

— Но мы не бессловесная скотина, — сказал глухо Венс.

Харви смотрел на него заблестевшими глазами. И он когда-то был таким же увлекающимся. Но жизнь сломила его. И тогда он малодушно бежал...

— Сколько еще неосвоенных пустынь и нераспаханных полей! — продолжал Венс. — Но им, — он сжал кулаки, — им невыгодно, чтобы тот, кто работает на монополии, чувствовал себя человеком. Ведь тогда он громко заявит о своих правах!

— Надо бежать... — прошептал Харви.

— Бегство — удел малодушных.

— Значит, смириться и терпеть?

— Нет, бороться.

При последнем слове Харви вздрогнул. Невольно оглянулся. Венс громко произнес слово, за которое когда-то полагалась казнь...

— Пришельцы забиты, — робко возразил Харви. — Каждый мечтает только о куске хлеба да о крыше от дождя. Пришельцу вовсе нет дела до того, что происходит рядом.

— Мы сплотим их! — твердо сказал Венс. — Не бежать мы должны, а здесь, сейчас, своими руками создавать будущее. В него не проникнешь с черного хода...

Победивший рассвет хозяйничал в комнате. Он дохнул на занавески, отчего они шевельнулись, словно живые, скользнул по двум стаканам с застывшим чаем и остановился перед стеллажами, набитыми книгами и блоками памяти, — и стальные стойки радостно засверкали.

— Венс, мой мальчик... — Голос Харви дрожал от волнения. — Ты прав. Вот тебе моя рука.

Харви крепко пожал ледяную ладонь.

— Не будем терять времени, — продолжал Харви. Он пригладил ладонью серебряную гриву.

— С чего начнем?

— Пойдем в город. Надо собрать людей.

— Мне поможет друг, он сможет предупредить рабочих «Уэстерна» по центральному видеозору.

— Ты лучше знаешь своих, — кивнул Харви. — А я постараюсь собрать пришельцев.

Несколько секунд они глядели друг на друга, словно собираясь с духом перед сложной и долгой борьбой.

— И еще я хотел сказать тебе,— медленно произнес Харви.— Можешь располагать моей жизнью.

До ворот, ведущих на территорию «Уэстерна», они добирались долго — больше часа.

Все дороги, остановки и вагоны были забиты...

СОДЕРЖАНИЕ

Гибкая тактика (рассказ)	5
Последнее испытание (рассказ)	8
Важный вопрос (рассказ)	10
Точный расчет (рассказ)	14
Ошибка (рассказ)	19
Джи Джи (повесть)	21
Облако (повесть)	61
Аполлон (повесть)	132
Находка (повесть)	188
Берег надежды (повесть)	240

Михановский В. Н.

М69 Перекресток дальних дорог: Повести и рассказы.— М.: Мол. гвардия, 1987.— 270 [2] с., ил.— (Б-ка сов. фантастики).

80 к. 100 000 экз.

В книгу вошли повести и рассказы о физических парадоксах, о киборгах, роботах, их взаимоотношениях с человеком, о кибернетическом обучении студентов и школьников.

М 4702010200—265 146—87
078(02)—87

ББК 84Р7

ИБ № 5122

Владимир Наумович Михановский

ПЕРЕКРЕСТОК ДАЛЬНИХ ДОРОГ

Зав. редакцией **В. Щербанов**

Рецензент **Ю. Никитин**

Редактор **О. Завьялова**

Художник **А. Сухоруков**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **В. Пилкова**

Корректоры **Е. Дмитриева, И. Ларина**

Сдано в набор 05.03.87. Подписано в печать 29.09.87. А 01201. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 11,9. Усл. кр.-отт. 12,25. Уч.-изд. л. 12,3. Тираж 100 000 экз. (1-й завод 50 000 экз.). Цена 80 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Суцеская, 21, Изд. № 2789.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМУ «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени ~~издательско-полиграфического объединения~~ ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252119. Киев-119, Пархоменко, 38—44. Заказ 7—108.

80 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

